

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Югорский государственный университет»
Гуманитарный институт североведения
Югорская научная школа
региональных лингвистических исследований

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ В ХМАО-ЮГРЕ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ КРУГЛОГО СТОЛА

23–25 мая 2019 г.

г. Ханты-Мансийск
2019 г.

УДК 81(571.122)
ББК 81.0
Я41

Рецензент – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
БУ ХМАО-Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»
Ф. К. Лельхова

Я-41 Языковая ситуация и языковые контакты в ХМАО-Югре [Электронный ресурс] : сборник материалов круглого стола (г. Ханты-Мансийск, 23–25 мая 2019 г.) / М-во науки и высшего образования РФ, ФГБОУ ВО «Югор. гос. ун-т», Гуманитар. ин-т североведения, Югор. науч. шк. регион. лингвист. исслед. – Ханты-Мансийск : Сектор редакционно-издательской работы Научной библиотеки ЮГУ, 2019. – 118 с.

Сборник подготовлен на основе материалов круглого стола, посвященного языковой ситуации и языковым контактам в ХМАО-Югре. В его работе приняли участие исследователи из России, Беларуси, Германии и Венгрии. В научных материалах поднимаются вопросы функционирования титульных языков ХМАО-Югры, рассматриваются различные аспекты языковой ситуации региона.

В сборник вошли статьи ученых, преподавателей вузов, аспирантов, магистрантов и представителей органов власти ХМАО-Югры. Материалы сборника представляют интерес для научных и практических работников, аспирантов, студентов и всех интересующихся лингвистической контактологией.

За содержание статей ответственность несут авторы. Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

ISBN 978-5-9611-0167-6

УДК 81(517.122)
ББК 81.0

© ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет», 2019
© Гуманитарный институт североведения, Югорская научная школа региональных лингвистических исследований, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Андреева Л. А., Худобина О. Ф. Сохранение марийского языка в многонациональном регионе	5
Аулеханова М. А. Функционирование сленга в языке массовой коммуникации	12
Васильковская В. Е. Языковые и контекстуальные синонимы и антонимы в повести Т. А. Молдановой «Касания цивилизации»	17
Исламова Ю. В. Топонимия Северо-Западной Сибири в отечественной лингвистике.....	22
Кабакова М. В. Поиск форм сохранения хантыйского языка в детском этнокультурном стойбище «Нумсанг ёх»	27
Каксин А. Д. Проблемы перевода общественно-политической лексики на языки малочисленных народов Российской Федерации (на примере хантыйского языка)	30
Кремина В. Н. Функциональная нагрузка метафор в поэтических текстах из сборника «Буранная Россия» Андрея Тарханова	
Кротюк Л. Т. Концепт «феминность» в переводных текстах М. К. Вагатовой (на материале сборника песен «Сердце матери»).....	39
Ли П. И. История изучения языка юганских хантов	43
Лойко А. И., Лойко Л. Е. Мультилингвизм и ментальные особенности народов Югры в XVII–XIX веках в исследованиях ученых из Беларуси	47
Манниева А. Р. Особенности дисплейной коммуникации обучающихся Югорского государственного университета	51
Молданова Н. А. Языковые контакты с коми на территории Белоярского района и их отражение в культуре казымских хантов.....	56
Мытку М. Н. Стилистически маркированная лексика в повести С. С. Козлова «Последний Карфаген»	60
Новьюхова Г. Б. Семантический анализ зоонимов в хантыйском языке (на материале казымского диалекта)	64
Онина С. В. Роль отрицательных частиц в выражении прохибитивных экспрессивно-стилистических оттенков побуждения.....	66
Пурьшев А. М. Законодательное обеспечение по сохранению исконной среды обитания и традиционного образа жизни. Сохранение языковой среды	70

Савчук И. П., Карабулатова И. С. Русские фольклорные легенды и легенды Югры как компонент культуры северных этносов (в контексте сбережения и передачи базовых социокультурных ценностей)	74
Сигарева А. Н. Семантико-этимологический анализ ойконимов Ханты-Мансийского района	80
Сироткина Т. А. Образы коренных народов Югры в региональных художественных текстах	86
Тимкин Т. В. Некоторые случаи вариативности произношения сургутских ханты и проблемы графической фиксации	90
Федорова М. С. Стилистические средства языка в описании природы (на материале исторического романа М. К. Анисимковой «Наледь»)	93
Копытов А. Д., Черепанова Т. Б. Актуальные педагогические технологии в системе подготовки будущего педагога с учетом условий билингвизма (опыт и практика)	101
Шиганова Г. А., Бахтина О. А. Подготовка будущих учителей начальных классов к обучению русскому языку детей мигрантов	105
Sipos Mária Locative Sentences in Kazym Khanty	109

СОХРАНЕНИЕ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМ РЕГИОНЕ

В статье представлены результаты пилотного анкетирования мариЙцев, проживающих в Югре. Опрос был направлен на изучение ситуации с мариЙским языком. С одной стороны, результаты опроса показывают благоприятную ситуацию, сложившуюся на данный момент: абсолютное большинство опрошенных признают его родным, владеют полной лингвистической компетенцией (пишут, читают, говорят), общаются на нем в семье. С другой стороны, результаты анкетирования показывают большую степень обеспокоенности информантов о благополучии, будущем родного языка.

Ключевые слова: мариЙский язык, Югра, языковая ситуация, мариЙцы.

PRESERVATION OF THE MARI LANGUAGE IN MULTINATIONAL REGION

There considered the results of a pilot survey of the Mari living in Yugra. The survey was aimed at studying the linguistic situation with the Mari language. On the one hand, the findings of the poll have shown a favorable linguistic situation that has currently developed at the region, for the absolute majority of the respondents recognize Mari as their mother-tongue. Mari people have a high level of the language proficiency, so they write, read and speak it actively and freely in the family. On the other hand, the findings of the survey have shown that Mari people are concerned about the future and well-being of their native language.

Key words: the Mari language, Yugra, linguistic situation, the Mari.

---

*Андреева Людмила Анатольевна,
кандидат филологических наук,
доцент Гуманитарного института североведения
Югорского государственного университета
E-mail: churajevo@list.ru*

*Худобина Ольга Федоровна,
кандидат педагогических наук,
доцент Гуманитарного института североведения
Югорского государственного университета
E-mail: olga_hdb@mail.ru*

Одним из отличий современного мира является массовое перемещение населения с одного места жительства на другое. Миграционные исследования – это невероятно широкая область с множеством направлений, связанных разными областями науки от антропологии и социологии до международных отношений. Например, Й. Карлинг установил 36 связей темы миграции с разными научными направлениями [13].

Миграционные процессы происходят вследствие разных причин, например, экономическое неравенство между регионами, голод, геноцид, война и другие причины политического и экономического характера.

Выделяют две основные формы миграций: внутренняя – перемещение населения внутри страны; внешняя – перемещение в другую страну. Одна из распространенных форм миграции в России – трудовая. Как отмечено в докладе О. Чудиновских, «в период с 1992 по 2017 год в Россию прибыло более 11 миллионов мигрантов с подавляющим большинством из бывших советских республик. Масштабы трудовой миграции в России даже во время нынешнего экономического кризиса остаются одними из самых значительных в Европе» [14]. Как замечает R. Münz, «Экономические и демографические различия будут определять мобильность рабочей силы в течение 21-го века» [16]. Автор считает, что международная миграция и внутренняя мобильность являются одним из способов преодоления растущего де-

мографического и сохраняющегося экономического неравенства. Одним из привлекательных для мигрантов регионов России является Ханты-Мансийский автономный округ – Югра из-за своей социально-экономической и финансовой стабильности. «Самую большую волну мигрантов ХМАО получил в 60-80-е годы, когда стала осуществляться интенсивная разработка открытых геологами крупнейших месторождений нефти и газа на севере Тюменской области» [4, с. 7], тогда в этот регион переселялись со всех регионов бывшего СССР. Миграция в последующие годы не заканчивалась, и в настоящее время на территории ХМАО-Югры проживают представители около 124 национальностей.

Ю. Андриенко, С. Гурьев отмечают важность внутренней миграции, «поскольку она может помочь уменьшить огромный дисбаланс в занятости населения между регионами и более эффективно использовать ограниченные трудовые ресурсы в России» [12]. С другой стороны, люди, переселяющиеся в регионы, которые ни географически, ни лингвистически не являются территориями компактного проживания их родных этносов, испытывают многочисленные трудности, включая необходимость приспособления к новой культуре, опасность потери родного языка, культурных норм, религиозных обычаев в ходе ассимиляции с преобладающими в данном регионе языком и культурой. Таким образом, одной из главных проблем народа становится сохранение своего языка и культуры. Тема сохранения национальных особенностей, своей идентичности в условиях глобализации, миграции населения является весьма актуальной, что доказывают отечественные и зарубежные публикации за последние годы [например, 2; 7; 6; 18; 17; 15 и др.].

Одним из финно-угорских народов, проживающих в данный момент в округе, являются марийцы, переехавшие с регионов их компактного проживания: республик Марий Эл, Башкортостан, Татарстан и других. По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, в Ханты-Мансийском автономном округе проживало 7289 марийцев практически во всех городах и муниципальных районах округа [5].

Основной целью данной работы является оценка языковой ситуации марийцев, проживающих на территории округа. Не случайно 2019 год объявлен ООН Международным годом языков коренных народов, эксперты говорят, что более половины из семи тысяч языков мира находятся под угрозой исчезновения. Каждые две недели исчезает один язык. Как отмечают авторы научной работы «Как и зачем сохранять языки народов России?», «многие языки, ситуация которых относительно стабильна на их основных территориях, находятся под угрозой исчезновения за пределами ядра зоны их распространения» [3, с. 57]. В качестве одного из примеров авторы приводят марийцев, проживающих в Свердловской области, Пермском крае или в русскоязычных крупных городах, язык которых находится в опасности. С другой стороны, авторы отмечают, что «языковая ситуация в диаспоре может оказаться не хуже, а иногда даже лучше, чем на основной территории его распространения. Например, марийцы Башкортостана очень хорошо сохранили свой язык и культуру» [там же].

Данная работа написана по результатам пилотного анкетирования марийцев, проживающих в округе. Разработанная анкета делится на социальную и социолингвистическую части. Социальная часть включает традиционные вопросы: возраст, пол, год и место рождения, место проживания, с какого года проживают в округе. В социолингвистическую или субъективную часть анкеты включены вопросы о принадлежности информанта к определенной национальности, субэтнической группе, признании языка родным, о степени владения родным языком, сфер его использования, осознании информантом будущего родного языка и решениях, которые опрашиваемые могут предложить по сохранению родного языка.

В результате пилотного исследования опрошено 32 человека, проживающих в разных городах округа (Сургут, Ханты-Мансийск, Нижневартовск, Нефтеюганск, Нягань, Советский), из них 70 % – женского, 30 % – мужского пола. Большая часть опрошенных переехали из Республики Башкортостан (71 %), 22 % информантов – из Республики Марий Эл и 7 % – из Республики Татарстан. Все информанты идентифицировали себя марийцами, вариации встречались только в терминологии: *мари*, *марий*, *мариец*, *марийка*.

Э. Юзыкайн отмечает, что «для марийского самосознания свойственно представление о диалектном размежевании. За ним стоит соответствующая субэтническая самоидентификация, присутствующая у большинства марийцев» [11]. Для проверки данного факта в анкету был включен вопрос о принадлежности к подгруппе марийского народа. Теоретически марийцы делятся на следующие основные субэтнические группы: луговые (Ветлужско-Вятское междуречье), горные (Правобережье Волги), восточные марийцы (Прикамье и Приуралье), северо-западные (юго-запад Кировской и северо-восток Нижегородской области). Результаты опроса, представленные в таблице 1, показывают, что никто из опрошенных не определил себя как «мариец данного региона» или «просто мариец»; 7 % интервьюеров затруднились ответить; 93 % идентифицируют себя с определенной группой. 29 % опрошенных идентифицировали себя как «луговые марийцы», в том числе по одному интервьюеру из республик Башкортостан и Татарстан. 14 % опрошенных идентифицировали себя как «марийцы Урала», переехали из Республики Башкортостан. Один опрошенный из Республики Башкортостан идентифицировал себя как «горный мариец», так как вырос и жил в горной местности. Один интервьюер определил себя как «мариец Югры». Таким образом, для большинства марийцев свойственна самоидентификация с региональными группами, но она основана не столько на знаниях основных субэтнических групп, сколько на личных предположениях.

Таблица 1 – Принадлежность к подгруппе марийского народа (в % от всех ответивших)

	%	Комментарии
1) луговой (олыкмарий)	29	В их числе 1 – из РБ; 1 – из РТ
2) горный (курыкмарий)	7	из РБ
3) восточный (эрвелмарий)	29	
4) мариец Югры (Югра марий)	7	
5) мариец Урала (Урал марий)	14	из РБ
6) мариец данного региона	-	
7) просто мариец	-	
8) затрудняюсь ответить	7	
9) другой ответ: мариец Республики Башкортостан	7	

Язык – один из основных элементов этнической внешней идентификации и внутренней самоидентификации. Рассматривая язык как элемент самосознания, следует помнить, что признание того или иного языка родным не указывает на реальное языковое поведение. В сознании людей родной язык может быть связан с языком родителей, первыми годами жизни, повседневным, разговорным языком. Следовательно, результаты опросов (социолингвистические исследования, переписи населения) о родном языке скорее отражают состояние этнического (национального) самосознания, чем реальное языковое поведение или степень владения языком [1, с. 78]. Называние родного языка наряду с национальностью – это важный показатель этнической самоидентификации человека. Исследования, проведенные в Республике Марий Эл, показывают, что в первые десятилетия XXI века две трети марийцев называли родным марийский язык [8, с. 70–75; 9]. Результаты опроса в Югре представлены в таблице 2. Абсолютное большинство опрошенных считают родным марийский язык. 14 % опрошенных назвали родными русский и марийский языки. Оба информанта выросли в городах и учились в русских школах. При этом абсолютное большинство информантов считают, что знание родного языка обязательно для каждого человека (табл. 3).

Таблица 2 – Родной язык (в % от всех ответивших)

	%	Комментарии
1) марийский	86	
2) русский	–	
3) другой	–	
4) русский и марийский	14	1 – 2001 г.р., выросла в округе; 2 – 1988 г.р., выросла в городе, училась в русской школе
5) русский и другой	–	

Таблица 3 – Обязательно ли для каждого человека знание своего родного языка?
(в % от всех ответивших)

	%
1) да	86
2) нет	7
3) не задумывался об этом	7

Знание родных языков является основой сохранения этнической идентичности. Уровень владения марийским языком представлен в таблице 4. Абсолютное большинство опрошенных полноценно владеют марийским языком («пишу, читаю, говорю»). Один информант ответил, что читает, говорит, но писать не умеет, так как не изучал язык в школе. Другой информант, 2001 г. р., вырос в округе, хотя в семье и говорят на марийском языке, предпочитает общаться на русском.

Таблица 4 – Уровень владения марийским языком (в % от всех ответивших)

	%	Комментарии
1) пишу, читаю, говорю	86	
2) читаю, говорю, но писать не умею	7	В школе не изучал марийский
3) говорю, но читать и писать не умею		
4) говорю с затруднением		
5) понимаю, но не говорю	7	2001 г., выросла в округе
6) не владею		

Те, кто выросли на территориях компактного проживания марийцев и учили марийский язык в школе, полноценно владеют марийским языком. Те, кто вырос в городах, не учил марийский язык в школе или переехал в округ с рождения, не владеют какой-либо лингвистической компетенцией.

Следующие вопросы были относительно сфер использования марийского языка: в семье и общественных местах (таблицы 5 и 6). Общеизвестно, что знание родного языка идёт из семьи. Результаты опроса показывают, что большинство опрошенных общается в семье на русском и марийском языках, только на марийском – 29 % и не общаются на родном языке – 14 %.

Таблица 5 – Язык общения в семье (в % от всех ответивших)

	%
1) на русском	14
2) на марийском	29
3) на другом	
4) на русском и марийском	57
5) на русском и другом	

57 % опрошенных разговаривают в общественных местах на русском и марийском языках, 29 % – только на русском, 7 % – на марийском языке и 1 информант ответил, что в зависимости от того, в каком регионе находится, может разговаривать на разных языках: марийском, русском, татарском.

Таблица 6 – Язык общения в общественных местах (в % от всех ответивших)

	%	Комментарии
1) на русском	22	
2) на марийском	7	
3) на другом	7	На русском, марийском и татарском
4) на русском и марийском	64	

Результаты опроса показывают, что большинство марийцев беспокоятся за будущее марийского языка (табл. 7). 14 % опрошенных проявляют равнодушие по отношению к будущему марийского языка; столько же затруднились с ответом, это можно рассматривать как попытку уйти от ответа, как свидетельство незаинтересованности в вопросе. Исследователи считают, что «та-

кое языковое поведение (...) способствует формированию негативного отношения детей к марийскому (этническому) языку и мешает реализации его трансляции детям» [10].

Таблица 7 – Беспокойство за будущее родного языка (в % от числа опрошенных)

	%
1) да, беспокоюсь	72
2) нет, нет беспокоюсь	14
3) затрудняюсь ответить	14

Все опрошенные написали свои предложения по сохранению родного языка в условиях многонационального региона и вдали от родины, включая тех, кто в предыдущем вопросе проявил равнодушие к будущему марийского языка, таким образом, можно сделать вывод, что в какой-то мере их все-таки волнует ситуация с языком. Многие информанты отметили важность общения на родном языке в семье, например: «Всё начинается с семьи. С детьми надо разговаривать на родном языке, читать им сказки, слушать и петь песни тоже на родном языке» (К.А.И., 1986 г. р., г. Сургут). Особое внимание в ответах было уделено детям: «с детства учить детей родному языку; знакомить с культурой, традициями своего народа, проводить познавательные-развлекательные мероприятия; участвовать вместе с детьми в различных мероприятиях, направленных на сохранение самобытности, культуры и языка; показывать престиж народа и языка, прививая гордость за свою нацию; чаще возить на родину в деревню; открыть воскресную школу» (из ответов информантов). Кроме этого, праздновать национальные праздники, готовить блюда национальной кухни, чаще встречаться с представителями своей национальности и разговаривать на родном языке, устраивать национальные мероприятия, читать литературу и газеты на родном языке, создавать марийские общественные организации. Следует отметить, что общественные организации играют важную роль и выполняют большую работу в сохранении и развитии родного языка и культуры.

Современные тенденции, ведущие к постепенному исчезновению языков, связывают с процессом глобализации. Однако будущее языка, прежде всего, зависит от человеческого фактора – ценностных ориентаций носителей языков. Пилотный этап социолингвистического анализа показал, что ситуация с языком у марийцев, проживающих на территории Югры, на данный момент находится на достаточно хорошем уровне: абсолютное большинство опрошенных признают его родным, владеют полной лингвистической компетенцией (пишут, читают, говорят), общаются на нем в семье. Полученный результат, на наш взгляд, связан с возрастом опрошенных (средний возраст – 35 лет): преобладающее большинство информантов выросло на территориях компактного проживания марийцев, учили марийский язык в школе и переехали в округ уже в зрелом возрасте, владея всеми лингвистическими компетенциями. Однако неслучайно результаты анкетирования показывают большую степень обеспокоенности информантов о благополучии, будущем родного языка: следующее поколение, дети, родившиеся и проживающие в округе, посещающие русские школы, практически не имеют марийского окружения, кроме как, в первую очередь, семьи, возможно, родственников, проживающих в округе, и общественных организаций, которые проводят национальные мероприятия. Поэтому большинство информантов понимают: чтобы не потерять язык, надо на нем разговаривать, в первую очередь – в кругу семьи и обязательно – с детьми. Несомненно, язык – это явление социальное, поэтому владение им неразрывно связано с пониманием национального характера, их ценностей, культуры.

Литература

1. Лаллукка, С. Восточно-финские народы России : анализ этнодемографических процессов / С. Лаллукка ; пер. с англ. Л. И. Леденевой, С. В. Голованова. – Изд. перераб. и доп. – Санкт-Петербург : Европ. Дом, 1997. – 390 с. – ISBN 5-8015-0006-5. – Текст : непосредственный.
2. Герасимова, И. А. Проблема сохранения культурной идентичности в условиях глобализации / И. А. Герасимова, В. Ю. Ивахнов. – DOI: 10.22412/1993-7768-11-2-9. – Текст : непосредственный // Сервис plus. – 2017. – Т. 11. – № 2. – С. 66–76.

3. Замятин, К. Как и зачем сохранять языки народов России? / К. Замятин, А. Пасанен, Я. Саарикивис. – Хельсинки, 2012. – 180 с. – ISBN 978-952-93-0407-3. – Текст : непосредственный.
4. Кутепова, Л. В. Особенности миграционных процессов в Ханты-Мансийском автономном округе : социологический аспект : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Л. В. Кутепова. – Екатеринбург, 2000. – 146 с. – Текст : непосредственный.
5. Национальный состав по районам и городским округам. – Текст : электронный // Википедия : свободная энциклопедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Ханты-Мансийского_автономного_округа_—_Югры (дата обращения 24.12.2017).
6. Павлова, Е. Л. Самоопределение в России: феномен национальной идентичности в условиях глобализации / Е. Л. Павлова, И. В. Липчанская. – DOI: <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2017.5.11>. – Текст : непосредственный // Гуманитарий Юга России. – 2017. – Т. 6. – № 5. – С. 128–137.
7. Чижевич, Т. А. Национальная культура в эпоху глобализации / Т. А. Чижевич. – Текст : непосредственный // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 8 (82). – С. 209–211.
8. Шабыков, В. И. Ценностная парадигма общественного сознания в Республике Марий Эл (на материале социологических исследований) : монография / В. И. Шабыков. – Йошкар-Ола: СТРИНГ. – 2016. – 176 с. – ISBN 978-5-91716-429-8. – Текст : непосредственный.
9. Шабыков, В. И. Язык как этническая ценность (к вопросу об этнической природе общественного сознания населения Республики Марий Эл в начале 2010-х годов) / В. И. Шабыков, Р. А. Кудрявцева, Д. Е. Казанцев. – Текст : непосредственный // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 2 (40). – Ч. II. – С. 207–210.
10. Шабыков, В. И. Марийский язык в современной урбанистической семье (социолингвистическое исследование) / В. И. Шабыков, Р. А. Кудрявцева, Е. П. Карташова. – DOI: [10.25136/2409-8698.2017.3.23680](https://doi.org/10.25136/2409-8698.2017.3.23680). – Текст : электронный // Litera. – 2017. – № 3. – С. 1–11. – URL: http://e-notabene.ru/fil/article_23680.html (дата обращения 11.05.2019).
11. Юзыкайн, Э. Некоторые аспекты информационной среды марийцев / Э. Юзыкайн. – Текст : электронный // SURI. – Таллин. – URL: <http://www.suri.ee/r/mari/erik/infsr314.html> (дата обращения 10.05.2019).
12. Andrienko, Y. Understanding Migration in Russia / Y. Andrienko, S. Guriev. – Text : electronic // CiteSeer. – URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/summary?doi=10.1.1.560.5161&rank=1> (дата обращения: 11.05.2019).
13. Carling, J. Thirty-six migration nexuses, and counting / J. Carling. – Text : electronic // Jorgen Carling. – URL: <https://jorgencarling.org/2017/07/31/thirty-six-migration-nexuses-and-counting/> (дата обращения: 12.05.2019).
14. Chudinovskikh, O. Statistics on international migration in Russia: the current situation / O. Chudinovskikh. – Text : electronic // United Nations Economic Commission for Europe : Conference of European Statisticians. – Geneva, 2018. – URL: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/ge.10/2018/mtg1/RUS_Chudinovskikh_ENG.pdf (дата обращения: 11.05.2019).
15. Kerswill, P. Migration and language / P. Kerswill. – Text : electronic // Sociolinguistics/Soziolinguistik. An international handbook of the science of language and society. – 2006. – Vol 3. – P. 1–27.
16. Münz, R. Demography and Migration: An Outlook for the 21st Century / R. Münz. – Text : electronic // MPI : Migration Policy Institute. – URL: <https://www.migrationpolicy.org/research/demography-and-migration-outlook-21st-century> (дата обращения: 10.05.2019).

17. Language, Identity and Migration / eds.: V. Regan, C. Diskin, J. Martyn. – Bern : Peter Lang, 2016. – 385 p. – ISBN 9783034319072. – Text : direct.
18. Ternikar, F. Ethnicity, Ethnic Identity, and Food / F. Ternikar. – Text : direct // Encyclopedia of Food and Agricultural Ethics. – Dordrecht : Springer, 2014. – P. 670–675.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЛЕНГА В ЯЗЫКЕ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

В данной статье рассмотрены проблемы соблюдения речевых норм, а также речевого этикета в средствах массовой информации (на примере студенческого журнала «Студия»). Выявлена и обоснована необходимость разработки единой стратегии и тактики в области языковой политики, предусматривающей, в частности, повышение культуры устного литературного слова, а также общей языковой компетенции лиц, вербально активных в сфере публичной коммуникации.

Ключевые слова: молодежный сленг, культура речи в СМИ, стилевая концепция печатного издания, языковая компетенция.

FUNCTIONING SLENG IN THE LANGUAGE OF MASS COMMUNICATION

This article discusses the compliance problems with speech standards, as well as speech etiquette in mass-media (by the example of the student magazine "Studia"). The work demonstrated the need for unified strategy and tactic in its activities on language policy which notably creates improving the culture of the verbal literary word as well as the general linguistic competence of persons verbally active in the field of public communication.

Key words: youth slang, speech culture in the media, print style concept, language competence.

---

*Аулеханова Мадина Аулехановна,
магистрант кафедры русского языка и литературы
Гуманитарного института североведения
Югорского государственного университета
E-mail:madina_t13@mail.ru*

Молодежный сленг представляет собой лингвистический феномен, который ограничен возрастными, социальными, временными рамками. Сленг распространен в среде учащейся молодежи и отдельных более или менее замкнутых референтных группах.

Сленг как социальный диалект представляет собой лексикон, основанный на знаниях общенационального языка, существует на его фонетической и грамматической основе. Является средством общения группы людей определенной возрастной категории. Главный источник сленга – заимствование, которое может быть внутренним (подъязыки, региональные или социальные диалекты) или внешним (другие языки).

Актуальность данного исследования заключается в том, что в наши дни сленг получил широкое распространение и проникает не только в литературный разговорный язык, но и в печатные издания.

Научная новизна исследования состоит в том, что молодежный сленг является малоизученной стороной языка.

Методологической основой нашего исследования явились работы классиков языкознания В. В. Виноградова, И. А. Бодуэна де Куртене, Л. В. Щербы, Р. Якобсона, Л. П. Якубинского.

Значимый вклад в исследование избранной нами темы внесли работы Е. И. Бегловой, Э. М. Береговской, Е. Г. Борисовой-Лукашенец, Т. М. Веселовской, С. В. Вахитова, М. А. Грачева, К. Н. Дубровиной, В. С. Елистратова, Т. В. Зайковской, М. М. Копыленко, Л. П. Крысина, О. Д. Миралаевой, В. М. Мокиенко и других.

Существенную роль в освоении проблемы развития и функционирования молодежного сленга сыграли лексикографические работы, отражающие эмпирический языковой материал последнего десятилетия: В. М. Мокиенко (2001), С. И. Левиковой (2003), В. С. Елистратова (2000), Т. Г. Никитиной (2003) и других.

Некоторые из традиционно выделяемых проблем культуры речи в СМИ сегодня несколько теряют свою значимость. Главное нарекание несколько лет назад было вызвано засорением языка СМИ иноязычной лексикой. Следует отметить, что этот процесс утратил остроту. Сегодня иноязычная лексика активно используется только для создания ощущения престижности и избранности (например, заимствования в гляцевых журналах или термины в профессиональных изданиях).

В общем состоянии соблюдение речевых норм, а также речевого этикета в средствах массовой информации создает неопределенность, которая присутствует и в современной языковой ситуации. Это значит, что мы рассматриваем проблему языковой коммуникации не только в СМИ, но и обществе в целом [4].

В настоящее время фактором, влияющим на речевую ситуацию, является низкий уровень среднего образования, которое представляет собой базовое звено в системе образования. В последние годы снизилось качество преподавания русского языка и литературы, что несет за собой низкую орфографическую и пунктуационную грамотность. Ученики средней школы испытывают дефицит словарного запаса, с трудом выстраивая более или менее сложные фразы. Слабо развиваются навыки устной речи, одновременно снижается интенсивность чтения школьниками, интерес чтения сосредоточен на массовой литературе облегченного типа.

Сложившаяся ситуация образовательного процесса средней школы усугубляется рядом обстоятельств, которые определяют характер речевой практики общества в целом. Референтные группы все более ориентируются на устную речь и на речь, порождаемую в компьютерных технологиях. Чтение качественной литературы теряет свою значимость. Обостряются и экологические проблемы речевой среды: агрессивность публичных выступлений, засоренность речевой среды огромным словесным мусором (бесплатные издания, рекламные тексты и другой навязываемый аудитории речевой материал), активное привлечение внимания к низкокачественным текстам развлекательной сферы и области шоу-бизнеса [9].

Именно совокупность вышеперечисленных факторов и приводит к снижению культуры речи в средствах массовой информации. Доказывает и статистика, что не каждый корреспондент, работающий в сфере коммуникаций, имеет общее или специальное филологическое образование. Большинство из них порождают продукцию на основе речевого опыта, сформированного за время обучения в средней школе.

В настоящее время появился еще один фактор, который имеет огромное влияние на снижение уровня речевой культуры населения. Это введенная в действие система ЕГЭ, которая даже не предполагает проверку навыков развития устной речи. Развитие навыков письменной речи оценивается формально и недостаточно глубоко. Школа подразумевает умение прохождения процедуры проверки, а не умение грамотно говорить и писать. На этом основании можно предположить, что в ближайшем будущем многие проблемы речи средств массовой информации будут обусловлены уровнем среднего образования.

Проанализированные факторы, влияющие на уровень речевой грамотности, указывают на необходимость проведения более глубокого анализа и изучения речевых процессов, происходящих в средствах массовой информации. Наиболее значимыми и актуальными являются следующие направления исследований:

- экспансия разговорности в сфере СМИ;
- стилевая концепция издания;
- Россия – Запад как проблема журналистского текста;
- речевые отношения «автор – редактор» в СМИ.

Возникновение сленга справедливо оценивается как отрицательное явление в развитии современного русского языка. Поэтому языковая политика заключается в отказе от его использования. Однако публицисты вправе обращаться к данному лингвистическому феномену для достижения яркого выражения при описании творческой составляющей нашей действительности. При этом сленговые выражения должны использоваться цитатно как диалектизмы [11].

Цитаты как явление должны распространяться и на повседневную речь, и на язык массовой коммуникации.

Для современного языка характерно два способа применения цитат:

- 1) дословное использование, при этом само включение чужеродной единицы выступает как средство экспрессии;
- 2) изменение формы устойчивого выражения или слова, так что трансформация формы служит рождению нового содержания.

Особенно част прием замены принятого слова новым, ключевым для данного текста.

Обращая внимание на роль СМИ, в частности печатной прессы, в популяризации сленговой лексики, стоит отметить положительное влияние газеты на развитие русского языка. В печати все чаще встречаются тексты, выражающие позицию автора на оценку сленговых и просторечных слов.

Таким образом, газетный текст имеет функции применения сленга, благодаря которым сохраняется эмоционально-экспрессивная окраска, используемая автором в определенных целях.

Следует отметить, что употребляемый сленг имеет функционально-семантическое значение и эмоционально воздействует на читателя, с помощью чего конкретизируются некоторые значения в тексте или развиваются значения новой окраски [7].

Для описания структуры лексем и обозначения причин употребления их в печати рассмотрены единицы молодежного сленга, встречающиеся в периодических изданиях, в частности состав, происхождение и парадигматика сленговых лексических единиц и причины их проникновения в печатные СМИ. Материалом исследования являются 30 слов, выбранных нами из студенческого журнала «Студия» (г. Ханты-Мансийск).

Журнал «Студия» № 4 (110), ноябрь 2017 г.

стр. 9: «забойная» (песня) – здесь: весёлая (высшая степень похвалы). «Весёлая такая песня, забойная»
стр. 10: «плиз» – от англ. «please» – пожалуйста. «Зайди, плиз, по ссылке!»
стр. 14: «вылазка» – прогулка, поход. «Со вчерашнего дня готовимся к воскресной вылазке»
стр. 22: «айтишник» – компьютерный пользователь. «Настроить комп сможет каждый средний айтишник»
стр. 27: «студак» – студенческий билет. «Я одела студак в обложку и пошла к кассиру поделиться радостью»
стр. 39: «цифровик» – цифровой фотоаппарат. «Даже если фотография сделана на цифровик, с помощью «Фотошопа» её можно довести до ума»

Журнал «Студия» № 5 (118), сентябрь 2018 г.

стр. 13: «чувак» – друг, человек. «Впрочем, надо отдать чуваку должное»
стр. 17: «нехилый» – большой. «К нам в редакцию пришла нехилая куча обращений»
стр. 26: «заценить» – оценить. «Зацени новую киношку с Кирстен Данст и Орландо Блумом!»
стр. 33: «суперстар» – от англ. «superstar» – суперзвезда, знаменитость. «На родине его считают не просто суперстаром, а уникальным рэпером!»
стр. 37: «френд» – от англ. «friend» – друг. «Мой френд боится знакомиться с девушками»
стр. 40: «некислая» – большая. «Первый день знакомства с одноклассниками перерос в некислую встречу»

Журнал «Студия» № 2 (115), март 2018 г.

стр. 1: «трэк» – от англ. «track» – песня в музыкальном альбоме. «На альбоме есть несколько трэков ультрамодных «Global DeeJays»
стр.3: «парит» – волнует. «Меня на самом деле это парит»
стр. 8: «реал» – от англ. «real» – настоящее. «Это было реал-шоу американского масштаба»
стр. 12: «забей» – забудь, не думай об этом. «Забейте на все проблемы, будьте собой»
стр. 27: «ИМХО» – аббревиатура от англ. «in my humble opinion» – по моему скромному мнению. «ИМХО, нужно чаще менять тему разговора»
стр. 35: «граффитчики» – художники, рисующие граффити. «К этому событию готовились лучшие граффитчики страны»

Журнал «Студия» № 3 (116), апрель 2018 г.

стр. 1: «спалить» – заметить. «Их спалили выходящими вместе из общежития»
стр. 5: «пофигизм» – безразличие. «Пофигизм во мне действительно есть»
стр. 16: «точить» – кушать. «В выходные еду к бабушке точить пирожки и всё такое»
стр. 24: «ступор» – состояние непонимания происходящего. «Вот теперь мы в полнейшем ступоре и не знаем, что делать»
стр. 32: «мутить» – делать. «Макияж мутит незаметный, это сейчас модно»
стр. 56: «выщепить» – поймать. «Выщепить Рому в этом бешеном ритме просто нереально!»

Журнал «Студия» № 4 (117), май 2018 г.

стр. 2: «мессадж» – от англ. «message» – сообщение. «Он пишет sms в одно слово в ответ на мои километровые мессаджи»
стр. 7: «нэйм» – от англ. «name» – имя. «Теперь рэпер решил выпускать под своим знаменитым нэймом часы»
стр. 11: «лови» – читай. «Лови эксклюзивные признания!»
стр. 17: «вставлять» – очень нравится. «А вообще меня такая жизнь вставляет!»
стр. 25: «расколбасные» – зажигательные. «Самые расколбасные песни я нашла на первом диске»
стр. 30: «крэйзи» – от англ. «crazy» – сумасшедший. «Он очень умный и немножко крэйзи»

Таким образом, в ходе исследования взаимодействия сленга с языком средств массовой информации на основе анализа научно-филологической и социальной литературы были выполнены следующие задачи:

- выявлены источники сленговых выражений;
- определены конструктивные и жанровые особенности языка СМИ;
- охарактеризованы функции и приемы использования сленга в публицистике.

На основе решенных задач сформированы некоторые выводы:

1. Сленг представляет собой только лексикон, который питается знаниями общенационального языка, в то же время понижая речевую культуру современной молодежи.

2. Наблюдается активное использование различных жанров (заметка, статья, репортаж, интервью, корреспонденция, очерк и фельетон), а также сочетание двух направлений публикации текстов: информационное и информационно-аналитическое (например, сообщения но-

востей из сферы политики и экономики) и развлекательное (например, реалити-шоу, музыкальные программы).

3. Медиальные средства теперь ориентированы на массовую аудиторию, на создание коммуникативного и культурного пространства. Для достижения этого необходима вербальная оболочка текстов, доступная аудитории и максимально приближенная к ее речевому показателю посредством массовизации речевого стандарта СМИ и подбора общедоступных и общепонятных языковых средств. Это проявится на всех уровнях языковой системы, особенно в лексике. Интенсивное проникновение сленга в публичное общение имеет как позитивное, так и негативное значение. С одной стороны, делает речь экспрессивной и эмоционально насыщенной, с другой – приток сленговых выражений может повлиять на разрушительные последствия общезначимой коммуникации.

4. Распространение сленга в языке вообще и в языке СМИ в частности имеет социальные корни. Поэтому изменение этих тенденций во многом зависит от общества.

Для сбалансированного развития культуры современной публичной речи является необходимым подключение соответствующих рычагов, позволяющих уравновесить, сгладить возможные негативные последствия преобладания устной публичной коммуникации. Речь идет о разработке единой стратегии и тактики в области языковой политики, предусматривающей, в частности, повышение культуры устного литературного слова, а также общей языковой компетенции лиц, вербально активных в сфере публичной коммуникации.

Литература

1. Голуб, И. Б. Русский язык и культура речи / И. Б. Голуб. – Москва : Логос, 2008. – 432 с. – ISBN 5-98704-039-6. – Текст : непосредственный.
2. Грачев, М. А. Словарь современного молодежного жаргона / М. А. Грачев. – Москва : Эксмо, 2007. – 672 с. – ISBN 5-699-14614-8. – Текст : непосредственный.
3. Дроняева, Т. С. Стилистика современного русского языка / Т. С. Дроняева, Н. И. Клушина. – Москва : Наука, 2008. – 184 с. – ISBN 978-5-89349-303-0. – Текст : непосредственный.
4. Ключев, Е. В. Речевая коммуникация / Е. В. Ключев. – Москва : Рипол Классик, 2002. – 320 с. – ISBN 5-7905-1349-2. – Текст : непосредственный.
5. Колесников Н. П. Стилистика и литературное редактирование : учебное пособие / Н. П. Колесников. – Москва ; Ростов-на-Дону : МарТ, 2003. – 192 с. – ISBN 5241002375. – Текст : непосредственный.
6. Розенталь, Д. Э. Справочник по русскому языку. Практическая стилистика / Д. Э. Розенталь. – Москва : Оникс, 2008. – 416 с. – ISBN 5-329-00322-9. – Текст : непосредственный.
7. Романов, А. А. Массовые коммуникации / А. А. Романов, Г. А. Васильев. – Москва : Вузовский учебник, 2009. – 240 с. – ISBN 978-5-9558-0083-7. – Текст : непосредственный.
8. Руднев, В. Н. Русский язык и культура речи / В. Н. Руднев. – 4-е издание, стереотипное. – Москва : КноРус, 2013. – 256 с. – ISBN 978-5-406-02656-4. – Текст : непосредственный.
9. Язык современной публицистики : сборник статей / составитель Г. Я. Солганик. – 2-е издание, исправленное. – Москва : Флинта : Наука, 2007. – 232 с. – ISBN 978-5-89349-743-4. – Текст : непосредственный.
10. Солганик, Г. Я. Стилистика современного русского языка и культура речи / Г. Я. Солганик, Т. С. Дроняева. – Москва : Академия, 2008. – 256 с. – ISBN 5-7695-0912-0. – Текст : непосредственный.
11. Столярова, Е. А. Стилистика русского языка : конспект лекций. – Москва : Приор-Издат, 2008. – 152 с. – ISBN 5-9512-0615-4. – Текст : непосредственный.
12. Черкасова, М. Н. Русский язык и культура речи / М. Н. Черкасова, Л. Н. Черкасова. – Москва : Дашков и Ко, 2008. – 352 с. – ISBN 978-5-91131-280-0. – Текст : непосредственный.

ЯЗЫКОВЫЕ И КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ СИНОНИМЫ И АНТОНИМЫ В ПОВЕСТИ Т. А. МОЛДАНОВОЙ «КАСАНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Устойчивый интерес к духовно-нравственным началам, реализованным в национальной художественной литературе вообще и литературе Югры в частности, способствует повышению интереса к литературам так называемых малых народов и их безусловному развитию. В статье представлены лексические особенности использования синонимических и антонимических рядов, анализируется функциональная нагрузка языковых и контекстуальных синонимов и антонимов, использованных Т. А. Молдановой в повести «Касания цивилизации».

Ключевые слова: лексический анализ, синонимы, антонимы, контекстуальность.

LINGUISTIC AND CONTEXTUAL SYNONYMS AND ANTONYMS IN T. A. MOLDANOVA'S NOVEL «TOUCHES OF CIVILIZATION»

Sustained interest in the spiritual and moral principles implemented in the national literature in General and the literature of Ugra in particular, contributes to increasing interest in the literatures of the so-called small Nations and their unconditional development. The article presents the lexical features of the use of synonymic and antonymic series, analyzes the functional load of linguistic and contextual synonyms and antonyms used by T. A. Moldanova in the story «Touches of civilization».

Key words: lexical analysis, synonyms, antonyms, contextuality.

---

*Васильковская Вилена Евгеньевна,
студентка 4 курса*

*Гуманитарного института североведения
Югорского государственного университета
E-mail: wilena_98@mail.ru*

Современное российское общество одновременно динамично развивается в экономической, социальной, политической и других сферах. В связи с развитием общества в последние десятилетия наблюдается и устойчивый интерес к духовно-нравственным началам, реализованным в национальной художественной литературе. Не является исключением и национальная литература Югры, изучение проблем и развитие которой привело к организации соответствующих центров в Санкт-Петербурге, Тюмени, Салехарде и Ханты-Мансийске. Стоит отметить, что Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций в целях привлечения глобального внимания к критическим рискам, которые угрожают языкам коренных малочисленных народов, 2019 год провозглашен Международным годом языков коренных народов.

Лексический анализ литературы вообще, а хантыйской в частности безусловно будет способствовать возникновению объективного языкового исследования художественных достижений национальных поэтов и прозаиков, что позволит доказать и осмыслить универсальность ее художественной системы, повысить интерес к литературам так называемых малых народов и будет способствовать их безусловному развитию.

Новизна проведенного нами исследования обусловлена ограниченностью научных работ, анализирующих особенности творчества современной хантыйской писательницы Татьяны Александровны Молдановой.

Цель статьи – представить лексические особенности использования синонимических и антонимических рядов в повести Т. А. Молдановой «Касания цивилизации».

Т. А. Молданова – писательница народа ханты, чья биография начиналась типично для людей ее национальности и поколения: ранний отрыв от семьи, учеба в интернате, потом в Ленинграде, работа инженером-программистом и учителем вдали от дома. В тридцать лет

она возвращается, пишет повести о жизни ханты, занимается этнографией, проблемами сохранения и изучения народной культуры ханты, защищает кандидатскую диссертацию по орнаментике ханты, работает в качестве вице-президента ассоциации «Спасение Югры».

Литературные занятия сопровождают писательницу практически всю жизнь. Сначала она сочиняла сказки для племянниц, сама их печатала и переплетала в маленькие книжечки. Однажды эти сказки попались на глаза писателю Еремею Айпину. Ему опыты Молдановой понравились, некоторые сказки он предложил опубликовать.

Насильственный отрыв от традиций своего народа, длительное существование внутри русской культуры, возвращение к истокам, а после – публичная деятельность писателя, этнографа – носителя особой культуры, одновременно осмысляющего специфику этой культуры, приводят Т. А. Молданову к осознанию противостояния власти и малого народа, а также к проговариванию в художественных текстах тех чувств и переживаний, что выходят за рамки возможностей академического ученого и публичного политика.

Центральным в творчестве Т. Молдановой является конфликт столкновения природы и цивилизации, рассмотренный через жесткое противопоставление культуры ханты и воплощаемой русскими власти. При этом мир ханты показан как мир идиллической общинной жизни. Земля ханты воспринимается ими как дом, где есть родовые и именные стойбища, известные только своим дорогами и отчетливо осознаваемые своими границами [3].

В повести «Касания цивилизации» тема битвы за детей решается в общем ключе. Названия глав – «Зов», «Дорога к остывшему очагу», «Боль воспоминаний», «Выживание», «Любовь», «Дочь», «Слом» – указывают вехи на пути этой битвы.

Сладостная песня на родном языке, прозвучавшая в сознании героини, придает сил и помогает женщине выбраться из города. Город ассоциируется у нее со смертью, спасение она – дочь хантыйки и неизвестного русского – видит в возвращении в бабушкин дом в «белоягельном краю», где счастливо прошло ее детство. Как только Татьяна устремляется домой, к ней возвращаются способности предков: зрение, слух обострились и улавливали малейшее движение, малейший шорох, ненужные в цивилизованной жизни знания и навыки (как не простудиться, надев чулки, наполненные хвоей и золой; как приготовить мягкую постель из лапника; как выгнать из дома дух прежних постояльцев; как поблагодарить друга детства – медвежьей головой и т. п.).

Понятен пафос писательницы-этнографа, которая столь значительное место отводит описанию обычаев и традиций ханты. Молданова, очевидно, ставит перед собой просветительскую задачу – познакомить русскоязычного читателя с культурой ханты. Ее установка проста: человек, говорящий на другом языке, слушавший в детстве другие сказки, получавший иные знания и систему наставлений, наконец, проживший жизнь в других условиях, мыслит и видит мир по-своему. На взгляд человека другой культуры, беличий желудок – странное лакомство для ребенка, но для этнографа важно то, что у ханты существует, как и у других народов, особая система лакомств и поощрений. Образность, при которой абстрактное обладает физической осязаемостью действий, не менее выразительна и наглядна, чем любая другая. Разработанная система ритуалов, которая не выдерживает рациональной проверки, органически вписывается в имеющуюся систему ценностей ханты, помогает им чувствовать себя значимой частью мироздания [4].

Каждая эпоха выдвигает новые реалии, новые явления, отсюда возникают и новые понятия. Но не только новое требует в каждую эпоху своего осмысления и словесного выражения. Старые понятия могут быть переосмыслены или поняты глубже и шире. Это естественная взаимозависимость мира понятий и мира слов. Связь между словом и понятием с наибольшей полнотой и глубиной раскрывается в синонимических отношениях. Для дальнейшего анализа выделим сначала языковые синонимы, а затем контекстуальные, функционирующие в тексте «Касания цивилизации».

Душа – природа

« – Природа в этом году была на редкость щедрой, все плодоносило, и запасы Татьяны быстро росли. – Душа расширяла свои владения и радовалась» [8]. Данные слова являются языковыми синонимами. Это подтверждают данные словаря синонимов:

1. человек (73)
2. статья (14)
3. внутренний мир (5)
4. сердце (22)
5. чувство (31)
6. характер (45)
7. главное (33)
8. природа (12)
9. дух (142) [2; 7].

Следует отметить, что в культуре народа ханты душа и природа являются неразрывными составляющими человека. В основе взаимодействия человека и природы лежит культура. Ханты живут в тесном контакте с природой. Гармония, царящая в природе, накладывает свой отпечаток на народную этику. Природа является главным фактором, который объединяет различные меры воздействия на поведение и образ жизни народа. В контексте синонимы выполняют функцию уточнения. Они позволяют более полно раскрыть различные стороны жизни и образа мысли народа ханты.

Луна – Месяц.

«Над верхушками деревьев, стоящих вдоль старой оленьей дороги, по которой вела Татьяна теплая бабушкина рука, показался только что рожденный молоденький Месяц. – Над лесом поднималась ущербная Луна» [8]. Названные лексемы следует считать языковыми синонимами, так как их можно встретить в рамках одного синонимического ряда.

1. месяц (136)
2. спутник (20)
3. обман (107)
4. богиня (359)
5. серп Луны (4)
6. царица ночи (7) [2, 7].

В исследуемом литературном произведении синонимы выполняют функцию замещения. Она свойственна абсолютным синонимам и позволяет избежать однообразия в уточнении. Переход от одного синонима к другому дает новую дополнительную информацию об обозначаемом явлении.

Контекстуальной является синонимическая пара – дом – бабушка. «Оставшись одна, Татьяна не могла заснуть. Над ней вновь простирались теплые бабушкины руки и звали, звали домой» [8]. Чтобы проследить связь данных слов, выясним ассоциативное поле слова «дом».

Дом: 1. Здание; 2. Семья; 3. Холодный; 4. Угол; 5. Бабушка; 6. Полз [2].

Дом у многих респондентов ассоциируется прежде всего с семьей, бабушкой. Не зря женщина издавна считалась хранительницей очага. Такой для главной героини повести является ее бабушка. Таким образом, можно считать, что в сознании героини «домом» является ее бабушка, что позволяет нам сделать вывод о синонимичности понятий, представленных в контексте лексемами «дом» и «бабушка». В повести они дополняют и раскрывают образ бабушки, домашнего очага, семьи.

Антонимия в языке представлена уже, чем синонимия. Как известно, в антонимические отношения вступают не все слова, а только те, что принадлежат к одной и той же категории объективной действительности как взаимоисключающие понятия и соотносятся по какому-либо признаку – качественному, количественному, временному, пространственному и др. Например: красивый – некрасивый, много – мало, утро – вечер, удалять – приближать [1].

Основная стилистическая функция антонимов – быть лексическим средством выражения антитезы. Однако помимо выражения контраста антонимы помогают показать полноту охвата явлений. В исследуемом тексте было отмечено множество антонимов, в особенности контекстуальных. Приведем несколько примеров.

Белый – черный

Лексемы являются языковыми антонимами и выполняют функцию противоположности для усиления образа Черноты и Тоски. *«Тебе нельзя было отпускать меня на белый теплоход... – Ничего у нас не будет хорошо... В жизни есть только Тоска, черная тоска».*

Белый – цвета мела, молока, снега. Черный – цвета сажки, угля. Гнездо антонимов: беленький – черненький, белизна – чернота, белеть – чернеть, набело – начерно (писать), бело – черно (кругом) [6].

Жар – холод

Данные языковые антонимы служат средством выражения оценки противоположных состояний человека. *«Татьяна чувствовала себя лучше, жар спадал. – Нестерпимая боль... Холод... Смертельный холод железа...»* [8].

Жар – сильная степень тепла, присущая чему-либо горящему или нагретому, зной, жара. Холод – слабая степень тепла, присущая чему-либо охлажденному, низкая температура, стужа, мороз. Гнездо антонимов: жара – холод, жаркий – холодный, жарко – холодно [5].

Следующий пример выходит за рамки языковой антонимии. Однако мы считаем его ключевым для понимания сути анализируемого произведения. Данные образы, построенные на основе семантического сдвига значений выбранных слов, показывают противоборство традиций и цивилизации.

Цивилизация – счастье

На первый взгляд эти слова не имеют никакой связи. Однако в контексте повести они приобретают новые значения и усиливают образ глухой Цивилизации. Создавая образ Цивилизации, писательница наделяет её качествами живого существа. При этом цивилизация у Молдановой состоит исключительно из отрицательных качеств и действий. Необходимо помнить о том, что взаимодействие техногенной цивилизации и представителей малых народов, ведущих традиционный образ жизни, – одна из ключевых мировых проблем по сохранению культурного многообразия человечества.

Счастье в контексте становится прямой противоположностью Цивилизации. *«В муже ей нравилось все – его глаза, голос, руки... Татьяна ощущала совершенное счастье... Он был одновременно всем – и теплыми бабушкиными руками, и мягким уютным гнездышком детства, и каждым счастливым мгновением ее жизни и снов»* [8]. Счастье Татьяны заключалось в ее муже и детях, в сохранении своей земли и привычного уклада жизни коренного народа ханты, в воспоминаниях о бабушке. Она видит спасение в том, чтобы жить, движение в движение повторяя свою бабушку, тщательно исполняя каждую мелочь, отшлифованную традицией хантыйского народа. А *«ядовитая кислота цивилизации пожирает лес, ползет по воде»*, затем она постепенно добралась до весел, уключин, захватила лодку и просочилась в живот к беременной Татьяне. Ребенок *«боролся за жизнь, но вскоре затих»*. Цивилизация убила все, что ей было так дорого.

Ассоциации, которые позволили вписать данные слова в антонимические отношения:

1. Реальность – мечта. 2. Рационализм – волшебный. 3. Истребить – сохраниться [2].

Таким образом, можно сделать вывод, что слова «цивилизация» и «счастье» являются антонимичными понятиями в рамках рассказа. Они придают художественным образам особую значительность и эмоциональную окраску.

Итак, весь рассказ Т. А. Молдановой «Касания цивилизации» пронизывает контраст между глухой цивилизацией и традиционной жизнью коренного народа. Писательница умело использует не только антонимы (языковые и контекстуальные), но и синонимы для детальной прорисовки образа Цивилизации, Черноты, Чудовища, Страшилища... Отметим также графическую особенность текста: все значимые для понимания смысла слова неслучайно, по нашему мнению, написаны с заглавной буквы. Слово, записанное заглавными бук-

вами, получает дополнительную символическую и интонационную окраску. Часто заглавные буквы обозначают предел – психологический, интонационный, выразительный, а также конец текста. Потому и повесть заканчивается криком, которым Татьяна призывает свою дочь спастись. *«Спа-сай-ся, спа-сай-ся...» – неслось по Вселенной. А по хантыйским землям уверенно чеканила глухая Цивилизация»* [8].

Литература

1. Бабенко, Л. Г. Лексикология русского языка : учебное пособие / Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург, 2008. – Текст : непосредственный.
2. Караулов, Ю. Н. Русский ассоциативный словарь : в 2 т. Т. 2: От редакции к стимулу: более 100 000 реакций / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева [и др.]. – Москва : АСТ : Астрель, 2002. – 992 с. – ISBN 5-17-015806-8. – Текст : непосредственный.
3. Кыштымова, Т. А. Роль традиций и обычаев народа ханты в экологическом воспитании дошкольников / Т. А. Кыштымова. – Текст : непосредственный // Инновации в науке : сборник статей по материалам XVI международной научно-практической конференции. – Новосибирск : СибАК, 2013. – Часть II. – С. 74–80.
4. Литовская, М. А. «Русское», «чужое», «враждебное» в повестях Татьяны Молдановой / М. А. Литовская. – Текст : непосредственный // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2007. – № 53. – Вып. 14. – С. 235–242.
5. Львов, М. Р. Школьный словарь антонимов русского языка : пособие для учащихся / М. Р. Львов. – 7-е издание, переработанное и дополненное. – Москва : Просвещение, 2004. – 350 с. – ISBN 5-09-011189-8. – Текст : непосредственный.
6. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : А ТЕМП, 2006. – 941 с. – ISBN 978-5-9900358-6-7. – Текст : непосредственный.
7. Словарь синонимов русского языка : в 2 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – Москва : Астрель, 2003. – Т. 2. – 856 с. – ISBN 5-17-004766-5. – Текст : непосредственный.
8. Молданова, Т. А. Касания цивилизации / Т. А. Молданова. – Текст : электронный // Литературная карта Югры. – URL: <https://map.ouipiir.ru/writers/tatyana-aleksandrovnamoldanova/works/230/> (дата обращения 07.03.2019).

Ю. В. Исламова

ТОПОНИМИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

В работе представлен обзор научных трудов отечественных ученых, исследовавших топонимию севера Западной Сибири в период 1950-х – 2010-х гг. В статье упоминаются основные работы, посвященные анализу географических названий коренных народов региона – ханты, манси, ненцев.

Ключевые слова: топонимия, север Западной Сибири; ханты, манси, ненцы, отечественная лингвистика.

TOPONYMY OF NORTH-WESTERN SIBERIA IN DOMESTIC LINGUIST

The paper presents an overview of the scientific works of Russian scientists who studied the toponymy of the North of Western Siberia in the 1950s – 2010s. The Author describes the main works devoted to the analysis of the toponymy of the indigenous peoples of the region – Khanty, Mansi, Nenets.

Key words: toponymy, North Western Siberia; Khanty, Mansi, Nenets, Russian linguistics.

---

*Исламова Юлия Валерьевна,
кандидат филологических наук,
доцент Гуманитарного института
Югорского государственного университета
E-mail: islyv@yandex.ru*

Заметный интерес к топонимии этой отдаленной от крупных научно-исследовательских центров территории проявился в отечественном языкознании во второй половине XX в.

Одной из первых к названиям хантыйского происхождения обратилась в своих работах Л. И. Калинина – представительница томской топонимической школы. Ее кандидатская диссертация «Хантыйские топонимы Западной Сибири» (1962) является первым значительным исследованием по хантыйской топонимии. В работе рассматривается структура и семантика хантыйских географических названий бассейнов рек Васюган и Юган, сопоставляются устные и письменные формы топонимов.

В других исследованиях Л. И. Калининой (1961, 1969) устанавливаются основные типы хантыйских топонимов и ареалы их распространения в Западной Сибири, предпринимается попытка выяснения границ прежнего расселения ханты по данным топонимии; уделяется внимание выявлению закономерностей русской адаптации хантыйских топонимов.

Большой вклад в изучение западносибирской топонимии внес основатель ономастической школы Тюменского государственного университета Н. К. Фролов. С 70-х годов прошлого века на протяжении нескольких десятилетий он исследовал межъязыковые контакты в сфере ономастики, диахронии и синхронии, семантику, морфемистику и этимологию географических названий Тюменского Приобья.

Одним из первых ученых предпринял попытку систематизации русской и частично угорской топонимии Нижней Оби, рассмотрев семантику и словообразование русских по происхождению и образованию, а также русифицированных заимствованных из угорских языков гидронимов. Результаты исследования были изложены в статье «Семантические модели русских и угорских гидронимов Нижней Оби» (1980).

В исследовании «Субстратные топонимические финалы как показатель древних этнических контактов» (1983) на примере хантыйских, мансийских, татарских и башкирских топонимов Н. К. Фролов обзорно рассматривает топонимические финальные компоненты. В работах «Русские звуковые модификации при адаптации хантыйских топонимов», «К проблеме семантической адаптации в русском языке нерусской топонимии Тюменского Зауралья»

(1985) автор анализирует применяемые в топонимике принципы и способы исследования заимствованной топонимической лексики, а также рассматривает аспекты фонетико-морфологической адаптации топонимического субстрата.

В статье «Стратиграфия автохтонной топонимии Нижнего Пообья» (1986) Н. К. Фролов обращается к дискуссионным вопросам происхождения финно-угров, самодийцев и селькупов, а также описывает историю заселения и изучения Западной Сибири.

В ходе комплексного изучения морфонетической структуры и семантики угорской топонимии в статье «Ареалы расселения западносибирских угров по данным топонимии» (1990) предпринимается попытка выявления ареалов проживания угров. В результате исследования определяется, что в отличие от установившейся в последние столетия территории расселения ханты и манси, угорский топонимический субстрат обнаруживается на территориях к югу и юго-востоку, где к приходу русских проживали тюркские народности.

Работа «Географические апеллятивы в языках народов Тюменского Севера» (1999) посвящена вопросам соотношения географических апеллятивов и географических терминов, географических апеллятивов и номенклатурной лексики [номенов]. В ней описываются географические апеллятивы – термины и номены мансийского и хантыйского, ненецкого и селькупского происхождения.

Не менее значимым в исследовании топонимии Севера Западной Сибири является вклад представителей уральской топонимической школы. Ее основатель А. К. Матвеев в своих работах анализирует топонимы обско-угорского и финно-угро-самодийского происхождения Урала и Западной Сибири. Особое внимание автор уделяет изучению взаимодействия языков и формированию субстратной топонимии на Урале (1985). В ряде работ А. К. Матвеева, таких как «Топонимия Урала» (1985), «От Пай-Хоя до Мугоджар» (1984), «Вершины Каменного Пояса» (1990), «Географические названия Тюменского Севера» (1997) и др., уделяется внимание структуре и семантике ненецких топонимов Урала, этимологии ненецких названий гор Полярного и Приполярного Урала и других географических названий ненецкого происхождения Ямало-Ненецкого автономного округа.

Топонимии одного из регионов традиционного проживания коренного населения Западной Сибири – казымских ханты и лесных ненцев посвящены работы Т. Н. Дмитриевой. В монографии «Топонимия бассейна реки Казым» (2005) впервые осуществляется комплексный анализ топонимии бассейна реки Казым. Топонимия региона исследуется в структурном, семантическом, этнокультурном отношении.

Географические названия манси исследовала в своей диссертации «Русская топонимия мансийского происхождения в бассейне реки Тавды» (1972), а также в ряде других работ Г. В. Глинских. В статье «К интерпретации семантических соответствий в разноязычной по происхождению топонимике одной территории» (1972) описывается семантика мансийских субстратных топонимов бассейна р. Тавды в плане сопоставления их с русской топонимией этой же территории. Основные типы мансийских топонимов рассматриваются в работе «Русская топонимика мансийского происхождения на территории среднего и нижнего Припелымья» (1971).

С начала 2000-х годов к изучению топонимов севера Западной Сибири подключились югорские ученые, исследующие топонимию коренных народов в структурно-семантическом, этимологическом, лингвокультурном и многих других аспектах. К этому периоду относятся работы Е. И. Ромбандеевой, Н. Е. Краснопеевой, Н. Н. Парфеновой, М. Г. Бакшеевой, Ю. В. Исламовой, С. Н. Сорокиной, Г. И. Вануйто и др.

Вопросам семантики и этимологии мансийских топонимов уделяется внимание в статье Е. И. Ромбандеевой «Ойконимы на территории расселения северных манси» (2002) и др. В своих работах Е. И. Ромбандеева исследует обширный топонимический материал, собранный в полевых условиях.

Отражению народных знаний хантов в гидронимах Березовского района посвятила свои работы Н. Е. Краснопеева (2001, 2004).

Этнокультурные особенности субстратной топонимии Среднего Приобья исследовала Н. Н. Парфенова (2012, 2013).

Особенностям восприятия ойконимии севера Западной Сибири посвящена работа М. Г. Бакшеевой (2014).

Автор настоящей работы исследовала в различных аспектах субстратную топонимию Нижне-Среднего Приобья (2009, 2016, 2017).

Семантику и структуру угорских гидронимов анализировала С. Н. Сорокина (2009).

Г. И. Вануйто стала автором первого диссертационного исследования, посвященного ненецким топонимам (2003).

Обзор научных источников свидетельствует о неугасающем на протяжении нескольких десятилетий интересе к вопросам западносибирской топонимии. Однако на сегодняшний день географические названия этой территории изучены далеко не полностью. Сложные вопросы семантики и этимологии, адаптации обско-угорских, субстратных, русских топонимов и многие другие ждут своего решения.

Литература

1. Бакшеева, М. Г. Гендерные особенности вербального восприятия ойконима Ханты-Мансийск / М. Г. Бакшеева. – Текст : непосредственный // Вестник угроведения. – 2014. – № 4 (19) – С. 16–21.

2. Вануйто, Г. И. Ненецкая антропонимия и топонимия Гыданского полуострова : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Г. И. Вануйто. – Санкт-Петербург, 2003. – 18 с. – Текст : непосредственный.

3. Глинских, Г. В. Мансийские географические термины в самостоятельном употреблении (на материале топонимики среднего и нижнего Припелымья) / Г. В. Глинских. – Текст : непосредственный // Вопросы топониматики. – 1970. – № 4 – С. 93.

4. Глинских, Г. В. Русская топонимика мансийского происхождения на территории среднего и нижнего Припелымья / Г. В. Глинских. – Текст : непосредственный // Ученые записки УрГУ. – Екатеринбург, 1971. – С. 35–57.

5. Глинских, Г. В. Русская топонимия мансийского происхождения в бассейне реки Тавды : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Г. В. Глинских. – Томск, 1972. – 26 с. – Текст : непосредственный.

6. Глинских, Г. В. К интерпретации семантических соответствий в разноязычной по происхождению топонимике одной территории / Г. В. Глинских. – Текст : непосредственный // Вопросы топониматики. – 1972. – № 6. – С. 75–84.

7. Дмитриева, Т. Н. Топонимия бассейна реки Казым / Т. Н. Дмитриева. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005. – 580 с. – ISBN 5-7525-1421-5. – Текст : непосредственный.

8. Исламова, Ю. В. Субстратная топонимия Нижне-Среднего Приобья : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ю. В. Исламова. – Сургут, 2009. – 24 с. – Текст : непосредственный.

9. Исламова, Ю. В. Отражение межэтнических контактов в субстратной топонимии Нижнего Приобья / Ю. В. Исламова. – Текст : непосредственный // Ономастика Поволжья : материалы XV научной конференции (Арзамас, 13-16 сентября 2016 г.) / под ред. Л. А. Климковой, В. И. Супруна ; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас ; Саров: Интерконтакт, 2016. – С. 245–248.

10. Исламова, Ю. В. Топонимические легенды Ханты-Мансийского района Югры как результат межэтнических языковых контактов / Ю. В. Исламова. – Текст : непосредственный // Ономастика Поволжья : материалы XVI Международной научной конференции, посвященной 50-летию первой Поволжской ономастической конференции и памяти её организатора В. А. Никонова (Ульяновск, 20–23 сентября 2017 г.) : в 2 т. / под ред. С. В. Рябушкиной, В. И. Супруна, Е. В. Захаровой, Е. Ф. Галушко. – Ульяновск : ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И. Н. Ульянова», 2017. – Т. 1. – С. 320–325.

11. Калинина, Л. И. О некоторых вопросах топонимики левобережья Средней Оби / Л. И. Калинина. – Текст : непосредственный // Ученые записки ТГПИ. – 1959. – Т. 18. – С. 112–124.
12. Калинина, Л. И. Ареалы распространения хантыйских топонимов в Западной Сибири / Л. И. Калинина. – Текст : непосредственный // Ученые записки Томского университета. – 1961. – Вып. 19. – С. 211–215.
13. Калинина, Л. И. Сравнение устных и письменных форм хантыйских топонимов Васюгана / Л. И. Калинина. – Текст : непосредственный // Ученые записки Томского пединститута. – 1961. – Вып. 2. – С. 190–210.
14. Калинина, Л. И. Хантыйские топонимы Западной Сибири : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Л. И. Калинина. – Томск, 1962. – 17 с.
15. Калинина, Л. И. Русская адаптация хантыйских топонимов / Л. И. Калинина. – Текст : непосредственный // Топонимика Востока : сборник научных трудов. – Москва : Наука, 1969. – С. 175–182.
16. Краснопева, Н. Е. Народная гидронимия хантов Березовского района / Н. Е. Краснопева. – Текст : непосредственный // Материалы III Югорских чтений (Ханты-Мансийск, 26–27 апреля 2000 г.). – Томск, 2001. – С. 146–148.
17. Краснопева, Н. Е. Отражение народных знаний хантов в гидронимах Березовского района / Н. Е. Краснопева. – Текст : непосредственный // Языки и культура народов ханты и манси : материалы Международной конференции, посвященной 10-летию Научно-исследовательского института обско-угорских народов (Ханты-Мансийск, 27-30 ноября 2001 г.). – Томск, 2004. – Ч. II. – С. 39–42.
18. Матвеев, А. К. От Пай-Хоя до Мугоджар / А. К. Матвеев. – Свердловск, 1984. – 272 с. – Текст : непосредственный.
19. Матвеев, А. К. Топонимия Урала : учебное пособие / А. К. Матвеев. – Свердловск, 1985. – 77 с. – Текст : непосредственный.
20. Матвеев, А. К. Вершины Каменного Пояса : названия гор Урала / А. К. Матвеев. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Челябинск : Южно-Уральское кн. изд-во, 1990. – 287 с. – ISBN 5-7688-0296-7. – Текст : непосредственный.
21. Матвеев, А. К. Географические названия Тюменского Севера / А. К. Матвеев. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1997. – 192 с. – ISBN 5-7525-0526-7. – Текст : непосредственный.
22. Парфенова Н. Н. Субстратная гидронимия Среднего Приобья / Н. Н. Парфенова, Н. Ю. Чучалина. – Текст : непосредственный // Традиционная культура Тарского Прииртышья. Перспективы развития и изучения. Сравнительный аспект : материалы региональной научно-практической конференции (Тара, 9-10 нояб. 2012 г.). – Тара, 2012. – С. 65–68.
23. Парфенова Н. Н. Этнокультурные особенности субстратной топонимии Среднего Приобья / Н. Н. Парфенова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2013. – № 5. – С. 22–25.
24. Ромбандеева Е. И. Некоторые этимологии мансийских топонимов / Е. И. Ромбандеева. – Текст : непосредственный // Вопросы финно-угорского языкознания. – 1965. – Вып. 3. – С. 45–52.
25. Ромбандеева, Е. И. Ойконимы на территории расселения северных манси / Е. И. Ромбандеева. – Текст : непосредственный // Материалы IV Югорских чтений. – Ханты-Мансийск, 2001. – С. 38–43.
26. Сорокина, С. Н. Угорские гидронимы Среднего Приобья (Семантика и структура) : монография / С. Н. Сорокина. – Нижневартовск : Изд-во Нижневартовского гос. гуманитарного ун-та, 2009. – 175 с. – Текст : непосредственный.
27. Фролов, Н. К. Семантические модели русских и угорских гидронимов Нижней Оби / Н. К. Фролов // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – Воронеж : ВГУ, 1980. – С. 99–109.

28. Фролов, Н. К. Субстратные топонимические финали как показатель древнейших лингвистических контактов / Н. К. Фролов. – Текст : непосредственный // Вопросы ономастики : межвузовский сборник научных трудов. – Свердловск, 1983. – Вып. 16. – С. 23–29.
29. Фролов, Н. К. К проблеме семантической адаптации в русском языке нерусской топонимии Тюменского Зауралья / Н. К. Фролов. – Текст : непосредственный // Топонимия Урала и Севера Европейской части СССР : сборник научных трудов. – Свердловск, 1985. – С. 129–138.
30. Фролов, Н. К. Стратиграфия автохтонной топонимии Нижнего Пообья : монография / Н. К. Фролов. – Красноярск : Изд-во Красноярского ун-та, 1986. – 176 с. – Текст : непосредственный.
31. Фролов, Н. К. Ареалы расселения западносибирских угров по данным топонимии / Н. К. Фролов. – Текст : непосредственный // Материалы IV Международного конгресса финно-угроведов. – Москва : Наука, 1990. – Т. 2. – С. 208–211.
32. Фролов, Н. К. Семантика и морфемика русской топонимии Тюменского Приобья / Н. К. Фролов. – Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 1996. – 160 с. – ISBN 5-88081-032-1. – Текст : непосредственный.
33. Фролов, Н. К. Эндемические географические апеллятивы в языках народов Тюменского Севера / Н. К. Фролов. – Текст : непосредственный // Вестник Тюменского государственного университета. – 1999. – № 4. – С. 9–16.

М. В. Кабакова

ПОИСК ФОРМ СОХРАНЕНИЯ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА В ДЕТСКОМ ЭТНОКУЛЬТУРНОМ СТОЙБИЩЕ «НУМСАНГ ЁХ»

В данной статье рассмотрены пути сохранения хантыйского языка в детском этнокультурном стойбище «Нумсанг ёх» (Белоярский район с. Казым). Автором проанализированы основные формы работы данного стойбища, касающиеся сохранения хантыйского языка (казымский диалект), находящегося на грани вымирания.

Ключевые слова: Нумсанг ёх, ханты, Казым, исчезающие языки, сохранение языка.

SEARCH FOR FORMS OF PRESERVATION OF THE KHANTY LANGUAGE IN THE CHILDREN'S ETHNO-CULTURAL CAMP "NUMSANG EX"

As the title implies the article describes the ways of preserving the Khanty language in the children's ethno-cultural camp "Numsang eh (Beloyarsky district, Kazym village). The author analyzed the main forms of work of this camp related to the conservation of the Khanty language (Kazym dialect), which is on the brink of extinction.

Key words: Numsang eh, Khanty, Kazym, endangered languages, language preservation.

---

*Кабакова Марина Викторовна,
заведующая отделом проектной
деятельности и связей с общественностью
МАУК с.п. Казым
«Центр историко-культурного наследия «Касум ёх»
E-mail: kabakova74@mail.ru*

Сегодня, в эпоху глобализации, в связи с распространением современных технологий и расширением киберпространства многие живые языки все чаще подвергаются дискриминации, что ведет к их исчезновению и потере языкового и культурного разнообразия [2, с. 12]. К проблеме утраты языка обращаются не только ученые и международные организации, но и местные сообщества, которые осознают важнейшую роль языка в сохранении культуры и этнической самобытности. Одним из таких сообществ является детское этнокультурное стойбище «Нумсанг ёх».

Стойбище «Нумсанг ёх» работает на Казымской территории Белоярского района с 2000 года. Основная идея детских стойбищ заключается в погружении детей в специально организованную природную и этническую среду. Стойбище находится в ягельном бору в 12 км от с. Казым и работает в летний период. За сезон здесь проходит от 3 до 5 тематических смен продолжительностью до двух недель. Все это время ребята проживают в чумах и лесных избышках, занимаются традиционными промыслами и ремеслами, изучают фольклор, обряды и обычаи своего народа.

Работа по изучению родного языка в различных формах проводится на всех сменах. На протяжении ряда лет на стойбище проводилась специализированная смена «Языкомировидение». Руководителем смен являлась Р. М. Потпот – научный сотрудник Обско-угорского института, в качестве преподавателей приглашались этнографы Тимофей и Татьяна Молдановы. Дети знакомились с пантеоном богов Казымской земли, учили хантыйские названия животных и птиц, разучивали на хантыйском языке детские песни, заклички, поговорки. Хантыйскую лексику изучали не только на специальных занятиях, но также во время занятий ремеслами, на рыбалке, а вечерами на «легендарном» костре слушали легенды, мифы, сказки на хантыйском языке [3, с. 2]. На протяжении 12 лет формы не менялись. Из 25 человек за 1 смену всегда были 1–3 человека, владеющих хантыйским языком. Словарный запас пополнялся, но только на уровне понимания самых простых выражений.

В 2012 году появляется проект «Легенды земли Казымской», который дал начало новому направлению на стойбище – театральным сменам. В первом спектакле на хантыйском языке была произнесена всего одна фраза, но уже три последних спектакля играют полностью на хантыйском языке. Помогают в этом специалисты Белоярского филиала ОУИПИиР Потпот Р. М. и Каксина Е. Д. Они переводят и адаптируют хантыйские тексты для спектакля, работают с детьми над произношением. В 2017 г. был поставлен спектакль «Эвие» («Доченька») по личным хантыйским песням. Исполнительница хантыйского фольклора Салахова Е. Д., игравшая одну из главных ролей в спектакле «Эвие», стала разучивать с девочками детский фольклор на хантыйском языке. Актеры в спектаклях постоянно менялись: новый спектакль, новый приход. Поэтому сложно оценить, насколько эффективна данная форма. Но, попадая в языковую среду, дети, играющие в театре, лучше других могли понять носителей языка и говорить, составляя простые предложения.

В 2016 г. по инициативе научного сотрудника Обско-угорского института прикладных исследований и разработок Дядюн С. Д. была запланирована и проведена смена «Сказки реки Казым», основанная на фольклорном материале казымских хантов. Программу построили таким образом, что каждый день был посвящен какому-нибудь фольклорному жанру: закличкам, песням, загадкам и др. Детей сначала знакомили с образцами малых фольклорных жанров, а потом предлагали самим сочинить что-то в данном жанре. В зависимости от степени владения языком группы выполняли разные задания: одни сочиняли тексты на хантыйском языке, другие – на русском и только затем переводили на хантыйский язык [там же, с. 3].

Погружением в языковую среду можно назвать участие детей в медвежьих игрищах – церемонии, которая проводится по случаю добычи медведя. Как правило, на этот праздник собираются знатоки фольклора, старожилы, владеющие хантыйским языком. Основным языком на празднике – хантыйский, поэтому присутствующие на нем дети вынуждены общаться со стариками на родном языке, используя имеющийся небольшой лексический запас. С первых же смен стойбища мальчики учились ставить «лунгалтупы» (небольшие интермедии на актуальные темы), которые разыгрываются на медвежьих игрищах. Сначала сценки ставили преимущественно на русском языке, но те мальчики, которые ежегодно бывают на сменах стойбища, постепенно перешли на хантыйский язык по принципу перевода необходимых фраз с русского языка. Сценки актуальны на всех сменах, поэтому сегодня язык сенок сохраняется.

В 2016 г. на стойбище приехали финская художница Санна Хукканен и переводчица, комикс-активистка из Москвы Анна Воронкова, которые ведут проект «Живой язык». В рамках этого проекта художницы проводят мастер-классы в финно-угорских регионах России, обучая юных жителей рисованию комиксов на их родных языках [5]. Комиксы стали еще одной формой изучения хантыйского языка на стойбище. Основное правило рисования комикса на родном языке – это личная история и короткие фразы. Сначала дети изучают сказки и легенды своего народа, а затем с помощью лаконичных, но емких фраз пишут тексты на родном языке. Комиксы легко запоминаются и воспроизводятся детьми. В Казыме стал проводиться конкурс на лучший комикс на родном языке (хантыйском и ненецком). На основе самых интересных комиксов сделаны наборы открыток. Идея с комиксами понравилась педагогам стойбища, но ребят она пока не заинтересовала.

В июле 2018 г. на стойбище проходила языковая смена. Главная ее идея заключалась в том, чтобы хантыйский язык был основным языком общения. Не только педагоги, мастера, вожатые, но и обслуживающий персонал должны были владеть хантыйским языком [1].

Из 25 детей, принимавших участие в работе смены, на родном языке разговаривали только двое, к концу смены все дети имели необходимый лексический минимум для общения в различных ситуациях. Ежедневно три часа в первой половине дня были посвящены изучению хантыйского языка: заучивание новых фраз, чтение и сочинение сказок, песен, историй. Так появилась своя «Нумсанг азбука» («Умная азбука») на хантыйском языке, которую составляли сами ребята. Если до создания азбуки дети сочиняли на русском языке, а потом переводили на хантыйский и заучивали, то азбуку пришлось сочинять сразу на хантыйском языке. С каждым днем расширялось пространство, где в обиходе был только хантыйский язык: сначала столовая, затем ма-

стерские, вечерний костер и т. д. На хантыйском языке проводилась не только рефлексия, но и песни у костра исполнялись на хантыйском языке. Безусловно, за 10 дней невозможно выучить язык, но базовый словарный запас ребята смогли приобрести. А для организаторов это был первый опыт погружения в языковую среду, который ляжет в основу следующей лингвистической смены. Данная форма оказалась самой удачной. Дети начали говорить, но пока в рамках смены. По возвращению со стойбища только двое ребят (не владеющих языком) пытаются разговаривать с родителями на хантыйском языке.

Изучение хантыйского языка выходит далеко за рамки летних смен детского стойбища. Являясь активными помощниками местного музея, где работают организаторы стойбища, ребята принимают участие во всех проектах, связанных с родными языками. Многие воспитанники стойбища принимали активное участие в разработке проекта «Поликультурная навигация» [4]. Ребята переписали названия всех улиц и организаций с. Казым и вместе с родственниками, говорящими на одном из трех языков (хантыйском, ненецком, коми-зырянском), переводили эти названия. В октябре 2018 г. в с. Казым были установлены указатели, на которых названия улиц и переулков написаны на хантыйском языке.

По данным опроса, проведенного в с. Казым в мае 2019 г., 79 % респондентов считают хантыйский язык родным. Из 32 опрошенных участников детского стойбища «Нумсанг ёх» родным языком владеют всего двое. За 20 лет ситуация не изменилась: как было 1–3 говорящих с начала становления стойбища, так и осталось. Но 30 человек из 32 опрошенных хотели бы говорить на хантыйском языке. 6 выпускников стойбища устроились на работу, где необходим хантыйский язык: театр обско-угорских народов «Солнце», этнографический музей в селе Казым. Это дает основание полагать, что применяемые сегодня формы работы по изучению и сохранению хантыйского языка в детском этнокультурном стойбище «Нумсанг ёх» являются действенными и стимулируют подрастающее поколение осваивать язык предков.

Литература

1. Анадеева, Н. Азбука родного языка / Н. Анадеева. – Текст : электронный // Ugra-news.ru. – URL: <https://ugra-news.ru/article/02082018/71127/> (Дата обращения: 29.04.2019).
2. Гукова, Е. С. Деятельность ЮНЕСКО по сохранению языкового разнообразия. Документальный аспект / Е. С. Гукова // Международные гуманитарные связи : материалы заочных сессий ежеквартальной студенческой научной конференции, 1-9 декабря 2013 года. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2013. – Том II. – С. 11–18.
3. Кабакова, М. В. Деятельность по передаче традиционных культурных ценностей подрастающему поколению в этнографическом выставочном зале с. Казым (на примере медвежьих игрищ) / М.В. Кабакова. – Текст : непосредственный // VII Югорская полевая музейная биеннале : Всероссийский форум музейного искусства. – Ханты-Мансийск, 2016. – С. 5.
4. Навигация с изюминкой. – Текст : электронный // Квадрат : Белоярский информационный центр. – 2018. – URL: <http://www.kvadrat-ugra.ru/4842-navigaciya-s-izyuminkoy.html>. (Дата обращения: 29.04.2019).
5. Анадеева, Н. Родной язык – новый герой комикса / Н. Анадеева. – Текст : электронный // Ugra-news.ru. – URL: <https://ugra-news.ru/article/12072018/70190/> (Дата обращения: 29.04.2019).

**ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ
НА ЯЗЫКИ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА)**

Статья посвящена одной из проблем функционирования миноритарных языков в современном коммуникативном пространстве. В результате анализа выполненного автором перевода на хантыйский язык одного из юридических документов и состава абстрактных слов выводятся положения о недостатке (в хантыйском языке) лексических средств и синтаксических моделей для перевода юридических документов и создания массива текстов общественно-политической направленности (в целом – текстов публицистического характера).

Ключевые слова: публицистический стиль, общественно-политический лексикон, проблемы перевода, языки малочисленных народов, хантыйский язык.

**PROBLEMS OF TRANSLATION OF PUBLIC AND POLITICAL VOCABULARY
IN THE LANGUAGES OF THE SMALL PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION
(ON THE EXAMPLE OF THE KHANTY LANGUAGE)**

Article is devoted by one of problems of functioning of minority languages in modern communicative space. As a result of the analysis of one of legal documents and structure of abstract words made by the translator on the Khanty language regulations on a shortcoming (in the Khanty language) lexical means and syntactic models for the translation of legal documents and creation of the array of texts of social and political orientation are output (in general – texts of public character).

Keywords: public style, social and political lexicon, translation problems, languages of the small people, Khanty language.

---

*Каксин Андрей Данилович,
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии,
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
E-mail: adkaksin@yandex.ru*

В последнее время возрастает практическая необходимость в проведении широкомасштабных исследований в области стилистики хантыйского языка и создании ее теоретических основ, а в качестве предпосылки необходимы работы, посвященные анализу разных лексических групп (в первую очередь – слов, употребительных в текстах публицистического и официально-делового стиля). Исследователи хантыйского языка неоднократно обращались к данной теме, обращали внимание на многие проблемы, связанные с созданием текстов публицистического характера на хантыйском языке [1; 3; 4].

Далее поделимся своим опытом перевода на хантыйский язык текста юридического характера – одного из законов регионального уровня, закона Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «О территориях традиционного природопользования». Сразу оговоримся, что это был пробный опыт, и он показал принципиальную возможность такого рода переводов. Конечно, не случайно было решено перевести на хантыйский язык именно этот документ: он очень важен для коренных народов Ханты-Мансийского автономного округа, является судьбоносным для них. Закон этот – достаточно общий, небольшой по объему, и он был переведен нами полностью. Необходимо было ответить на вопрос: имеются ли в хантыйском языке ресурсы, потенции (прежде всего – лексические), которые позволили бы адекватно передать содержание (дух и букву) современного юридического документа. Более конкретно: речь, конечно, шла о том, не слишком ли много будет использовано неологизмов (и новых значений исконных слов хантыйского языка) для адекватного перевода. Далее для примера приводится фрагмент искомого перевода.

*Ханты-Мансийский автономный округ – Югра Закон,
декабрь тылац 28 числайн етум № 145-оз
“Традиционной природопользование тӕхет олангн”
Ханты-Мансийский автономный округ Думайн вӱрман
2006 ол декабрь тылац 27 числайн*

Тӕм Закон мӕстал на нӕпеката: Россия Конституция, Россия законата, Ханты-Мансийский АО Устава. Тӕм Закон вера молс традиционной природопользование верат тӱнгматты пӕта на рут мӱвевн тацанга валты пӕта. (Щит иса округев территория йнтӕ, тӕп хӕнтӕт вӱлты-веласлаты мӱват-ават.)

Что показал этот пробный перевод? Самое главное, был получен утвердительный ответ на заданный вопрос: на хантыйском языке можно передавать суть юридических положений, на хантыйский язык можно переводить официальные документы. С другой стороны, стало понятно, что для изложения юридических формул и положений хантыйский язык не совсем приспособлен. При этом наш опыт мы не считаем идеальным: согласны с тем, что можно еще шире использовать лексикон хантыйского языка (специалисты заметят, что во многих случаях мы оставили русские корни и основы), подумать над правильной передачей аббревиатур и т. п. Однако все эти вопросы нужно решать коллегиально, желательно после создания официальной структуры (какой-либо комиссии). Пока этого нет, распространять подобный опыт не имеет смысла, перевод оказывается и неадекватным, и невостребованным, поскольку на языках малочисленных народов нет судопроизводства. Пока что это может быть интересно (или полезно) лингвистам и переводчикам.

Другим направлением работы в данной сфере лингвистики является анализ слов с абстрактным значением: в результате могут быть выдвинуты предложения по расширению этого лексического класса за счет внутренних резервов языка. Начинать необходимо с выявления объема (состава) этой группы, помня о том, что иногда одна и та же лексема может обозначать и конкретное, и абстрактное. Абстрактная лексика хантыйского языка в этом отношении изучена еще недостаточно. Сейчас исследователям хантыйского языка крайне важно представлять в виде микросистем разные лексические группы и определять их место в общей лексической системе. Другая задача – выявление способов обогащения данных лексико-семантических групп, особенно в связи с развитием языка национальной газеты «Хӕнты ясаӕ». Поскольку ныне действующие словари хантыйского языка содержат недостаточно информации, авторам исследований часто необходимо дополнительно определять точную семантику многих слов. И, конечно, необходимо сопоставление с русским языком, который и сейчас остается языком межнационального общения.

Повторим, начинать необходимо с определения приблизительного количества абстрактных слов в хантыйском языке; затем следует приступать к классификации внутри группы и анализу микрогрупп и отдельных лексем. Например, в одной из работ подобного плана (на материале хантыйского языка) рассмотрено более 150 лексем, выделены оттенки их значений, имеющие отношение к «абстрактности» [5].

Как следует из теоретических положений данной работы, группа слов отвлеченной семантики членится на пять подгрупп по степени абстракции, т. е. по степени «удаления» денотативного компонента значения от предметного мира. В ряде случаев члены одной подгруппы взаимосвязаны отношениями синонимии, антонимии, а с неабстрактными словами – отношениями омонимии. Синонимическая близость колеблется от абсолютного, полного тождества до довольно отдаленных семантических связей.

Упомянутая работа является ценной и в практическом плане: в ней проведена предварительная классификация материала хантыйского языка (с точки зрения «группового выражения» отвлеченного значения). Согласимся также в том, что в перечень абстрактных слов хантыйского языка необходимо включить и названия общественных ситуаций, отношений и явлений в социуме (хотя бы в большинстве своем – это и новообразования). В связи с необходимостью обозначать именно такие ситуации и явления в последнее время в языке национальной газеты «Хӕнты ясаӕ» появляются и соответствующие лексические единицы: йӕм вӱща ясаӕ ‘приветствие’, йилпатты вер ‘оживление’, вӱн сӱхум ‘большой шаг (в развитии)’,

вулаң тәхи ‘развитая территория’, мбстаң хоятат ‘уважаемые (земляки)’, мўв илпи тащат ‘богатства недр’, найташты щир ‘надежда’, поступсы ‘развитие’ и другие.

Следующий ряд слов не относится прямо к явлениям общественной жизни, но это тоже абстрактные слова, и чаще всего они также употребительны прежде всего в языке газеты: вўра ‘каприз; требование’, лапат ‘неделя’, нбпат ‘возраст’, партупсы ‘наказ’, палтап ‘страх’, пелтупсы ‘обмен’, рўтыщаты вух ‘пенсия’, таңнупсы ‘наставление’, турн верты вер ‘заготовка сена’, унтас ‘помощь’, шойт ‘деньги’, кўтуп ‘середина’ и т. п.

В школьных словарях хантыйского языка также можно обнаружить новообразования подобного рода: пбмашипа ясаң ‘благодарность’, вбнпелак ‘большинство’, йбм айкел ‘весть, приветствие’, ванлтупсы ‘выставка’, хбтл нбпек ‘календарь’, касупсы ‘соревнование’, яступсы ‘клятва’, лени-вани ‘лень’, палтаплы вер ‘мужество’, эвалты вер ‘надежда’, неман ‘неправда’, яступсы ‘обещание’, мбр ‘продолжительность’ [2].

Языковая ситуация у малочисленных народов Севера России в последние десятилетия характеризуется повсеместным развитием национально-русского двуязычия: билингвами становятся даже люди старшего поколения. При этом фонетические системы хантыйского и мансийского языков менее подвержены внешнему влиянию, и новации в этой сфере связаны в основном с произношением заимствованных слов. Как известно, старые (до 1917 г.) заимствования подвергались безусловным фонетическим изменениям (ср.: нужда > хант. нўша, манс. нуса ‘бедность, бедный’). В поздних заимствованиях встречается употребление звуков, не входящих в исконную фонологическую систему, а также смещение ударения. Напр.: телевизор ‘телевизор’, фабрика ‘фабрика’, кольца ‘кольцо’, дразнитыйл ‘дразниться’, обижайтла ‘обижают (его, её)’.

К области новаций относятся и некоторые словообразовательные явления, но и они не затрагивают системных основ. В частности, в хантыйском языке в последнее время активно используются заимствованные глаголы (или глагольные корни), снабжаемые исконными суффиксами словообразования. Особенно часто используются суффиксы -т/-эт- и -быйл-, имеющие значение переходности/каузативности и многократности/интенсивности соответственно:

Доказывайт – ‘доказывать’ [-й – вставочный согласный], ремонтировайт – ‘ремонтировать’, тўмайт – ‘думать’, врутьщайт – ‘вручать’, меритыйл – ‘мерить (много раз)’, рбпийт – ‘работать (много)’ и т. п.

Значительные изменения происходят в грамматике, особенно в части морфологии и синтаксиса словосочетания. В хантыйском языке в этом отношении легко уязвимым оказывается объектное спряжение глагола, иногда неправильно употребляют притяжательные формы. Носители языка начинают смешивать единственное, двойственное и множественное число как по линии согласования прямого дополнения, так и подлежащего с глаголом-сказуемым. Легко заметить влияние русского языка и в синтаксисе предложения. В частности, в языке газеты “Ханты ясаң” мы видим широкое употребление конструкций, подобных русским конструкциям с союзами и союзными словами:

Мосл щиты верты, лблц округевн вблты кашаң семья няврэм тбйты ат лбнхас [6] ‘Нужно так сделать, чтобы в округе каждая семья хотела иметь много детей’;

Юрий лупас, хуты вулаң рбпата бнт тбйл. Щблта ма ай паватсум, муь щирн лўв хурат верты питас [6] ‘Юрий рассказал, как он остался без любимой работы. Затем я узнал, каким образом он начал рисовать’.

Русский язык оказывает влияние и в семантико-стилистической сфере. В связи с этим новые интересные явления отмечаются в использовании модальных слов хантыйского языка. Например, можно отметить появление новых контекстов употребления модальных предикатов мосл ‘нужно’, мбста- ‘быть нужным’, рбхл ‘можно; разрешено’, рбх ‘быть подходящим’. Приведем несколько примеров предложений с данными глаголами из текстов публицистического характера. Именно такой характер текста, видимо, и подталкивает авторов к использованию модальных слов в несвойственных им значениях или к постановке модальных глаголов не в конце предложения:

Тбта мўң уша версув, хуты Санкт-Петербург вошн Полярной академияйн немалт хоят увас мир эвалт бнт вбнлтыйл. Аршак тбхия мосл вбнлтыйлты мбнты [6] ‘Здесь мы узнали,

что в Санкт-Петербурге в Полярной академии никто из представителей северных народов не учится. Во многие места нужно учиться уезжать' (во втором предложении нарушен привычный порядок слов: вӧнлтылтты мӧнты мосл).

Ин кашаң тылащ щимащ нӧпек рӧхал хӧншты, муй арат хӧннехӧ йилпа кӧшаңа йил [6] 'Теперь каждый месяц такую бумагу необходимо подавать, сколько человек повторно заболели' (вместо предиката со значением необходимости – мосл 'надо, нужно' – использован предикат со значением "разрешено").

Из числа новых явлений – и переход вводно-модального слова мосаң 'может быть' в прилагательное мосаң 'нужный, необходимый, полезный, значимый', ср. заголовок в газете и предложение из статьи под этим заголовком (причем во втором случае не совсем понятное употребление: можно понимать двояко):

Мосаң вер лӧщмал 'Нужное (полезное) дело налаживается'. ...

Ин тӧмиты и нумасан еллы яма рӧпитты питлат ки, мосаң вер лӧщмал [6] 'Теперь, если так, в одном направлении, будут работать, нужное дело наладится' (или, если выделить *мосаң* как вводное слово: ...мосаң, верлӧщмал '...возможно, дело наладится').

Как относиться к подобным новациям? Если выбранное автором средство соответствует содержанию высказывания, значит, такое использование исконных средств младописьменного языка не противоречит тенденциям развития этого языка. Такие новации следует только приветствовать, лишь бы они не подменяли использование "естественных" средств, выработанных самим языком (в нашем случае – хантыйским или мансийским).

Такие спорные случаи убеждают в необходимости дальнейших исследований в области синтаксической семантики хантыйского языка. Немногочисленные исследования, посвященные отдельным разрядам лексики, не дают возможности составить цельную картину связей между словами разных частей речи хантыйского языка.

Жизнь общества отражается в языке носителя или, другими словами, влияет на язык через носителя языка. Но с другой стороны, перевод общественно-политической лексики может способствовать обогащению и развитию лексического состава языка. Развитие языка, в большей степени, обеспечивается лексикой, мгновенно откликающейся на любые изменения в общественной жизни и являющейся особой формой накопления общественно-познавательного опыта и передачи его в цепи поколений.

Литература

1. Каксин, А. Д. Модальный дискурс публицистических текстов в хантыйском языке / А. Д. Каксин. – Текст : непосредственный // Активные процессы в различных типах дискурсов: политический, медийный, рекламный дискурсы и интернет-коммуникация : материалы международной конференции. 19–21 июня 2009 г. / Московский педагогический государственный университет. – Москва ; Ярославль, 2009. – С. 159–162.
2. Кононова, С. П. Русско-хантыйский тематический словарь (казымский диалект) : пособие для учащихся / С. П. Кононова. – Санкт-Петербург : Просвещение, 2002. – 216 с. – ISBN 5-09-005246-8. – Текст : непосредственный.
3. Онина, С. В. Освоение иноязычных вкраплений на структурном уровне современного хантыйского языка / С. В. Онина. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2012. – № 2. – С. 254–263.
4. Онина, С. В. «Отцы и дети»: спектр отношений между поколениями ханты / С. В. Онина. – Текст : непосредственный // Этнокультурное и социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера : материалы Международной научной конференции. – Ханты-Мансийск, 2013. – С. 241–253.
5. Потанина, О. С. Способы языковой реализации абстрактных понятий в диалектах хантыйского языка (в сопоставлении с языками неродственных семей) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / О. С. Потанина. – Томск, 2006. – 25 с. – Текст : непосредственный.
6. Хӧнты ясаң : газета на хантыйском языке – Ханты-Мансийск. – Еженед. – Текст : непосредственный.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ НАГРУЗКА МЕТАФОР В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ ИЗ СБОРНИКА «БУРАННАЯ РОССИЯ» АНДРЕЯ ТАРХАНОВА

Метафора – универсальное явление в языке, издавна привлекающее внимание наблюдателей и исследователей человеческой речи. Новизна нашей работы обусловлена тем, что выявление специфических особенностей метафор в поэтических текстах мастеров слова Югры очень актуально, к тому же творчество Андрея Тарханова, открывающего таинственный мир глазами мансийского поэта, мало изучено и представляет собой уникальную ценность. Цель статьи – определить функционально-стилистическую роль метафоры как одного из ведущих художественных средств в поэтических текстах сборника Андрея Тарханова «Буранная Россия».

Ключевые слова: метафора, виды метафор, декоративная метафора, оценочная метафора, номинативная метафора, функции метафоры, поэтический текст.

FUNCTIONAL LOAD OF METAPHORS IN POETIC TEXTS FROM THE COLLECTION "BURANNAYA ROSSIYA" ANDREI TARKHANOV

Metaphor a universal phenomenon in language, has long attracted the attention of observers and researchers of human speech. The novelty of our work is due to the fact that the identification of specific features of metaphors in the poetic texts of the masters of the word of Ugra is very important, besides the work of Andrei Tarkhanov, who opens the mysterious world through the eyes of the Mansi poet, is little studied and represents a unique value. The purpose of the article is to determine the functional and stylistic role of metaphor as one of the leading artistic means in poetic texts from Andrei Tarkhanov's collection "Burannaya Rossiya".

Keywords: metaphor, types of metaphors, decorative metaphor, evaluative metaphor, nominative metaphor, metaphor functions, poetic text.

---

*Кремина Виктория Николаевна,
студентка 4 курса
Гуманитарного института североведения
Югорского государственного университета
E-mail: virinea98@gmail.com*

Метафора во все времена была эффективным инструментом обучения. Библия, древнегреческие мифы, детские волшебные сказки полны аналогий, сравнений, иносказаний и метафорических историй, предназначенных для обучения новым понятиям и облегчению понимания. Метафора – универсальное явление в языке. Ее универсальность проявляется не только в пространстве и во времени, но и в структуре языка, в его функционировании. Она присуща всем языкам и во все эпохи, охватывает разные аспекты языка и проявляется во всех его функциональных разновидностях. Новизна нашей работы обусловлена тем, что выявление специфических особенностей метафор в поэтических текстах мастеров слова Югры очень актуально, к тому же творчество Андрея Тарханова, открывающего таинственный мир глазами мансийского поэта, мало изучено и представляет собой уникальную ценность.

В поэзии Тарханова мы видим все богатство его души, он поэтизировал очень многие ее состояния – от восторженного, возвышенного до состояния одиночества и философских раздумий о вере, космосе, дружбе, любви... Есть достаточно распространенное мнение о том, что биография литератора в его творчестве. Да, биография Андрея Семеновича, может быть, и скупа на какие-то жизненные факты, но очень богата поэтическими произведениями, прозой, публицистикой. Внимательный и заинтересованный читатель найдет в литературном наследии ответ на многие вопросы, проследит, как менялось мировоззрение поэта, его вос-

приятие окружающей действительности, его отношение к тем или иным событиям. О поэтическом творчестве Андрея Тарханова – автора многих книг, выходящих в издательствах нашей страны и за рубежом, написано и сказано немало. В критических статьях подчеркивается оригинальность его поэтического мышления, свежесть взгляда на мир, кровная привязанность его лирики к родному северному краю, земле, которая живительными соками наполняет стихи и поэмы Андрея Тарханова. «Тарханов – манси по своей морали, по своему взгляду на мир и в то же время гражданин нашего века. Он решал в своей поэзии те же проблемы, которые стояли перед обществом, а не только перед народом манси. Как поэт он обладал предметным мышлением и восприятием мира в его единстве. Во всем этом кроется секрет силы и значительности личности Андрея Тарханова, оригинальность его творчества, обаяние его поэзии», – писал в предисловии к книге поэта «Плач неба» литературный критик Константин Яковлев. Романтическая направленность лирики Тарханова, выбранная им в самом начале, сопровождала его всю жизнь, в какие бы катаклизмы не попадало наше общество, страна. Творческих высот Тарханов достигает в лирике, связанной с природой родной земли, размышлениями человека на этой земле, где поэту сопутствует и яркая образность строк, и мудрая философичность [1].

Цель статьи – определить функционально-стилистическую роль метафоры как одного из ведущих художественных средств в поэзии Андрея Тарханова. Исследование проводилось на материале поэтических текстов из сборника «Буранная Россия».

В лингвистической литературе функциональная классификация метафор представлена следующими видами:

1. Номинативная метафора (используется для обозначения объекта, еще не имеющего собственного наименования: спутник Земли). Такая метафора широко используется в различных подъязыках науки и техники.

2. Декоративная (художественная наука) метафора. Служит средством украшения речи: алмазная роса. Основной сферой ее употребления является художественная речь.

3. Оценочная метафора (о людях: гигант мысли) характерна для газетных и разговорных метафор.

4. Пояснительная (педагогическая, дидактическая) метафора, которая характерна для научной речи [5; 6].

Таким образом, параметры классификации метафор определяются своеобразием планов содержания и выражения, зависимостью от контекста и функциональной спецификой метафорического знака.

Изучив тексты сборника «Буранная Россия», мы выявили, что Андрей Тарханов использует в основном декоративные и оценочные метафоры. Декоративные метафоры используются автором для красоты и поэтичности речи. Они помогают создать яркие образы, показать чувства и переживания героев, превратить сухой и безжизненный текст в одухотворенный, наполненный запахами и красками мир, в котором происходят события, описываемые поэтом. Декоративная функция важна и необходима для поэтических текстов, т. к. именно благодаря ей и рождается поэзия. Без декоративных метафор невозможно было бы представить стихотворение – оно было бы неестественным, лишенным образности и выразительности. Если углубиться в литературоведение, то можно проследить, какие тропы относятся к декоративным метафорам. Это, в первую очередь, красочные эпитеты, олицетворения, оксюмороны, скрытые сравнения, аллегории, перифразы и другие художественно-выразительные средства. Для наглядности обратимся к конкретным примерам, встретившимся нам в текстах.

Например, в стихотворении «Я вижу сосновое прясло»

*«Но руки, сияя лучами,
Не вскинутся свято ко мне.
Живу я, как прежде, стихами,
Бываю на Веге во сне» –*

мы наблюдаем декоративную метафору – «Не вскинутся свято», характеризующую разрыв, прекращение всяческих отношений, в том числе и любви, ведь когда любят – почитают как святое, восхваляют, ценят. Обычно свято вскидывают руки к иконе, к Богу, к тому, что почитают дорогим, любимым и святым.

В стихотворении «Зов неба» несколько декоративных метафор:

*«Зов неба в нас живет с пленок.
И первый крик – сигнал туда.
Я в мир пришел, еще ребенок,
Но жди меня, моя звезда...».*

«Первый крик – сигнал туда» – автор называет первый крик ребенка при рождении на этой земле сигналом к небу. Здесь он имеет в виду, что с рождения в нас живет «зов неба», и первый крик – как обращение к небесам; «жди меня, моя звезда» – автор наделяет звезду человеческими качествами и просит подождать его. Здесь имеется в виду, что человек с рождения стремится к небу, всю жизнь его притягивают небеса своей недостижимостью и чистотой, и после смерти душа человека уходит на небо, именно поэтому автор просит свою звезду ждать его, т. к. они обязательно встретятся после смерти.

В стихотворении «На троне»

*«Но каждый с надеждою рос,
Что будет и воля, и радость
Общенья с любовью, мечтой,
И неба духовная святость
Воссоединится с душой»*

присутствует декоративная метафора «неба духовная святость воссоединится с душой» – автор наделяет небо духовными качествами, которые присущи Богу и святым. «Духовная святость неба» обозначает чистоту неба, его одухотворенность, возвышенность, к которой так стремится сердце человека на протяжении всей жизни. А когда эта «святость» небес соединяется с душой, тогда наступает настоящая гармония во всем мире.

В стихотворении «В одном порыве»:

*«На небе хмарь от потепленья,
На лапах елей снег сырой.
И тишина, и нет движенья,
На время замер мир ночной.
Неужто Сириус веселый
Не одолеет нынче хмарь?
Из чума снежного на волю
Не вскинется к нему глухарь?» –*

автор наделяет звезду человеческими, даже богатырскими качествами и призывает ее одолеть хмарь, т. е. пелену туч, мглу, застывшую небо. Зачастую мгла, тьма обозначает что-то недоброе, мрачное, устрашающее. Не зря же есть поговорка «сгустились тучи», т. е. нависла какая-то опасность, угроза. Именно поэтому отважная звезда Сириус отправляется на борьбу против тьмы, а автор не сомневается в победе света и добра над тьмой и злом. Глухарь же является символом свободы, духовных исканий, а также способности преодолевать различные преграды. Он символизирует стремление вверх, к лучшему будущему. Тем самым автор подчеркивает, что на помощь Сириусу придет глухарь, и вместе они легко одолеют все невзгоды, и тогда наступит настоящее счастье. Нам кажется, что эта метафора также символизирует человеческие отношения. Не все в жизни бывает гладко, и нередко возникают недопонимания и трудности. Но самое главное – держаться друг за друга и вместе преодолевать все препятствия, ведь за любовь нередко приходится бороться. Она дается как награда за стойкость в жизненных передрягах и верность друг другу.

Оценочная метафора необходима для того, чтобы выразить авторское отношение к какому-либо явлению или поведению человека, подробно обрисовать предметы, явления или

внешность героев [3, с. 11]. Авторская оценка может выражаться в обличении людских пороков или же использоваться с целью похвалы и восхищения кем-либо. Благодаря оценочной метафоре поэт может иронизировать, поощрять своих героев, высмеивать их поступки, осуждать и гневаться, плакать и радоваться. Оценочная функция необходима, т. к. с ее помощью автор призывает людей одуматься, взглянуть на себя со стороны, исправиться, не делать так, как делает герой произведения, или, наоборот, следовать его примеру, чтобы стать лучше. Такая метафора также может выражаться с помощью экспрессивно-оценочных слов и выражений. Более подробно оценочную метафору и ее функциональную нагрузку рассмотрим на примерах из поэтических текстов сборника Андрея Тарханова «Буранная Россия».

Оценочная метафора «А люди спят, и спят глубоко. Проснитесь же скорей, скорей!» из стихотворения «Твой лик, природа, сердцу ясен»:

*«Беда у каждого порога
Стоит, минуты ждет своей.
А люди спят, и спят глубоко.
Проснитесь же скорей, скорей!» –*

относится к людям, продавшим свою совесть, спящим глубоким сном, т. е. находящимся в расслаблении, беззаботности. Они предались праздности и греху и не замечают, что на пороге стоит беда и лишь поджидает своей минуты, чтобы погубить их души. Автор призывает людей проснуться от сна греховного, пока не поздно и начать жить по совести.

В этом же стихотворении есть еще одна оценочная метафора:

*«И ради собственного блага
Они святыни продают.
И совесть – рыцарскую шпагу –
С высоких кресел продают».*

Автор называет совесть рыцарской шпагой, т. е. доблестным орудием против зла и пороков, но с тоской замечает, что ради «собственного блага» люди продают свою совесть, продают оружие, которое могло бы их защитить в нужный момент, и сами остаются безоружными, беззащитными и подвластными дурному влиянию со стороны.

Ряд оценочных метафор встречаем в стихотворении «Позднее прозрение»:

*«Кричали: «Все на свете – братья!
Что нам делить?! Пора дружить!»
И раскрывали мы объятья
И тайники своей души.
И вот тогда они всадили
Нам в спину сразу два ножа:*

*Героев наших очернили,
И в думах съежилась душа;
Закрыли будущее ширмой
Из обещаний и надежд.
Мы торгашами стали в фирмах,
Мы стали слугами невежд».*

Благодаря метафоре «раскрывали мы объятья» автор показывает наивность, открытость и доверие русского народа. Метафора «всадить нож в спину» означает предательство, обман, гибель. По словарю фразеологизмов, *нож в спину* – это коварное предательство, предательский поступок по отношению к кому-либо [4]. Удар в спину – самый подлый удар. Своей развернутой метафорой автор показывает, насколько жестоко поступили враги с русским народом, «всадив в спину сразу два ножа». Они очернили наших героев, придумали своих, пообещали великое будущее и, дождавшись, когда мы им поверим, погубили наш народ. Тарханов с сокрушением отзывается о том, что могучий русский народ стал «слугой

невежд», что великие умы стали подчиняться глупым и необразованным людям, которые вздумали вершить историю нашей страны так, как им это заблагорассудится, не считаясь ни с чьим мнением.

Номинативная метафора призвана называть уже существующий предмет или какое-либо явление новым, еще не использованным в речи словом или словосочетанием. В этом кроется новизна и уникальность данных метафор в произведениях автора. В поэзии Тарханова нам встретилось всего две яркие номинативные метафоры. Рассмотрим их более подробно на примерах:

*«Люблю я Невский, словно море,
Люблю, как Обь, в родном просторе.
Ни на минуту не стихая,
Течет, бурлит река людская.
В ней все смятенья, муки века –
От пылкой страсти человека
И до его шального смеха».*
(«Сказанье о Невском проспекте»)

Скопление людей, толпу, сгустившуюся на Невском проспекте, автор необычно и оригинально называет «людской рекой», сравнивая поток людских судеб с потоком реки.

*«И пили мы в детстве доверье –
Лугов и полей молоко.
И было нам с мамою верной
Возвышенно и легко».*
(«На троне»)

Андрей Тарханов называет доверье «молоком лугов и полей» – это достаточно новая, оригинальная мысль. Впервые мы сталкиваемся с таким необычным именованием слова «доверие», привычного для человеческого слуха. Автор сопоставляет доверье с молоком лугов и полей, т. к. доверие – это что-то простое, бесхитростное, наивное, детское. А молоко – это и есть простая, бесхитростная пища, которой питаются младенцы и которую так любят дети.

Анализ поэтических текстов Андрея Тарханова показал, что выявленные метафорические единицы в большинстве своем несут декоративную функцию (61 %), нередко используется оценочная метафора (38 %), служащая для украшения речи; единичны и уникальны случаи употребления поэтом номинативных метафор (3 %), пояснительные метафоры не обнаружены.

Литература

1. Ар-Серги, В. В. Андрей Тарханов – поэт земли Югорской : эскизы к портрету : [интервью, беседы, письма, эссе] / В. Ар-Серги. – Ханты-Мансийск : Югра-экспресс, 2006. – 207 с. – ISBN 978-5-87247-480-7. – Текст : непосредственный.
2. Тарханов, А. С. Буранная Россия : [новые стихи, избранные стихи] / А. Тарханов. – Тюмень : Экспресс, 2015. – 240 с. – ISBN 978-5-903725-78-6. – Текст : непосредственный.
3. Савчук, И. П. Функционирование частей речи в текстах легенд / И. П. Савчук. – Текст : непосредственный // Вестник Югорского государственного университета. – 2016. – № 1 (40). – С. 9–15.
4. Федоров А. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. Федоров. – Москва : Астрель, 2008. – 880 с. – ISBN 978-5-17-049014-1. – Текст : непосредственный.
5. Классификация метафор (семантическая, структурная и функциональные классификации метафор). – Текст : электронный // Студенческая библиотека онлайн. – URL: https://studbooks.net/2097209/literatura/klassifikatsiya_metafor_semanticheskaya_strukturnaya_funktsionalnaya_klassifikatsii_metafor (дата обращения 05.04.2019).
6. Классификация метафор. – Текст : электронный // StudFiles. – URL: <https://studfiles.net/preview/2622793/page/4/> (дата обращения 05.04.2019).

Л. Т. Кротюк

КОНЦЕПТ «ФЕМИННОСТЬ» В ПЕРЕВОДНЫХ ТЕКСТАХ М. К. ВАГАТОВОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА ПЕСЕН «СЕРДЦЕ МАТЕРИ»)

В данной статье изучается лексика, используемая для описания образа женщины-ханты в социокультурном аспекте. Языковой материал анализируется для выявления критериев, составляющих концепт «феминность» у народа ханты.

Ключевые слова: гендерная лингвистика, концепт «феминность», гендерный стереотип.

THE CONCEPT OF "FEMININITY" IN TRANSLATED TEXTS BY M. K. VAGATOVA (BASED ON MATERIAL FROM THE COLLECTION OF SONGS "MOTHER'S HEART")

This article studies the vocabulary used to describe the image of a woman-Khanty in the sociocultural aspect. The language material is analyzed for compiling a gender stereotype of a woman, as a phenomenon that has not yet been fully studied.

Key words: gender linguistics, the concept of "femininity", gender stereotype.

---

*Кротюк Людмила Тарасовна,
магистрант кафедры русского языка и литературы
Гуманитарного института североведения
Югорского государственного университета
E-mail: lyudmila.krotyuk@mail.ru*

Начиная с XIX века все научные исследования ориентированы на общество и его запросы. Направленность на антропоцентризм становится двигателем прогресса во всех областях, включая лингвистику. В основе современного антропоцентризма лежат идеи В. Гумбольдта о том, что язык – это зеркало культуры, отражающее интуиции и миропредставления [8, с. 75]. В 60-е годы вводится такое понятие, как «гендер». Гендер – это социальный конструктор, который диктует правила взаимодействия мужчины и женщины в социуме. Термин «гендер», заимствованный из лингвистики (gender – род (англ.)), используется для обозначения культурных характеристик мужчин и женщин в отличие от пола – совокупности биологических характеристик – генетических, физиологических и репродуктивных [5, с. 55]. Понятие «гендер» отражает и сам процесс, и результат внедрения индивида в социально-культурную модель мужественности и женственности, которая принята обществом в данный момент времени, на данном историческом этапе развития. Исследованием понятия «гендер» занимался Е. П. Ильин, он четко разграничил два понятия – «гендер» и «пол», из более современных авторов представлены труды А. В. Кирилиной, Е. С. Прудниковой, В. Б. Поповской и других исследователей, которые занимались изучением перспективного направления гендерологии – лингвистической гендерологии, а также гендерных стереотипов. Актуальное и малоизученное в данный момент направление берет свое начало с 80-х годов XX века и развивается благодаря феминистской лингвистике, которая обратила внимание общества на некомпетентность половых различий в текстах, на ущемление прав женщин и «превозношение» мужчин [7, с. 138]. Гендерная лингвистика считается междисциплинарной наукой, ведь невозможно изучать проявление мужественности и женственности в языке, не опираясь на культурные, социальные факторы, на саму языковую личность. Важно учитывать, что в гендерной лингвистике мы опираемся на социальные факторы, на общественное сознание, а значит, необходимо ввести понятие «гендерные стереотипы». Данные стереотипы присущи всем адаптированным к социуму индивидам, они представляют собой схематичные устойчивые образы мужчин и женщин, основанные на сексизме, гендерных предубеждениях, а не на рациональном сознании. Стереотипы – достаточно динамичное явление, требующее изучения в зависимости от масштаба изменений в сознании общества. Под гендерными стереотипами в лингвистике понимаются культурно и со-

циально обусловленные мнения и пресуппозиции о качествах, атрибутах и нормах поведения мужчин и женщин и их отражение в языке [6, с. 32]. Гендерные стереотипы включают в себя концепты «феминность», «маскулинность» – это социокультурные конструкты поведения мужчин и женщин, которые изменяются в зависимости от контекста культуры и истории. Концепты «феминность» и «маскулинность» присутствуют в каждой культуре, им отводится существенное место в так называемой «наивной культуре мира» [6, с. 36]. Но культуры отличны, и в концепты «маскулинность» и «феминность» могут входить разные понятия о поведенческих стереотипах в той или иной социокультурной среде, т. е. стереотипы зависят от географии и культуры. Так, для Российской Федерации до сих пор актуальна некая патриархальная модель с центром «мужчины-добытчика и защитника семьи» и ролью женщины – «феи домашнего очага» [4, с. 33]. Данным вопросом занимается множество современных исследователей, например, Х. Э. Солтанахматовна изучила репрезентацию гендерных стереотипов в татарском языке, Е. С. [10] Ивашова рассмотрела образы женщин-политиков в англоязычной прессе [3], Л. Б. Гацалова заинтересовалась отражением гендерных стереотипов в художественном дискурсе осетинского языка [2], другие исследователи также активно принимают участие в развитии гендерологии.

Мы берем на рассмотрение актуальную концепцию «феминность» в авторском тексте представителя малочисленных народов Севера – Марии Кузьминичны Вагатовой. Под влиянием инновационных технологий и межкультурных связей народ утрачивает свое исконно национальное богатство – язык, формы его выражения, семантику, соответственно, утрачивается и знание о гендерных стереотипах данного народа. Автор сборника песен – носитель языка и традиций народа ханты. Мария Кузьминична Вагатова является билингом, что важно при переводе текстов. Анализ проводится на русскоязычном тексте, но такой анализ будет оправдан, так как переводчиком текстов выступает сам автор, поэтому результаты исследования не подвергнутся существенным искажениям по семантическим, структурным и другим критериям. На текстах Вагатовой практически не проводились исследования, поэтому результаты нашей работы могут внести дополнения в концепт «феминность» в представлении народа ханты.

В своем исследовании мы опирались на труды Е. С. Прудниковой, на представленные ею варианты критериев для анализа гендерного стереотипа. По мнению исследователя, стереотипный образ оценивается по трем параметрам (семантические зоны): внешность, умственные способности, характер и поведение, социальное взаимодействие (внутри и за пределами семьи) [9, с. 7].

В результате анализа произведения «Сердце матери» [1] для категории «внешность» были отобраны слова и словосочетания:

И красива, очень приятно и мужественно оно (лицо), я выгляжу красивой, сильной и умелой, красивыми руками.

Очень мало лексики, подходящей под категорию «внешность», частотно употребление абстрактного образа «красивая» (*красивыми руками, я красива*).

Чтобы описать внешность женщины-ханты, часто используется описание не внешних данных, а одежды, которая на ней и зачастую определяет ее социальное положение и готовность к семейной жизни (белый сах с узорами; платье, расшитое узорами и бисером) или отсутствие одежды (если... ты снимешь). Женщины в нарядах или без них сравниваются с природой, природными явлениями. Надо отметить, что женщина без платья сравнивается с ягодой (*спелая розово-красная морошка, красно-желтого цвета морошка*). Наличие определенного убранства на женщине является показателем красоты, того, как она может украшать себя: *в теплом образе куклы нарядной – видят в бисере и украшениях меня*. В итоге категория «внешность» в концепте «феминность» нашла свое отражение не в лексемах, касающихся частей тела и других элементов внешности, а в убранстве женщины.

Для категории «умственные способности» слов и словосочетаний не найдено, за исключением одного предложения: *Это я не говорила, не могла до седины...*, что свидетельствует о том, что для женщины-ханты важны не столько умственные способности, сколько мудрость, приходящая с годами.

Самой наполненной является категория «Характер и поведение».

Для данной категории были отобраны слова и словосочетания:

И горда я; и смеюсь я, как ребенок; где олени шли гурьбою, следом снежной целиною я лечу; у людей зима, а мне все весна; я пела, танцевала; как шила, расшивала, била белку, мяла кожи; и богам молилась, что же, у кого просить участия; велел обычай; лишних слов я не сказала, лжи рассказ не знает мой; где силы не хватает – хитрость в ход пуцу, где ума не хватает – ловкость в ход пуцу; семь соров обойду, семь болот объеду; жизнью битая, все ж не живу я обидой; все я вынесу; бьется, как у ребенка, сердце мое; с детской жадностью мир этот росный вбираю; сажусь – где исстари сижу; женщина из Осьоланг пою, женщина из Осьоланг говорю; когда человек издалека приезжает... пусть гостя встречает; горячее сердце, крылатое сердце; сердечность; никогда никого не обижу; нежность; дарит силушку бессечно; надежность; медленно; спокойно; степенно.

Исходя из значений подобранных слов можно выявить такие стереотипы характера и поведения, как гордая, любящая свободу и простор, открытая, трудолюбивая, приверженица традиций, верующая в богов, упертая, терпеливая, выносливая, жаждущая жизни, любит петь и танцевать, гостеприимная, сердечная, безобидная, раздающая себя, надежная, степенная, добрая, спокойная, всепрощающая.

Рассматривая данные стереотипы, необходимо ориентироваться на социальную функцию женщины-ханты. Например, если она мать, то она надежная, спокойная, раздающая себя, терпеливая, смиренная... Если она имеет другую социальную роль, то и стереотипы будут другими.

Замечено, что женщина-ханты сравнивает свое поведение и черты характера с поведением ребенка: и смеюсь я, как ребенок, бьется, как у ребенка, сердце мое, с детской жадностью мир этот росный вбираю. Это не говорит о ее наивности, это говорит о ее подлинной радости, искренности, неподдельном желании жить и любить жизнь.

Также отметим, что в образе женщины существуют и противоречия, зависящие от ситуации: она говорит правду (правдолюбивая): лишних слов я не сказала, лжи рассказ не знает мой, но при этом хитра, как лисица: подобная длиннохвостой лисице, где силы не хватает – хитрость в ход пуцу.

Для категории «Социальное взаимодействие» подобран языковой материал:

Как любила я наш веселый чум; я про первую жизнь вспоминать хочу; руки мне связали, ноги, в юрту мужа повезли; юная хозяйка; не забыть мне боли этой, как не знать тебе о ней; это я вила им гнезда, мое сердце грело их; я с землею мансийскою, что б ни случилось, так впиталась она в меня! сноху – женщину из юрты, оставлю за себя, все ей передам; меня дедовский дар напоил; матери старанья собраны тобою, и твои ручонки жизнь мою держали; мать, все тепло собравши, нежность кровную несет нам; материнскими сердцами все на свете бережется; домом, в котором я с ними жила, дорожила и берегла.

Исходя из отобранного материала, существует несколько социальных ролей у женщины-ханты, на данных примерах видно, как проявляются социальные роли: девушки (до замужества): как любила я наш веселый чум, как я пела, танцевала, я про первую жизнь вспоминать хочу, юная хозяйка; жены: руки мне связали, ноги, в юрту мужа повезли, велел обычай мучиться, не забыть мне боли этой, как не знать тебе о ней (терпение в замужестве), это я вила им гнезда, мое сердце грело их (взаимоотношения с мужем); матери: матери старанья собраны тобою, и твои ручонки жизнь мою держали; мать, все тепло собравши, нежность кровную несет нам; материнскими сердцами все на свете бережется; бабушки: лицо скрывала, внученька, велел обычай мучиться, так мы прежде жили.

Общее отношение к семье отражает фраза: домом, в котором я с ними жила, дорожила и берегла.

Выявлена также гражданская позиция: я с землею мансийскою, что б ни случилось, так впиталась она в меня! Меня дедовский дар напоил (выражение благодарности за рождение на хантыйской земле), и не знаю я вольней Тундры – родины моей! Женщина-ханты – патриот.

После проделанного анализа можно сделать вывод, что в исследуемом тексте концепт «феминность» проявляется в трех категориях из представленных четырех. Это категории «Внешность» (в наименьшей степени), «Характер и поведение» (проявился в большей степени), «Социальное взаимодействие в семье и за ее пределами» (проявился достаточно, для определения ключевых социальных ролей). Категория «Характер и поведение» играет ключевую роль, что свидетельствует о сохранении традиций народа по отношению к поведенческому стереотипу женщины.

Литература

1. Вагатова, М. К. Сердце поет : сборник песен / М. К. Вагатова. – Ханты-Мансийск : Принт-Класс, 2011. – 279 с. – ISBN 978-5-4289-0031-6. – Текст : непосредственный.
2. Гацалова, Л. Б. Отражение гендерных стереотипов в художественном дискурсе (на материале осетинского языка) / Л. Б. Гацалова. – Текст : непосредственный // Вестник науки и образования: филологические науки. – 2016. – № 12 (24). – С. 57–59.
3. Ивашова, Е. С. Образ женщины-политика в англоязычной прессе: языковая репрезентация гендерных стереотипов / Е. С. Ивашова. – Текст : непосредственный // Вестник МГИМО. – 2011. – № 5. – С. 214–218.
4. Карабулатова, И. С. Трансформационная эволюция гендера в современном рекламном дискурсе как проявление «Окна Овертона» / И. С. Карабулатова, И. П. Савчук. – Текст : непосредственный // Известия Байкальского государственного университета. – 2019. – № – С. 23–33.
5. Карабулатова, И. С. Информационно-маркетинговая война в современном рекламном дискурсе: трансформация гендерных стереотипов / И. С. Карабулатова, И. П. Савчук. – Текст : непосредственный // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2019. – № 1/2. – С. 51–65.
6. Кирилина, А. В. Гендер: лингвистические аспекты / А. В. Кирилина. – Москва : Ин-т социологии РАН, 1999. – 189 с. – ISBN 5-89697-42-0. – Текст : непосредственный.
7. Кирова, А. Г. Развитие гендерных исследований в лингвистике / А. Г. Кирова. – Текст : непосредственный // Вестник ТГПУ. – 2009. – Вып.8 (86) – С. 138.
8. Поповская, В. Б. Гендерный стереотип: особенности формирования в языке и речи : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.19 / В. Б. Поповская. – Краснодар, 2007. – 214 с. – Текст : непосредственный.
9. Прудникова, Е. С. Семантическая структура гендерных стереотипных образов «женщина» и «мужчина» в сопоставительном аспекте (на материале русского языка) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. С. Прудникова. – Томск, 2013. – 18 с. – Текст : непосредственный.
10. Солтанахматовна, Х. Э. Репрезентация гендерных стереотипов в татарском языке (на материале паремий и авторских афоризмов) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.02 / Х. Э. Солтанахматовна. – Казань, 2012. – 24 с. – Текст : непосредственный.

Статья является подготовительным материалом к будущей экспедиции в сельское поселение Угут, экспедиция поддержана грантом «Специфика звукового строя сургутского диалекта хантыйского языка» 19-012-00388.

П. И. Ли

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА ЮГАНСКИХ ХАНТОВ

Проблемы, стоящие перед исследователем хантыйского языка, – разнообразие диалектных классификаций и неясная территориальная принадлежность языковых материалов в работах предшественников. В статье представлен обзор лингвистической и частично этнографической литературы по языку юганских хантов, где особое внимание уделено диалектной принадлежности языковых материалов с пометой «юганские», приводятся сведения о территориальной принадлежности «юганских» материалов в трудах.

Ключевые слова: река Большой Юган, река Малый Юган, юганский говор, сургутский диалект хантыйского языка, восточно-хантыйские диалекты, словари хантыйского языка.

THE HISTORY OF STUDYING THE LANGUAGE OF THE UGAN HUNTS

Some problems a Khanty language scholar faces while working with scientific literature on Khanty language are 1) a vast variety of dialect classifications and 2) differences in defining the territories where the dialect materials were gathered. This article presents an overview of linguistic and sometimes ethnographical literature on Yugan Khanty, where the focus is set on defining the dialect and the territorial characteristics of the materials marked «Jugan» in existing works.

Key words: Bolshoy Yugan river, Malyi Yugan river, Yugan Khanty idiom, Surgut Khanty dialect, Eastern Khanty dialects, dictionaries of Khanty language.

---

*Ли Полина Игоревна,
магистрант, лаборант-исследователь
Института филологии СО РАН (сектор языков народов Сибири)
Новосибирского государственного университета
E-mail: polina.li.14@mail.ru*

Юганские ханты проживают по берегам притока Оби – Большого Югана и основным притокам Большого Югана – Малого Югана и Негус-ях [11, с. 3]. В административном отношении места их проживания в основном относятся к Угутскому сельскому поселению Сургутского района Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области [15]. Сейчас, по официальным данным администрации сельского поселения Угут на 31 декабря 2018 года, в муниципальном образовании проживают 2919 человек, 1080 из которых – ханты, также проживает 21 ненец и 10 представителей народа манси [16].

Идиом юганских хантов относится к сургутскому, восточному диалекту хантыйского языка [20, с. 302], однако деление на подгруппы различно. Например, в «Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache» («Диалектологический и этимологический словарь хантыйского языка») [9] малоюганский и юганский входят в систему говоров сургутского диалекта, при этом В. Штейниц использует существующие словари хантыйского языка, что затрудняет определение места записи. С пометой «Mj.» в словаре приводится материал диалекта с реки Малый Юган, источник – «Ostjakisches Wörterbuch» («Остяцкий словарь») [3]. Сведения о месте записи малы, известно, что К. Ф. Карьялайнен собирал материал рядом с р. Тромъеган [3, с. 15]. Небольшой словарный материал помещается в формате in octavo [там же]. С пометой «J» представлены слова диалекта с реки Большой Юган из материалов экспедиции Х. Паасонена,

«Ostjakisches Wörterbuch nach den Dialekten an der Konda und am Jugan» («Остяцкий словарь диалектов Конды и Югана») [4] – переиздание словаря с транскрипцией К. Доннера. Х. Паасонен собирал материал на Югане («южный приток Оби, Сургутский район») в течение двух месяцев из восьми [4, с. 7–11], его материалы представляют большой интерес, так как К. Ф. Карьялайнен «совсем не изучал юганский диалект» [там же].

Кроме того, в словаре В. Штейница собраны материалы Н. И. Терешкина по сургутскому диалекту с пометой «SurT.», в них входят материалы говоров: аганского, юганского, пимского, тромьёганского [9, с. 1678]. В «Словаре восточно-хантыйских диалектов» Н. И. Терешкина [19] в сургутское наречие входит группа говоров юганских хантов, подразделяющаяся на усть-юганский и юганский говоры. Место сбора не указывается, в «Словаре восточно-хантыйских диалектов» приводится только год сбора: «В 1950 году сбор материала проводился среди аганских и тром-юганских хантов, в 1952-м – среди юганских хантов, в 1958-м – среди усть-аганских и усть-юганских хантов» [19, с. 5].

В учебном пособии по диалектологии хантыйского языка «Диалекты хантыйского языка» [18, с. 10] к юганскому говору относятся подговоры верхнеюганский (тайлаковский) и усть-юганский.

В описательной грамматике сургутского диалекта «Сургутский диалект хантыйского языка» [22] выделяется также два подговора – большеюганский (бассейн рек Большой Юган, Демьянки и верховье реки Салым), малоюганский (бассейн реки Малый Юган). Таким образом, исследователи сходятся во мнении, что в говор юганских хантов входит два подговора.

Первые экспедиции к местам проживания юганских хантов, в ходе которых исследователям удалось собрать языковой материал, по данным М. Чепреги, состоялись во второй половине XIX века. В представленной таблице не указываются общие труды по сургутскому диалекту хантыйского языка и экспедиции в районах распространения других говоров сургутского диалекта – реки Тромьеган, Аган, Пим.

Таблица – Экспедиции к юганским хантам и созданные труды [22, с. 17–24]

Исследователи	Время экспедиции	Труды	Содержание трудов и их особенности
К. Папай, Б. Мункачи	1888	«Déli osztják szójegyzék» («Словарь южно-остяцкого наречия») [8]	Названия предметов быта, мифологическая терминология. Первые слова с пометами «сургутский», «юганский»
Я. Янко	1898	Дневник, словарный материал [2]	Антропологические, этнографические, археологические сведения о юганских хантах
У. Т. Сирелиус	1898–1899	Дневники двух экспедиций, дополнены немецко-хантыйским словарем [17]	В первом дневнике материалы по ваховскому и васюганскому диалекту, сведения по юганскому говору и сургутскому диалекту вообще – во втором дневнике (не опубликован)
Х. Паасонен	1900–1901	«Ostjakisches Wörterbuch nach den Dialekten an der Konda und am Jugan» («Остяцкий словарь диалектов Конды и Югана») [4], «Ostjakische grammatikalische Aufzeichnungen nach den Dialekten an der Konda und am Jugan» («Грамматический очерк остяцкого языка на материале диалекта Конды и Югана») [5], «Surgutostjakische Textsammlungen am Jugan» [6]	Словарь кондинского и юганского диалекта, краткий грамматический очерк кондинского и юганского диалекта. В сборнике сказок четыре юганские сказки, записанные в Сургуте

Н. И. Терёшкин	1958	«Словарь восточно-хантыйских диалектов» [19]	Словарь с пометами диалектов, говоров, подговоров, сбор материала почти по всему ареалу проживания восточных хантов
Э. Вигет, О. Балалаева	1994, 1995, 2010	«Khanty, People of the Taiga: Surviving the 20 th Century» [10] «Нефть, маргинализация и восточные ханты» [12]	Этнографические сведения о юганских хантах

Нельзя не отметить труды П. С. Бахлыкова, посвящённые истории и культуре юганских хантов [11].

Новейшие грамматические описания юганского говора входят в состав описаний сургутского диалекта хантыйского языка. Некоторые сведения, в частности по фонетике юганского говора сургутского диалекта, приводятся в «Хантыйском языке» [20]. Раздел в «Языках мира» посвящен в основном тромьеганскому говору, но приводятся примеры с пометой «юг.» из юганского говора: «ü имеется только в юганском диалекте», «палатовелярная гармония гласных характерна для тромьеганского, частично для юганского (в нем нет *i*, *e*, *ê*) говоров» и др. Восточным диалектам хантыйского языка посвящено большое экспедиционное исследование, А. Ю. Фильченко например [1]. Материал юганского диалекта представлен с пометой «Yugan» [1, с. 17]. В «Сургутском диалекте хантыйского языка» М. Чепреги [22] дифференциации грамматического и иллюстративного материала по говорам не всегда производится, однако используется материал «Сказок и рассказов сургутских ханты: фольклорный сборник» [21, с. 2], куда вошли сказки, собранные на берегах рек Тромьеган, Аган и Большой Юган.

В рамках проекта «Lingvodoc» был записан и обработан аудиословарь на 211 звуковых единиц от носительницы юганского диалекта на стойбище близ Салыма [14]. В рамках того же проекта были сделаны грамматическая разметка сказок и перевод на русский язык двух сказок из «Surgutostjakische Textsammlungen am Jugan» («Сборник сургутских остяцких текстов с Югана») [6].

Таким образом, юганский говор сургутского диалекта представлен в научной литературе в рамках сургутского диалекта хантыйского языка, отдельные труды, посвященные изучению говоров юганских хантов, редки и относятся к концу XIX и началу XX века. С появлением современных средств записи и обработки языкового материала интерес к небольшим идиомам хантыйского языка возвращается.

Литература

1. Filchenko, A. Yu. Aspects of the Grammar of Eastern Khanty / A. Yu. Filchenko. – Tomsk : TSPU-Press, 2010. – 551 p. – ISBN 9785894283159. – Text : direct.
2. Jankó, J. Utazás Osztyákföldre. Bevezetővel ellátta, szövegét gondozta ifj. Kodolányi János / J. Jankó. – Budapest : Néprajzi Múzeum, 2000. – 400 p. – Szöveg : közvetlen.
3. Karjalainen, K. F., Ostjakisches Wörterbuch. Lexica Societatis Fenno-Ugricae / K. F. Karjalainen, Y. H. Toivonen. – Helsinki, 1948. – X/I–II. – 1199 p. – Text : direct.
4. Paasonen, H. Ostjakisches Wörterbuch nach den Dialekten an der Konda und am Jugan. Lexica Societatis Fenno-Ugricae / H. Paasonen, K. Donner. – Helsingfors, 1926. – 334 p. – Text : direct.
5. Paasonen, H. Ostjakische grammatikalische Aufzeichnungen nach den Dialekten an der Konda und am Jugan / H. Paasonen, E. Vértes. – Text : direct // Journal de la Société Finno-Ougrienne 66. Helsinki, 1963. – S. 96.
6. Paasonen, H., Surgutostjakische Textsammlungen am Jugan / H. Paasonen, E. Vértes. – Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 2001. – 111 p. – ISBN 952-5150-58-5. – Text : direct.
7. Pápai, K. Déli osztják szójegyzék. Nyelvtudományi Közlemények / K. Pápai, B. Munkácsi. – Szöveg : közvetlen // Ugor Füzetek. – 1896. – № 12. – pp. 9–66.
8. Steinitz, W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache : 1–14 / W. Steinitz. – Berlin : Akademie Verlag, 1967–1991. – 2023 p. – Text : direct.

9. Wiget, A. Khanty : People of the Taiga : Surviving the Twentieth Century / A. Wiget, O. Balalaeva. – Fairbanks : University of Alaska Press, 2011. – 398 p. – ISBN 9781602231245. – Text : direct.
10. Бахлыков, П. С. Юганские ханты: история, быт и культура / П. С. Бахлыков. – Тюмень: СофтДизайн, 1996. – 207 с. – ISBN 5-88709-046-4. – Текст : непосредственный.
11. Вигет, Э. Нефть, маргинализация и восточные ханты / Э. Вигет, О. Балалаева // Сибирские исторические исследования. – 2014. – № 4. – С. 38–72.
12. Деревня из семи домов. Птичка и его сестра. – Текст : электронный // Lingvodoc 3.0. – URL: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/743/10734/perspective/743/10737/view> (дата обращения: 13.05.2019).
13. Кашкин Е. В. Dictionary of Yugan Surgut dialect of Khanty language / Е. В. Кашкин, М. К. Амелина. – Текст : электронный // Lingvodoc 3.0. – URL: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/662/9/perspective/662/10/view> (дата обращения: 13.05.2019).
14. Культурное наследие Югры : электронная антология : [сайт]. – URL: <http://hmao.kaisa.ru/> (дата обращения: 13.05.2019). – Текст : электронный.
15. Сведения о национальном составе на 31.12.2018. – Текст : электронный // Сельское поселение Угут : муниципальное образования. – URL: <http://угут-адм.рф/население/> (дата обращения 13.05.2019).
16. Сирелиус, У. Т. Путешествие к хантам / У. Т. Сирелиус ; пер. с нем. Н. В. Лукиной. – Томск, 2001. – 344 с. – ISBN 5-7511-1349-7. – Текст : непосредственный.
17. Соловар, В. Н. Диалекты хантыйского языка / В. Н. Соловар, Г. Л. Нахрачева, А. А. Шиянова. – Ханты-Мансийск, 2016. – 348 с. – Текст : непосредственный.
18. Терёшкин, Н. И. Словарь восточно-хантыйских диалектов / Н. И. Терёшкин. – Ленинград : Наука, 1981. – 544 с. – Текст : непосредственный.
19. Хонти, Л. Хантыйский язык / Л. Хонти. – Текст : непосредственный // Языки мира : уральские языки / под редакцией В. Н. Ярцевой. – Москва : Наука, 1993. – С. 300–319.
20. Чепреги М. (сост.) Сказки и рассказы сургутских ханты : фольклорный сборник / автор-составитель М. Чепреги ; перевод на русский язык: Т. А. Ефремова, А. С. Песикова. – Тюмень : Формат, 2015. – 118 с. – ISBN 978-5-9906863-4-2. – Текст : непосредственный.
21. Чепреги, М. Сургутский диалект хантыйского языка / М. Чепреги ; под редакцией Н. Б. Кошкаревой ; редактор хантыйского текста А. С. Песикова ; перевод на русский язык Т. А. Ефремова. – Ханты-Мансийск : Печатный мир, 2017. – 275 с. – ISBN 978-5-6040448-0-3. – Текст : непосредственный.

МУЛЬТИЛИНГВИЗМ И МЕНТАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАРОДОВ ЮГРЫ В XVII-XIX ВЕКАХ В ИССЛЕДОВАНИЯХ УЧЕНЫХ ИЗ БЕЛАРУСИ

В статье рассмотрены исторические факторы, повлиявшие на миграцию населения Беларуси в регион Сибири. Показаны причины активного участия ученых белорусского происхождения в изучении природы и культуры Русского Севера. Ученые исследовали огромную страну в центре Сибири.

Ключевые слова: Беларусь, Сибирь, Фелинская, Дунин-Горкавич, ханты, манси, наука, география, культура.

MULTILINGUISTICS AND MENTAL FEATURES OF THE PEOPLES OF UGRA IN THE XVII-XIX CENTURIES IN RESEARCHES BY SCIENTISTS FROM BELARUS

The article considers the historical factors that influenced the migration of the population of Belarus to the region of Siberia. The reasons for the active participation of scientists of Belarusian origin in the study of the nature and culture of the Russian North are shown. Scientists have explored a huge country in the center of Siberia.

Keywords: Belarus, Siberia, Felinskaya, Dunin-Gorkavich, Khanty, Mansi, science, geography, culture.

---

*Лойко Александр Иванович,
доктор философских наук, заведующий кафедрой философских учений
Белорусского национального технического университета
E-mail: alexander.loiko@tut.by*

*Лойко Лариса Егоровна,
кандидат философских наук, доцент кафедры философии и идеологической работы
учреждения образования «Академия МВД Республики Беларусь»
E-mail: larisa.loiko@tut.by*

Исследователи особенностей культуры Югры из Беларуси были мотивированы интересом к истории и культуре местных народов. Первым стал Адам Каминский-Длужик. В 1660 г. во время войны Речи Посполитой и Московского государства он попал в плен в районе города Могилева и отправлен в Москву. С 1661 г. ему было предписано проживание в городе Тобольске.

Значительную часть времени А. Каминский-Длужик посвятил изучению и описанию коренных народов Сибири. Он стал свидетелем завершения важных процессов формирования крупного табунного оленеводства. Носителями этой культуры были тундровые ненцы. Они вели мобильный территориальный образ жизни, который предполагал активные контакты на межкультурной основе. В XVII столетии в составе тундровых ненцев на основе ханты сформировались роды, которые стали играть важную роль в распространении их влияния в восточном направлении.

Крупное табунное оленеводство объединило тундровых ненцев не только с ханты, но и с коми в низовьях Печоры. При активном хозяйственном взаимопроникновении тундровые ненцы и ханты сохраняли языковые особенности, поскольку представляли разные языковые семейства. Языком-посредником стал русский язык. Различия сохранялись и в ментальных проявлениях мировосприятия, особенностях быта. А. Каминский-Длужик изложил свои наблюдения о местных народах Сибири в специальном сочинении, которое стало предметом анализа современных этнографов [7]. В сочинении было дано описание манси. В XVIII в. в Западной Сибири оказался Людвик Сеницкий. Написанная им книга содержит описание ханты [9].

В XIX столетии еще одной исследовательницей народов Югры стала ссыльная поселенка Ева Фелинская. Она родилась в деревне Узнога Слуцкого уезда Минской губернии в семье

Вендорффов [3]. Ее родители происходили из этнических немцев. Девушка воспитывалась в атмосфере межкультурного диалога. В 1811 г. она вышла замуж за Г. Фелинского, который вскоре умер. Роман с Ш. Конарским привел ее к участию в демократических организациях. Последовал арест и ссылка в 1838 г. в Тобольскую губернию [2].

Находясь в Березове Тобольской губернии, Е. Фелинская основную часть времени посвятила изучению этнографических особенностей местных народов. В «Воспоминаниях о путешествии в Сибирь и пребывании в Березове» она описала особенности материальной жизни живших по соседству ненцев и ханты. Общей основой их жизни являлось оленеводство, которому Е. Фелинская уделила особое внимание. Кроме табунного оленеводства в поле ее зрения оказались охота на медведя и отношение местных охотников к этому лесному животному. Предметом описания стали также быт, одежда, особенности брака и семьи, институт шаманов. Исследовательница акцентировала и специфику взаимоотношений губернской администрации и малых народов.

Е. Фелинская отмечала различия между тундровым оленеводством и хозяйственной деятельностью на лесных территориях. В условиях тундры произошел этнокультурный контакт ненцев и ханты. Их связало тундровое оленеводство. Ненцы являются северным кочевым народом. Их традиционное занятие – оленеводство на полуострове Ямал. Кочевое жилище ненцев – чум. Ненцы делятся на тундровых и лесных. Первое упоминание о ненцах содержится в труде П.-М. де Ламартина «Путешествие в Северные Страны» (1671). Е. Фелинская значительно дополнила представления об этом народе. Ненецкий язык относится к самодийской группе уральской языковой семьи. Он состоит из двух диалектов.

Южные ханты во времена исследований Е. Фелинской проживали на берегах Иртыша. Они находились в активном межкультурном диалоге с русскими и татарами. Территории современных Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов заселяли ханты, пришедшие с юга в низовья Оби. Они называли себя «народом Оби» и занимались рыболовством, охотой, оленеводством. Духовная жизнь этих племен была основана на традициях шаманизма, а с принятием христианства – на православии.

В 1844 г. Е. Фелинская вернулась в пределы бывшей Речи Посполитой и начала активно публиковать собранные материалы – сначала в журнале «Athenaeum», а потом отдельными книгами [8]. Уроженец Беларуси К. Л. Ширма перевел их на английский язык. В Лондоне дневники выдержали три издания. Был осуществлен перевод и на датский язык.

Еще одним исследователем народов и природы Западной Сибири стал уроженец Слонимского уезда Гродненской губернии Беларуси А. А. Дунин-Горкавич [6]. Он родился в 1854 г. Образование получил в Гродно в классической гимназии и в училище, после окончания которого ему была присуждена квалификация техника-лесоведа и звание лесного кондуктора. Последовала практическая работа с лесом. Он служил в Царскосельском лесничестве, в лесах Самарской и Нижегородской губерний, Рязанщины. Работа прерывалась участием в русско-турецкой войне.

В 1890 г. А. А. Дунин-Горкавич был направлен в Сибирь, где возглавил Самаровское лесничество Тобольской губернии. Это назначение дало А. А. Дунину-Горкавичу возможность междисциплинарных исследований Западной Сибири в бассейне реки Оби. В сферу его интересов вошла лингвистическая тематика и фольклор коренного населения Югры, поскольку контакты с местным населением требовали анализа различий и общих черт в языковой коммуникации населения. Он сформулировал многие проблемы лесного хозяйства.

А. А. Дунин-Горкавич стал известным краеведом. Им пройдено пятьдесят тысяч километров. Под его руководством была составлена подробная карта огромного региона с особенностями природы и культуры местного населения [1]. Географические карты региона стали уникальным источником информации о населенных пунктах, рыболовецких угодьях, оленеводческих хозяйствах, водных путях. Они были высоко оценены Императорским Русским географическим обществом, которое наградило А. А. Дунина-Горкавича Малой золотой медалью.

Результаты исследований были изложены А. А. Дуниным-Горкавичем в фундаментальном научном труде «Тобольский Север». Он состоит из трех томов. Одно из центральных мест в нем занимает описание этнографических особенностей народов Югры [5]. Информационную основу для анализа этнографического материала составила перепись населения. А. А. Дунин-Горкавич был одним из активных участников проведения переписи населения в Сургутском округе. По итогам этой большой работы он был награжден Бронзовой медалью «За труды по первой всеобщей переписи населения в 1897 году».

А. А. Дунина-Горкавич собрал уникальный этнографический материал о культуре остяков (хантов), вогулов (манси), самоедов (ненцев), зырян (коми). Он владел языками ханты и ненцев. Это позволило ему осуществить уникальное издание в 1910 г. «Русско-остяцко-самоедского словаря» [4].

Всего А. А. Дуниным-Горкавичем написано около семидесяти научных работ по истории, географии, экономике, этнографии Северо-Западной Сибири. Их сопровождают картографические материалы, комплекты фотографий, рисунков и чертежей. Они хранятся в Тобольском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике. Научные труды не остались без внимания Императорского Русского географического общества. Их автор удостоен Большой серебряной медали имени Н. М. Пржевальского, награжден дипломами и почетными грамотами всероссийских сельскохозяйственных, торгово-промышленных и кустарно-промысловых выставок. Президиум Академии наук СССР зачислил А. А. Дунина-Горкавича в категорию ученых союзного значения и установил пожизненную персональную пенсию. Умер А. А. Дунин-Горкавич в Тобольске в 1927 г.

Таким образом, на протяжении нескольких столетий сформировалась традиция участия исследователей из Беларуси в изучении особенностей народов Югры. Эти исследования сформировали практическую основу для принятия решения о создании Ханты-Мансийского автономного округа в составе Российской Федерации.

Литература

1. Белобородов, В. К. Ученые и краеведы Югры : библиографический словарь / В. К. Белобородов, Т. В. Пуртова. – Тюмень : СофтДизайн, 1997. – 352 с. – Текст : непосредственный.
2. Билявская, В. С. Эйдос дороги в «мемуарах из жизни» Евы Фелинской / В. С. Билявская. – Текст : непосредственный // Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии : материалы Международной научной конференции. – Москва : Макс Пресс, 2013. – С. 37–39.
3. Бурдзялёва, І. А. Змена эпох ва «Успамінах жыцця» Евы Фялінскай / І. А. Бурдзялёва. – Текст : непосредственный // Куляшоўскія чытанні : материалы Международной научно-практической конференции, 27–28 апреля 2011 г. – Могилев : МГУ, 2011. – С. 40–43.
4. Дунин-Горкавич, А. А. Русско-остяцко самоедскій практическій словарь наиболее употребительныхъ словъ / А. А. Дунин-Горкавич. – Тобольскъ, 1910. – 58 с. – Текст : непосредственный.
5. Дунин-Горкавич, А. А. Тобольский Север : в 3 т. / А. А. Дунин-Горкавич. – Тобольск : Губернская типография, 1911. – Т. 3. – 280 с. – Текст : непосредственный.
6. Исследователь Севера А. А. Дунин-Горкавич / составитель Н. И. Загороднюк. – Москва : Галларт, 1995. – 192 с. – ISBN 5-269-00914-5. – Текст : непосредственный.

7. Полевой, Б. П. Забытый источник сведений по этнографии Сибири XVII в. О сочинении Адама Каменского-Длужика / Б. П. Полевой. – Текст : непосредственный // Советская этнография. – 1965 – № 5 – С. 122–129.

8. Felińska, Ewa. Wspomnienia z podróży do Syberji, pobytu w Berezowie i w Saradowie: Spisane przez Ewę Felińską: [польск.]. – Wilno : Nakładem i drukiem Józefa Zawadzkiego, 1852. – Vol. 2. – 299 p. – Brzmienie : bezpośredni.

9. Sienicki, L. Dokument osobliwego miłosierdzia Boskiego cudownie z Kalwinsiey sekty pewnego stuge y chwalcie swego do Kosciola Chrystusowego pociagaiacy zwspomnieniem o mniey znanych Moskiewskiego Panstwa krainach / L. Sienicki. – Wilna, 1754. – 396 p. – Brzmienie : bezpośredni.

ОСОБЕННОСТИ ДИСПЛЕЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ ЮГОРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

С момента активного развития информационного, технологического мира жизнь человечества кардинально изменилась. Тандем комфорта и технологий наложил свой отпечаток на, пожалуй, один из главных критериев существования человечества – язык. Много уже сказано о вреде, пагубном влиянии социальных сетей, интернета на язык, но действительно ли это так? Может, стоит принимать это явление как должное? Ведь невозможно крутить педали эволюции и не наблюдать при этом никаких изменений в повседневной речевой сфере. Другой вопрос, верную ли дорогу мы выбрали, действительно ли дисплейная коммуникация и прилегающие к ней социальные направления интернет-пространства пагубно отражаются на состоянии языка, способствуют падению культуры речи в современном обществе? Цель нашего исследования – изучение понятия «дисплейная коммуникация» как феномена современного общества в рамках разговорной и письменной речи в интернет-пространстве обучающихся Югорского государственного университета.

Ключевые слова: дисплейная коммуникация, дисплейный текст, культура речи, языковые нормы, речевой этикет, интернет, социальные сети, анкетирование, опрос.

FEATURES OF DISPLAY COMMUNICATION OF STUDENTS OF UGRA STATE UNIVERSITY

Since the active development of the information and technological world, the life of mankind has changed dramatically. The tandem of comfort and technology has left its mark on perhaps one of the main criteria for the existence of mankind – language. Much has already been said about the harm, harmful influence of social networks, the Internet on the language, but is it really so? Maybe we should take this phenomenon for granted? After all, it is impossible to turn the pedals of evolution and not observe any changes in the everyday, speech sphere. Another question is whether we have chosen the right path, whether display communication and the adjacent social directions of the Internet space have a detrimental effect on the state of language, contribute to the decline of the culture of speech in modern society? The purpose of our research is to study the concept of "display communication" as a phenomenon of modern society in the framework of spoken and written speech in the Internet space of students of Yugra State University.

Keywords: display communication, display text, speech culture, language norms, speech etiquette, Internet, social networks, questionnaire, survey.

---

*Манниева Алина Руслановна,
студентка 4 курса
Гуманитарного института североведения
Югорского государственного университета
E-mail: alinruss@yandex.ru*

Время, в которое мы живем, наполнено технологиями, способными максимально упростить жизнь человека и сделать её комфортной: роботизированная техника проводит сложнейшие операции, пылесосы размером с огромную таблетку убирают наши дома, а в кармане каждого второго жителя планеты сотовый телефон, открывающий бездонный мир, бесконечный источник информации. Книги, фильмы, музыка, научные труды и многое другое кроется в незримой для человека материи – в интернете. Это целая вселенная, находящаяся рядом с человеком 24 часа в сутки, существование без нее, кажется, уже невозможно.

С момента активного развития информационного, технологического мира жизнь человечества кардинально изменилась и больше никогда не будет прежней, так же, как не будет прежним и человек. Вся эта информационная революция не может не оставить следа на градации или деградации современного общества. Тандем комфорта и технологий наложил свой отпечаток на, пожалуй, один из главных критериев существования человечества – язык. Его

нормативная, грамматическая, синтаксическая... жизнь находится в руках технологий, ибо человек уже не в силах контролировать этот процесс. Несомненно, все эти технологические прорывы заметно улучшили нашу жизнь, но в бочке мёда всегда должна быть ложка дёгтя, и этой ложкой является изменение нормативного, грамматического, семантического и морфологического состава языка. Языковеды начинают бить тревогу: язык наполняется нескончаемыми заимствованиями без какой-либо адаптации, сокращениями, синтетически созданными словами и многим другим, что преподносит нам в красивой обертке интернет и социальные сети. По мнению большинства лингвистов, в области языка происходит некое «навязывание» социальными сетями современного лексикона, разрушающего так называемый пушкинский слог – чистоту, певучесть и всестороннюю грамотность, передающего носителя русского языка «грязной и холодной дисплейной коммуникации».

Несмотря на то, что феномен дисплейной коммуникации мало изучен и не имеет научных подтверждений, это не мешает ему активно преобразовать устный и письменный слог, привычный для нас. Много уже сказано о вреде, пагубном влиянии социальных сетей, интернета на язык, но действительно ли это так? Может, стоит принимать это явление как должное? Ведь невозможно крутить педали эволюции и не наблюдать при этом никаких изменений в повседневной речевой сфере. Другой вопрос, верную ли дорогу мы выбрали, действительно ли дисплейная коммуникация и прилегающие к ней социальные направления интернет-пространства пагубно отражаются на состоянии языка, способствуют падению культуры речи в современном обществе?

Целью нашей работы является изучение понятия «дисплейная коммуникация» как феномена современного общества в рамках разговорной и письменной речи в интернет-пространстве обучающихся Югорского государственного университета.

В настоящий момент в лингвистической литературе нет четкого представления о дисплейной коммуникации, известны лишь несколько научных статей, значителен вклад в этом вопросе советского и российского лингвиста-русиста, доктора филологических наук, профессора, члена-корреспондента, действительного члена и президента Академии педагогических наук СССР, инициатора создания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина, директора и первого ректора института, с 2001 года – президента ИРЯ им. А. С. Пушкина Виталия Григорьевича Костомарова и российского филолога, логопеда, нынешнего ректора Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина, члена Совета по русскому языку при Правительстве РФ, заслуженного деятеля науки РФ, лауреата премии Правительства РФ, доктора педагогических наук, профессора Маргариты Николаевны Русецкой.

В статье «Дисплейный текст как форма сетевого общения» В. Г. Костомаров [1] положительно отзываясь о появлении дисплейной коммуникации как прямого средства общения в социальных сетях. По его мнению, нынешняя техногенная эпоха подарила человеку невероятную тенденцию хранения информации более естественно, наглядно и красочно. Библиотеки стали хранилищем не только книг, но и карт, рисунков, фильмов, кассет; многие архивные записи оцифрованы, что заметно упрощает поиск нужной информации. Это положительное влияние технического и информационного прогресса. Мир фиксирует, хранит и воспроизводит информацию в виде живых актов общения, создавая систему иллюзий. Многие видят в этом угрозу существования книг и других бумажных носителей. Дети не хотят читать! Это проблема! В этом случае фиксируется отрицательное влияние дисплейной коммуникации. Несмотря на это, наряду с устной и письменной коммуникацией воцаряется и новая её форма – *сетевая*. В настоящее время вопрос об органичном существовании всех трёх сфер коммуникации есть один из самых актуальных в русской филологии.

В лингвистической литературе тексты сетевой сферы коммуникации именовались синтезирующими, синтезированными и даже синтетическими и искусственными, диффузными, крелизированными, экранными. Посчитав эти определения не очень удачными, исследователями решено было назвать их дисплейными. Дисплейные тексты – очевидное порождение массовой коммуникации, однако невозможно прямо и однозначно увязать их с ней. Сегодня то же техническое опосредование служит чатам, скайпу, аудиосообщениям, звонкам и СМС, в которых письмо в меньшей степени соблюдает существующую коммуникацию, которая властно ворвалась в повседневное групповое и межличностное общение, что особенно очевидно сейчас в блог-сфере. Разумеется, это сопрягается со сдвигами в функционировании и

даже в составе языка, которые пока, по словам М. Н. Русецкой, не только не исследуются, но просто не замечаются или с негодованием отвергаются [2; 3; 4].

Все указанное подтверждает актуальность и необходимость изучения интересующего нас вопроса как одного из самых острых в современном языковедении. Мы считаем, что недостаточное изучение понятия «дисплейная коммуникация» порождает ложную систему мнительных суждений об отрицательном влиянии социальных сетей и обильного общения в них на состояние языка молодежи и подростков как в повседневной жизни при устном общении, так и на письме при дисплейном онлайн-общении.

Окончательно ответить на вопрос о вреде социальных сетей по отношению к языку невозможно, не проведя ряд исследований. К сожалению, в данный момент таковых практически нет. Редким исключением являются материалы М. Н. Русецкой и В. Г. Костомарова, где выдвинуты гипотезы и предположительные мнения о положении, значимости и состоянии дисплейной коммуникации.

Важными аспектами изучения дисплейной коммуникации, по их мнению, являются:

1. Подробное и полноценное изучение определения «коммуникация» как основного составляющего всего понятия. Для этого стоит принять во внимание теоретические материалы, подкрепленные историческими сводками, определения, представленные в толковых словарях.

2. Дополнительное изучение понятия «дисплейная». История возникновения, цели, сфера использования и приспособление в языке.

3. Теоретические модели, схемы построения и функционирования коммуникации.

4. Изучение научных трудов деятелей русского языка, лингвистики в области социального общения, их биографии и научные разработки.

5. Проведение социологических опросов среди определенных социальных групп (студенты, школьники, работающая молодежь и т. д.).

6. Выдвижение собственных теорий и разработка научных материалов.

В первую очередь влиянию интернет-сообществ подвергается возрастная группа от 14 до 23 лет. Это школьники, студенты, работающая молодежь. Нередко на просторах интернета можно встретить такую ситуацию: оживлённое обсуждение какого-либо вопроса в комментариях так увлекает участников беседы, что в итоге некоторые пользователи совсем забывают о грамотном изложении своих мыслей. Указывающий на некоторые ошибки в составлении предложений может получить следующий ответ: «Я не в школе, чтобы писать грамотно». И подобных ситуаций миллионы. Почему же человек считает, что грамотность должна проявляться лишь в рамках школьной программы? С культурой общения примерно та же ситуация. Порой мы позволяем себе употребить «крепкое словцо», оно же трактуется в науке как obscene лексика (от лат. *obscenus* «непристойный, распутный, безнравственный»), непечатная брань, нецензурные выражения, ненормативная лексика, сквернословие. Зачастую подобное поведение сигнализирует о низком уровне словарного запаса, но, как утверждает большинство носителей языка, – это отличный способ выказать свое недовольство или восхищение в одном ёмком и неоднозначном слове.

Являются ли эти «языковые преступления» результатом отрицательного влияния интернет-пространства на человека и его отношение к нормам языка? Конечно, да. Но, наверное, не в той степени, чтобы всецело обвинять веянье социального прогресса в абсолютном игнорировании грамотности. В данном случае срабатывает совокупность факторов: это и воспитание, и отношение к грамотности и культуре языка внутри семьи и школы. С детства родители и учителя возвращают в детях идею о том, что если не будешь учиться, то потом пойдешь улицы подметать. Отсюда, на наш взгляд, в подсознании ребенка срабатывает некий ультиматум, следуя которому, он стремится доказать, что без соблюдения и знания норм языка сможет достичь хороших результатов, тем самым дав понять взрослым, что был прав. В итоге мы получаем человека, который, имея хорошую должность, не может составить заявление или достойно, в соответствии с нормами литературного языка, ответить собеседнику.

В целях подтверждения приведенных аргументов были проведены анкетирование и устный опрос обучающихся Югорского государственного университета (254 респондента: 155 женщин и 99 мужчин).

Исследование показало следующие результаты:

1. 65 % опрошенных недовольны общением в социальных сетях, где, по их словам, процветает ненормативная лексика, матерные слова, просторечия, сокращения и т. д. В целом, характеризуя свою дисплейную речь как «чистую» и «доступную пониманию окружающих», они отмечают, что своевременное использование ненормативных лексем должно быть минимальным и применяться только в особых случаях. 30 % опрошенных признают свои погрешности в использовании слов «низкого штиля», 20 % считают их использование вполне нормальным явлением, 10 % желают избавиться от неприятной привычки как в повседневном общении, так и в дисплейной коммуникации. 2 % респондентов видят большую угрозу для языка со стороны неологизмов, жаргонизмов, заимствований, «современных ремарок» и «слишком динамичного развития». 3 % не задумывались над данным вопросом.

2. Около 70 % респондентов отметили, что их общение в социальных сетях и реальной жизни при вербальном общении идентично и не имеет различий. 30 % указали, что форма их общения в двух этих сферах заметно отличается. Общение в социальных сетях даётся им намного проще, нежели реальное, с глазу на глаз, которое сопровождается «скованностью и скудностью» изложения своих мыслей. В виртуальном же общении речи респондентов характерны «многословность, красочное изложение мыслей и употребление лексики, которая в повседневном общении ими не используется».

3. Заметим также, что 98 % студентов, принявших участие в анкетировании, незнакомо понятие «дисплейная коммуникация».

Анализ ответов показал, что преобладающее большинство респондентов не озабочено проблемами современного русского языка, что, как нам кажется, объясняется недостаточным языковым воспитанием. По причине резкого скачка языковой реформации более молодое поколение моментально погружается в среду современного жаргонного языка, пропуская важный пласт, формирующий тот самый «продвинутый» русский язык с устоявшимися языковыми нормами, за сохранение которого консерваторы от народа и научные деятели и исследователи в области языка сражаются последние 10 лет.

Помимо анкетирования был проведен устный опрос в неформальной обстановке. Реципиенты имели возможность излагать свои мысли беспрепятственно, в свободной форме на заданную тему – «Коммуникация в социальных сетях». В ходе беседы нами была отмечена импульсивность участников диалога, граничащая с бескультурным и некорректным общением друг с другом. Кроме того, определены речевые аспекты, характерные для современного носителя языка: немногословность, стремление к максимальному сокращению слов, употребление нецензурной лексики и профессионализмов, обилие заимствованных слов, слабая «мягкая» дикция как следствие деградации речевой коммуникации.

Итак, современное общество готово к радикальным изменениям в сфере речевой коммуникации, со временем, безусловно, придёт к стабильной, нормированной речи и в рамках дисплейных текстов. В первую очередь это зависит от самого носителя – человека, до сознания которого важно донести, что нормы языка не должны просто исчезнуть как пережиток прошлого, человек обязан сохранять речевой этикет, нормативность своего языка и способствовать его градации, а не наоборот. Всегда следует помнить, что русский язык – один из величайших языков мира, на нём говорят герои знаменитых произведений русской литературы, покоривших весь мир. Нет более точного, красивого и статного языка, пропитанного духом патриотизма и любви ко всему живому. В интересах, а главное, в силах нашего поколения сохранить языковые нормы, заложенные нашими предками!

Литература

1. Костомаров, В. Г. Дисплейный текст как форма сетевого общения / В. Г. Костомаров. – Текст : непосредственный // Russian Language Journal. – 2010. – Vol. 60. – С. 141–147.
2. Что формирует современного человека и его речь?. – Текст : электронный // Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. – URL: <https://www.pushkin.institute/news/detail.php?ID=4941> (дата обращения 05.04.2019).
3. Маргарита Русецкая: «Качество современного языка – это наша с вами распределенная ответственность» : беседа с ректором Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина / записали К. Чуриков, О. Галькевич. – Текст : непосредственный // ОТР : общественное телевидение России. – URL: <https://otr-online.ru/programmy/segodnya-v-rossii/transformatsiya-sovremennogo-russkogo-27920.html> (дата обращения 07.03.2019).
4. Русецкая, М. Цифровая коммуникация : выступление Маргариты Николаевны Русецкой на панельной дискуссии о роли интернета в образовательном процессе / М. Русецкая. – Изображение : видео // YouTube. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=kndd6QDpJ18> (дата обращения : 06.04.2019).

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ С КОМИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОЯРСКОГО РАЙОНА И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В КУЛЬТУРЕ КАЗЫМСКИХ ХАНТОВ

Статья посвящена актуальной проблеме этносоциологии – языковым контактам с другими народами, проживающими в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре. Изучение особенностей взаимодействия в бассейне р. Казым позволяет более четко проследить специфику этнокультурных, языковых контактов и социально-экономических связей с коми-зырянами и их отражение в материальной и духовной культуре казымских хантов.

Ключевые слова: Белоярский район, казымские ханты, коми, языковые контакты, заимствования.

LANGUAGE CONTACTS WITH KOMI IN THE TERRITORY OF THE BELOYAR DISTRICT AND THEIR REFLECTION IN THE CULTURE OF KAZYM HUNT

The article is devoted to the urgent problem of ethnosociology – linguistic contacts with other peoples living in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra. The study of the interaction in the river Kazym allows us to more clearly trace the specifics of ethnocultural, linguistic contacts and socio-economic relations with the Komi-Zyryans and their reflection in the material and spiritual culture of the Kazym Khanty.

Keywords: Beloyarsky district, Kazym Khanty, Komi, language contacts, borrowings.

---

*Молданова Надежда Анатольевна,
научный сотрудник*

*Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск)
E-mail: nmoldanova@yandex.ru*

Целью данного исследования является изучение взаимодействия языковых и связанных с ними культурных и этносоциальных процессов на территории проживания территориальной группы казымских хантов, численность которой в настоящее время составляет более 4 тыс. человек.

Представители данной группы компактно проживают в бассейне р. Казым и по ее притокам, на правом берегу р. Обь. Река Казым протекает по территории Белоярского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, который на западе граничит с Березовским, на юго-западе – с Октябрьским и Ханты-Мансийским, на юго-востоке – с Сургутским районами Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, на востоке и севере – с Ямало-Ненецким автономным округом.

С конца XIX – начала XX в. идёт постепенная миграция казымских хантов в верховья рек Назым и Лямин. Казымские ханты встречаются также в верховьях р. Тромъеган (Сургутский район), на озере Пякуто (Пуровский район Ямало-Ненецкого автономного округа). В настоящее время ареал расселения казымских хантов расширился, они проживают дисперсно в иноэтническом окружении во вновь созданных посёлках и городах округа [13, с. 71–78].

Носители языка и культуры группы казымских хантов называют себя *касум ёх* 'Народ (реки) Казым'. В свою очередь эти территориальные группы распадаются на локальные группы, которые отождествляются с названиями топонимических объектов. По р. Казым факт принадлежности земель территориальной группе казымских хантов отражается в том, что эти земли освящены присутствием на них «духа» и непосредственного ставленника Казымской богини (Касум ими) [9, с. 75–78]. Местом поклонения Касум ими (Вут ими) является поселение Юильск.

А. А. Дунин-Горкавич ввел термин «казымцы» для обозначения территориальной группы хантов: «Казымцы, заселяющие бассейн р. Казым и среднего течения р. Назыма, резко выделяются среди остяков по своей жизнеспособности. Это – народ физически крепкий, тру-

долюбивый и трезвый. Сравнительно с другими осятками, они мало восприимчивы к русской культуре, но зато весьма и нетребовательны. Казымцы очень подвижны... Они как-то быстро приспособляются ко всякой местности...» [6, с. 84].

В настоящем исследовании под «языковыми контактами» вслед за авторами словаря социолингвистических терминов [12, с. 278] мы понимаем «взаимодействие двух или более языков, оказывающих влияние на разные уровни структуры одного или многих из них». Языковые контакты возникают в результате необходимости общения между представителями разных этнических и языковых групп, вступающих между собой в интенсивные хозяйственные, политические, культурные связи [там же].

В настоящее время изучение заимствования как проявление взаимодействия того или иного языка с языками других народов занимает одно из важных мест среди актуальных проблем языкознания, истории, этнографии.

Исследования языковых явлений с учетом сведений истории, этнографии, социологии нашли свое отражение в постоянном внимании ученых к вопросам, связанным с проблемой этнических контактов. Механизмы языковых изменений в процессе заимствований освещены в кандидатской диссертации Н. В. Новьюховой [11, с. 6–10]. Общие вопросы межэтнических связей хантов получили освещение в работах Е. П. Мартыновой, З. П. Соколовой, Н. В. Лукиной, В. И. Сподиной.

Освещение результатов влияния хантыйского языка на коми язык дается в статьях Е. А. Игушева. Исконная и заимствованная лексика описана в статьях Н. А. Герляк [3, с. 27–30]. Аспекты формирования казымской группы хантов, обладающих особым (казымским) диалектом и особенностями культуры, обозначены З. П. Соколовой [10, с. 71–78], которая относит окончание ее формирования к XIX в. Этнокультурные связи обских угров и их отражение в локальных костюмных комплексах обозначены А. А. Богордаевой [1]. Сведения о лингвоэтнических контактах на Казыме и их отражение в топонимии даны Т. Н. Дмитриевой в ее монографии и многочисленных публикациях. Этнографическое деление хантов, в том числе казымской группы, обозначены Т. А. Молдановой и С. С. Успенской.

В статье сделан акцент на этносоциокультурные факторы взаимодействия казымских хантов с коми-зырянским населением региона.

В диалектах северных ханты исследователи насчитывают примерно четыреста коми-зырянских, более ста ненецких, по несколько десятков мансийских, татарских, эвенкийских заимствованных слов. По казымскому диалекту специальные подсчеты не проводились. Наибольшее же количество заимствованных лексических элементов проникло в хантыйский язык из русского языка [5, с. 414]. В хантыйском языке для обозначения соседних народов имеются свои названия – экзоэтнонимы: *руц* ‘русский’, *хатань* ‘татарин’, *вухаль* ‘манси’, *юрн* ‘ненец’, *сйран* ‘коми, зырянин’.

Самоназвания хантов и манси имеют единый общий смысл ‘человек’, ‘мужчина’. З. П. Соколова считает, что формирование казымской группы хантов происходило с участием манси с низовой Оби, Северной Сосьвы, Ляпина [13]. Заметное влияние на казымских хантов оказали коми-зыряне. В статье Е. А. Игушева [7, с. 42–46] рассматривается флористическая лексика наименования ягод. В ходе анализа приведена этимология названий ягод в коми и хантыйском языках. Показано, в частности, что «образование родового понятия «ягода» охватывает хантыйско-коми ареал и свидетельствует о длительных хозяйственных контактах и межкультурных коммуникациях дальнеродственных народов уже после распада общепермского языка-основы, с VIII по XVI вв.».

В языке казымских хантов выявлено множество коми-зырянских заимствований, зафиксированных исследователями в топонимии – это названия населенных пунктов с формантом кар ‘городок’ (Вежакары, Нарыкары, Карымкары, Шеркалы (Шоркар).

На территории проживания казымских хантов название селения Юильск (Юильский городок), по мнению одного из первых исследователей Сибири Г. Ф. Миллера, «не обошлось без помощи зырянского языка». М. А. Тяботов считал, что коми топоним *Ю йыл кар*, соответствует хантыйскому *Вўтвоиш* – «Город верховьев реки» или «Верхний городок». В резуль-

тате русской адаптации коми топонима возникают вариант Юиль и современная форма Юильск. Исследователь топонимии бассейна реки Казым Т. Н. Дмитриева считает, что в основе названия данного селения лежит указание на его местоположение в верхнем течении Казыма. Лексема «вўт» в казымском диалекте означает «находящийся вдали от воды» [15, с. 60]. В полевых дневниках З. П. Соколовой записано, что «поселок Юильск стоит на высокой песчаной террасе Казыма высотой от 6 до 8 м, поросшей сосной» [14, с. 24]. Топоним *Вўтвоиш* Т. Н. Дмитриева, ссылаясь на М. А. Тяботова и Р. Радомски, соотносит также с одним из имен духа-охранителя реки Казым, богини Вут ими (букв. 'Женщина вершины' или 'Верхняя женщина'). Существенно и то, что русским языком была усвоена форма названия с компонентом йил (йыл?) – ср. в современных коми диалектах: йыв, йыл, йыы, йив – верхушка, вершина, верховье, исток реки.

Образование современного Юильска связано с деятельностью Казымской культурной базы, созданной в 1930 году по решению Комитета Севера ВЦИК. Задача культбазы заключалась в работе с беднотой по отрыву её от кулацко-шаманского влияния, развитие советской культуры среди хантыйского населения Казымского совета.

Штат Казымской культбазы состоял из 37 работников (заведующий, библиотекарь, учителя и др.), 5 из них представляли коренные народы Севера. Казымская культбаза активизировала музейную и краеведческую работу. В 1934-36 годах краеведческим пунктом заведовал В. С. Денисенко, который написал книгу «На далекий Півночі» о периоде проживания в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком округах с 1934 по 1944 г. [2, с. 47–48].

В состав Казымской культбазы входила Юильская начальная школа (2 учителя), Казымская хантыйская школа (5 учителей), Казымская русско-зырянская школа (2 учителя). Заведующим был назначен А. Н. Лоскутов. Он имел среднее образование и неплохо владел хантыйским языком. Школа была рассчитана на 50 учеников, но не было учебников на хантыйском языке. Обучение велось на хантыйском языке в одной группе самим учителем, а в другой – через переводчика. При обучении пользовались русским алфавитом.

Важным условием адаптации в иноэтнической среде являлась аккультурация – освоение языка и культуры местных жителей. Так, например, с 1 сентября 1935 года стал работать заведующим Юильской хантыйской начальной школой Артеев Николай Михайлович (1912 г.р.), по национальности зырянин. Окончил педтехникум в 1934 году в г. Тобольске. Он обучал учащихся на родном (хантыйском) языке [4].

Влияние коми-зырян прослеживается и в духовной культуре казымских хантов, духом-покровителем которых является *Касум ими* 'Казымская богиня'. Кошку как животное именуют словом «кати», но когда речь идет о священном облике богини, то говорят «кань». В свою очередь, кань – это коми-зырянское название этого животного. Далее, по отношению к кошке как к богине существует специальный язык, в котором у слов сохраняется только корневая основа, к ним прибавляется нехарактерное для хантов окончание -ен. Например, кани-ен тами-ен юхты-ен, где кань 'кошка', тами 'эта', юхатты 'приходить', т. е. 'кошка (богиня) эта пришла'. Если вновь обратиться к коми-зырянскому языку, то здесь Ен – 'бог'. Тогда приведенное выражение будет звучать так: кошка-бог, эта-бог, пришла-бог. Следовательно, исходя из зырянского языка, особый «кошачий» язык – это не что иное, как прибавление к корню каждого слова окончания «бог» [8].

В основе двусторонних контактов коми и хантов лежат процессы взаимодействия их носителей в экономической, политической, культурной жизни и в быту. В результате языкового взаимодействия языки близкородственных народов, используя внутренние возможности своего развития, обогащались путем заимствования новых слов, терминов.

Литература

1. Богордаева, А. А. Традиционный костюм обских угров / А. А. Богордаева. – Новосибирск : Наука, 2006. – 239 с. – ISBN 5-02-032365-9. – Текст : непосредственный.
2. Волдина, Т. В. Хантыйский фольклор: история изучения / Т. В. Волдина. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. – 258 с. – ISBN 5-7511-1532-5. – Текст : непосредственный.

3. Герляк, Н. А. Лексика в хантыйском языке: исконная и заимствованная / Н. А. Герляк. – Текст : непосредственный // Вестник Югорского государственного университета. – 2010 – № 2 (17). – С. 27–30.
4. Государственный архив Югры. – Ф. 5. – О. 1. – Д. 78. – Л. 308. – Текст : непосредственный.
5. Дмитриева, Т. Н. Топонимия бассейна реки Казым / Т. Н. Дмитриева. – Екатеринбург : Изд-во Урал.ун-та, 2005. – 580 с. – ISBN 5-7525-1421-5. – Текст : непосредственный.
6. Дунин-Горкавич, А. А. Тобольский Север / А. А. Дунин-Горкавич. – Санкт-Петербург, 1904. – Т. 2. – 84 с..
7. Игушев, Е. А. Хантыйские семантические заимствования в коми языке / Е. А. Игушев. – Текст : непосредственный // Вестник Югорского государственного университета. – 2010. – № 2 (17). – С. 42–46.
8. Молданова, Т. А. «Священные облики» Казымской богини / Т. А. Молданова. – Текст : электронный // Казым. Земля Кошачьего Локотка. – URL: <http://www.ethnic-tour.ru/kazym/kazym/publ/kazym-oblik.html> (дата обращения 25.04.2019).
9. Молданова, Т. А. Историческое и современное деление казымских хантов на различные группы по данным фольклора и современным представлениям / Т. А. Молданова. – Текст : непосредственный // Проблемы административно-государственного регулирования межнациональных отношений в Тюменском регионе: исторический опыт и современность. – Тобольск, 1995. – С. 75–78.
10. Соколова, З. П. Некоторые аспекты формирования казымской группы хантов / З. П. Соколова. – Текст : непосредственный // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. – Кемерово, 1986. – С. 71–78.
11. Проблемы и перспективы этнокультурного и социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера : материалы Всероссийской научно-практической конференции (31 октября 2013 г., Ханты-Мансийск). – Тюмень : Формат, 2014. – 238 с. – ISBN 978-5-9631-0486-6. – Текст : непосредственный.
12. Словарь социолингвистических терминов / ответственный редактор В. Ю. Михальченко. – Москва, 2006. – 312 с. – Текст : непосредственный.
13. Соколова, З. П. Некоторые аспекты формирования казымской группы хантов / З. П. Соколова. – Текст : непосредственный // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. – Кемерово, 1986. – С. 71–78.
14. Соколова, З. П. Народы Западной Сибири в 1950-1980-х годах : полевые материалы, докладные записки и отчеты : Ч. 1: Северные ханты / З. П. Соколова. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Москва, 2015. – 421 с. – ISBN 978-5-906480-01-9. – Текст : непосредственный.
15. Соловар, В. Н. Хантыйско-русский словарь : (казымский диалект) / В. Н. Соловар. – Тюмень : ФОРМАТ, 2014. – 386 с. – ISBN 978-5-9905543-4-4. – Текст : непосредственный.

М. Н. Мытку

СТИЛИСТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА В ПОВЕСТИ С. С. КОЗЛОВА «ПОСЛЕДНИЙ КАРФАГЕН»

Статья посвящена актуальному вопросу в области современной лексикологии русского языка – использованию в тексте художественного произведения элементов жаргонной лексики. Анализу подвергается неповторимый и уникальный язык, свойственный тюменскому и югорскому писателю Сергею Сергеевичу Козлову, далекий от классической литературы, но знакомый каждому человеку, в жизни которого оставили след тяжелейшие для нашей страны 90-е годы 20 века.

Ключевые слова: жаргон, жаргонные слова, жаргонная лексика, языковые особенности, художественный текст.

STYLISTICALLY MARKED VOCABULARY IN S. S. KOZLOV'S NOVEL "THE LAST CARTHAGE"

The article is devoted to the topical issue in the field of modern lexicology of the Russian language – the use of elements of slang vocabulary in the text of a work of art. The unique and unique language peculiar to the Tyumen and Ugra writer Sergey Sergeevich Kozlov, far from classical literature, but familiar to every person in whose life the hardest for our country 90-ies of the 20th century left a trace, is subjected to the analysis.

Keywords: slang, slang words, slang vocabulary, language features, literary text.

---

*Мытку Марина Николаевна,
студентка 2 курса кафедры русского языка и литературы
Гуманитарного института североведения
Югорского государственного университета
E-mail: mytkum@mail.ru*

Исследуя слово в художественных текстах, лингвисты пришли к мнению о том, что в особых условиях функционирования лексические единицы языка семантически преобразуются, вследствие чего появляются дополнительные смыслы, коннотации, ассоциации. Эстетический, экспрессивный эффекты художественного текста достигаются посредством игры прямого и переносного значений, именно это и делает текст образным и выразительным.

Сергей Козлов – современный тюменский писатель-прозаик. Язык произведений Козлова – современный, приближенный к разговорному русскому языку. Для раскрытия характеров героев, для яркого описания событий автор прибегает к различным языковым средствам. Он широко использует разговорные слова, неологизмы, просторечия. В диалогах присутствуют жаргонизмы и стилистически сниженная лексика. Эти средства необходимы автору, чтобы показать реалии современного мира во всех его проявлениях. Вместе с тем Козлов обнаруживает нам и другой мир, возвышенный и светлый. Это мир природы, мир высокой человеческой мысли, мир божественный. Так, для описания природы Козлов использует метафоры, эпитеты, олицетворения. Часто автор вплетает в ткань своих произведений небольшие цитаты из классической русской литературы, так, в «Последнем Карфагене» он цитирует А. С. Пушкина. Происходящее в мире и России автор изображает с помощью множества аллюзий на события прошлого и настоящего. В произведениях писателя отражено и его христианское мировоззрение. Для того чтобы точнее понять автора, выделить особенности стиля, недостаточно просто прочитать произведение. Необходимо проанализировать лексический состав, так как каждое слово в его тексте не случайно и работает на раскрытие мысли писателя.

Цель работы – анализ стилистически маркированной лексики, функционирующей в повести С. С. Козлова «Последний Карфаген».

Главные герои Козлова – это представители двух вечно борющихся, конфликтующих, но иногда тесно переплетающихся миров. Это и убийцы, и воры, и утопающие в коррупции чиновники, разрывающие страну на кусочки. Но есть и те, кто им противостоит, немногочисленные работники силовых структур, в которых еще не погибла любовь к своей стране, которых не одолела корысть и желание наживы.

Средством раскрытия этих героев, средством изображения их жизни и жизни страны служит язык. Проанализировав лексический уровень повести «Последний Карфаген», можно выделить несколько языковых особенностей, которые работают на раскрытие темы и основной мысли произведения. Одна из важных лексических особенностей «Последнего Карфагена» – многообразная стилистически маркированная лексика. С экспрессивно-стилистической точки зрения лексика повести «Последний Карфаген» разнообразна. Для придания образам героев, их речи различных стилистических оттенков, экспрессии автор употребляет как книжную, так и стилистически сниженную лексику. Слова со всеми стилистическими пометами, представленными в словаре С. И. Ожегова, кроме областных и официальных, присутствуют в тексте повести.

Помета «книжн.», т. е. книжное, в лексикографических источниках означает, что лексема используется для письменного, книжного изложения.

«Но потом к процессу исполнения подключилась память, и звучать стали знакомые пьесы. Причем в каком-то эклектичном жанровом и стилевом разнообразии» [1, с. 6].

ЭКЛЕКТИЧНЫЙ, (книжн.). Обнаруживающий эклектизм, являющийся эклектизмом, эклектикой. [2, с. 805].

«В глазах у него при этом появилась безысходная тоска» [1, с. 131]. **БЕЗЫСХОДНЫЙ, -ая, -ое; -ден, -дна (книжн.)**. О горе, печали: не имеющий исхода, конца. Безысходная тоска, П сущ. безысходность, -и, ж. [2, с. 41].

«Главное, вовремя стукнуть оппонента доской по голове» [1, с. 110]. **ОППОНЕНТ, -а, м. (книжн.)**. Лицо, к-рое оппонирует кому-н. Официальный о. на защите диссертации. П ж. оппонентка, -и (разг.). П прил. оппонентский, -ая, -ое. [1, с. 435].

Помета «высок.», т. е. высокое, призвана придавать речи оттенок торжественности, приподнятости, используется при словах, свойственных поэтической, публицистической и ораторской речи.

«Какая-то была в них грустная, но одновременно нежная усталость. Прямо-таки извечная какая-то» [1, с. 12].

ИЗВЕЧНЫЙ, (высок.). С давних времен существующий. Извечные проблемы. И. спор. П сущ. извечность, -и, ж. [2, с. 214].

Помета «разг.», т. е. разговорное, сопровождает слова, свойственные обиходной, разговорной речи, которые используются в процессе бытовых отношений; такая лексическая единица сообщает речи непринужденность, не выходя, тем не менее, за пределы норм литературного словоупотребления.

«Немой кивнул: мол, видел, знаю» [1, с. 159]. **МОЛ 2**, вводн. сл. и частица (**разг.**). Употр. При передаче чужой речи, при ссылке на чужую речь. [2, с. 316].

«Вы так любого душегуба вызволить можете?» [1, с. 118] **ДУШЕГУБ, -а, м. (разг.)**. Убийца, злодей. [2, с. 87].

«Благоразумие подсказывало, что лучше всего молчать и делать то, что скажет этот пахнувший дорогим одеколоном, уверенный в себе толстяк» [1, с. 118]. **ТОЛСТЯК, -а, м. (разг.)**. Толстый человек. П уменьш.-ласк. толстячок, -чка, м. [2, с. 712].

«Судя по приложенному в заказе досье, он сам заказывал ни в чем не повинных людей» [1, с. 106].

НЕПОВИННЫЙ, -ая, -ое; -нен, -нна (устар. и разг.). То же, что невинный. Признан неповинным. П сущ. неповинность, -и, ж. [2, с. 398].

«Прозорливая Рита отвалила на мои кулинарные способности часть своих сбережений и даже дала пластиковую карточку, предоставленную ей сердобольным Олегом» [1, с. 39].

СЕРДОБОЛЬНЫЙ, -ая, -ое; -лен, -льна (**разг.**). Сострадательный, жалостливый. Сердобольная женщина. II сущ. сердобольность, -и, ас. [2, с. 654].

Помета «прост.», т. е. просторечное, сообщает читателю, что слово свойственно нелитературной городской разговорной речи, в состав которой перешли элементы диалектного и жаргонного происхождения, а также новообразования, характеризующие бытовые отношения, и словообразовательные нейтральные варианты.

*«И они смотрели друг на друга так долго, пока одна их храпящих вокруг теток не проснулась и не задала громко вопрос: «А чего это ты тут, **хлопец**, делаешь?»»* [1, с. 15]

ХЛОПЕЦ, (**прост.**). Парень (в 1 знач.), а также мальчик [2, с. 768].

*«М-да, в советские времена в этот зал с бокалом вина и покусанным бутербродом мог войти только законченный **псих**»* [1, с. 106].

ПСИХ, -а, м. (**прост.**). Психически неуравновешенный или психически больной человек [2, с. 589].

В тексте встречаются также слова, сопровождающиеся в лексикографических источниках пометами:

«презр.», т. е. презрительное,

«неодобр.», т. е. неодобрительное,

«пренебр.», т. е. пренебрежительное,

«шутл.», т. е. шутливое,

«ирон.», т. е. ироническое,

«бран.», т. е. бранное,

«груб.», т. е. грубое, которое означает, что в слове содержится соответствующая эмоциональная выразительная оценка обозначаемого явления.

*«Все партии – это сброд, подмасонские **прихвостни**, чтоб душить народ, чтоб разделить его на части и спокойно грабить»* [1, с. 147]. ПРИХВОСТЕНЬ, -тня, м. (**презр.**). То же, что подхалим, Фашистский п. [2, с. 600].

*«Но вместо нее надо мной склонился коротко остриженный **очкарик**, который весьма благожелательно сказал «гут», а за его спиной был еще кто-то»* [1, с. 149].

ОЧКАРИК, -а, м. (**разг. шутл.**). Человек в очках (обычно о мужчине или мальчике). [2, с. 430].

*«В первый раз отказали родному, рви его **жопу**, правительству»* [1, с. 147].

ЖОПА, -ы, ж. (**прост, груб.**). То же, что ягодыцы. II уменьш. жопка, -и, ж. и жопочка, -И, Ж. [2, с. 174].

Помета «спец.», т. е. специальное, сопровождает слова, принадлежащие к определённому кругу профессионального, научного, технического употребления.

*«Видать, нам на роду написано: если **интегрироваться** сюда, то только на танках»* [1, с. 13] ИНТЕГРИРОВАТЬ, 1. Объединить (-нять) в одно целое (**спец.**) [2, с. 223]

*«Возьмут их из личных вещей, изъятых при **досмотре**»* [1, с. 121] ДОСМОТР, -а, м. (**спец.**). Проверочный осмотр. Таможенный д. прил. досмотровый, -ая, -ое [2, с. 157].

*«Я вследствие посттравматического **синдрома** вообще не ориентируюсь в пространстве и времени»* [1, с. 120].

СИНДРОМ. -а, м. (**спец.**). Сочетание симптомов, характерных для какого-н. заболевания. Болевой с. Астматический [2, с. 638].

Итак, большое количество слов, использованных автором, имеет пометы «разговорное» (душегуб), «просторечное» (хлопец), «презрительное» (прихвостень). Эти слова необходимы для того, чтобы показать отношения между героями, чтобы ярче выразить позицию автора либо придать тексту нужный оттенок. Вместе с тем в повести присутствует книжная и высокая лексика. С ее помощью автор описывает возлюбленную героя – «извечная усталость», «безысходная тоска». Эти же слова служат средством создания эпитетов.

Говоря об языковых особенностях языка, нельзя оставить без внимания употребление в «Последнем Карфагене» профессиональной лексики. Так как главный герой повести – работник спецслужб, и его деятельности отведено большое внимание, Козлов очень часто употребляет оружейные термины (АК-47, «Глок-17», «Кедр»). Это немного перегружает текст,

но очень полно и точно раскрывает нам профессию героя, который сам дает пояснения всем терминам, что не оставляет вопросов о их значении. (*«Конструкция Евгения Драгунова – девятимиллиметровый «Кедр»»* [1, с. 35]). В повести большое число оружейных терминов, которые употребляются в речи героев повести, снайперов и военных.

«Бесшумный «Винторез» давал мне всего пару минут преимущества, если меня засекут» [1, с. 63].

ВСС «Винторез» – советская и российская специальная снайперская винтовка, отличающаяся бесшумностью и предназначенная для оснащения подразделений спецназа [3].

«Да и бывало, когда Черномор показывал документы на цель, перечисляя все ее «заслуги», хотелось выбросить все снайперские винтовки, наплевать на предосторожности и умение быть невидимым и неслышимым, а просто схватить старый добрый АК-47, чтобы косить во все стороны от бедра не только цель, но и всех ее приближенных» [1, с. 65].

7,62-мм автомат Калашникова (АК-47) – автомат, принятый на вооружение в СССР в 1949 году; индекс ГРАУ – 56-А-212. Был сконструирован в 1947 году М. Т. Калашниковым [4].

«Конструкция Евгения Драгунова – девятимиллиметровый «Кедр» [1, с. 35].

ПП-91 «Кедр» (Конструкция Евгения Драгунова) – пистолет-пулемёт, разработанный в начале 1990-х годов по заказу МВД СССР на базе более раннего ПП-71 конструкции Е. Ф. Драгунова [5].

«Приласкав в кармане плаща «Глок», я прогулочным шагом двинулся в сторону реденького леса» [1, с. 166]. Glock 17 (Глок 17) – австрийский пистолет, разработанный фирмой Glock для нужд австрийской армии [6].

Главное отличие повести «Последний Карфаген» состоит в неповторимом и уникальном языке, свойственном Сергею Козлову. В языке, далеком от классической литературы, но знакомом каждому человеку, в жизни которого оставили след тяжелейшие для нашей страны 90-е годы.

Литература

1. Козлов, С. С. Последний Карфаген : рассказы / С. С. Козлов. – Екатеринбург : Баско, 2004. – 344 с. – Текст : непосредственный.
2. Ожегов, С. И. Словарь русского языка : 70000 слов / С. И. Ожегов ; под редакцией Н. Ю. Шведовой. – 23-е издание, исправленное. – Москва : Русский язык, 1991. – 916 с. – ISBN 5-200-01088-8. – Текст : непосредственный.
3. Винтовка снайперская специальная (ВСС) «Винторез». – Текст : электронный // Военный обзор. – URL: <https://militaryarms.ru/oruzhie/vintovki/vintorez/> (дата обращения: 04.04.2019).
4. Автомат Калашникова. – Текст : электронный // Википедия : свободная энциклопедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Автомат_Калашникова (дата обращения: 04.04.2019).
5. Glock 17. – Текст : электронный // Википедия : свободная энциклопедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Glock_17 (дата обращения: 04.04.2019).
6. Толковый словарь Ушакова : [сайт]. – URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 04.04.2019). – Текст : электронный.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗООНИМОВ В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КАЗЫМСКОГО ДИАЛЕКТА)

Работа посвящена лексическим значениям зоонимов в хантыйском языке, которые можно разгруппировать по ведущим семантическим основам номинации. Внимания заслуживают также семантические изменения и их причины.

Ключевые слова: основа номинации, способ образования, зоонимы.

SEMANTIC ANALYSIS OF ZOONYMS IN THE KHANTY LANGUAGE (ON THE MATERIAL OF KAZYM DIALECT)

The work is devoted to the lexical meanings of zoonyms in the Khanty language, which can be grouped according to the leading semantic foundations of the nomination. Semantic changes and their causes also deserve attention.

Keyword: the basis of nomination, method of education, names.

---

*Новьюхова Галина Борисовна,
научный сотрудник фольклорного центра
Обско-угорского института прикладных исследований и разработок
E-mail: Novyukhova.galya@mail.ru*

Основы номинации вырастают из природной среды – характерных для животного основных свойств. Зоонимы играют существующую роль в названиях животных, определяются родо-половые и возрастные характеристики животных, однако помимо этого важным при номинации считаются и другие моменты [3, с. 186].

Основа номинации – принадлежность животного к самцам или самкам

Распространена конструкция хор ‘самец’, ас ‘самка’+ зооним, примеры: ас вухсар ‘лиса-самка’, хор мис ‘бык’.

Другой распространенный способ образования названий животных по родо-половой принадлежности – это конструкция зооним + зооним, например, нэ лов ‘кобыла’ = ‘кобыла + лошадь’, ай лов ‘жеребенок’ = ‘кобыла + жеребенок’.

Основа номинации – возраст животного

Самый обычный способ номинации детеныша – это конструкция зооним + пушэх ‘детеныш’, например: перэщ пушэх ‘поросенок’, кати пушэх ‘котенок’.

Возраст может уточняться и конструкцией из двух зоонимов, например: кураң вой пушэх ‘лосенок’ = ‘лось + детеныш’.

Номинация животных с прилагательным ай ‘маленький’, например: ай хор мис ‘бычок’, нэ ай мис ‘телка’, ай ош ‘ягненок’, ай амп ‘щенок’.

Возраст может уточняться с конструкцией из двух зоонимов, например: хоңра пушэх ‘птенец дятла’ = ‘детеныш + дятел’, карш пушэх ‘орленок’ = ‘орел + детеныш’.

Основа номинации – хозяйственное назначение животного

Основным компонентом служит нейтральное название животного или названия самца и самки, а определенный компонент указывает на свойство или состояние, из которого чаще всего препятствует способность или неспособность давать потомство, например: новты ‘годовалая самка оленя, имеющая теленка’, хопты ‘кастрированный бык’, нэвэр ‘жеребенок’, хор ‘бык’, мис ‘корова’, хор ош ‘баран’.

Основа номинации – экстерьер животного

При номинации зверей самым важным считался их экстерьер – окраска, та или иная бросающаяся в глаза деталь, отличающая их от других сходных видов, и т. д. Основным компонентом служит, как правило, зооним:

- 1) Тип образования прилагательное, обозначающее окраску + зооним дает, как правило, названия, характеризующие названия окраски зверя. В названиях ценных пушных зверей это прилагательное не всегда носитель реального значения, а выполняет функцию определения ценности шкурки, например: *питы мойпэр* 'бурый медведь' – *питы* 'бурый', *питы вухсар* 'черно-бурая лисица' – *питы* 'черно-бурый', *вўркам вухсар* 'рыжая лиса' – *вўркам* 'рыжий', *луу лаңки* 'летняя белка', *нуви нўхэс* 'белый соболь' – *нуви* 'белый', серый волк, белый медведь, черная крыса, светлая куница, заяц-беляк, олень с пятном на лбу.
- 2) Экстерьер животного, а именно характерная для него деталь или часть тела, служит отправной точкой при создании метонимических названий. В этой группе, безусловно, имеются зоонимы, например: *сос* 'горностай' = хвостатый, *куцар* 'бурундук' = полосатый, *курэн вой* 'лось' = длинная нога, *нўхэс* 'соболь' = мягкая лапа.

Основа номинации – повадки или образ жизни животного

Большая часть образованных по этому типу зоонимов характеризует объект названия, выступающего в роли основного компонента, более детально, однако некоторые зоонимы этого типа обозначают животное того же семейства, но тем не менее отличное от объекта основного компонента, например: летучая мышь, летяга, боязливая белка.

Образ жизни животного описывают и названия, определительный компонент которых указывает на основной вид пищи животного. Таким путем образованы названия плотоядного медведя *вўр* 'кровь' *фраз. дай вўра, пит вўра шөшэмты* 'разъяриться, рассвирепеть' (букв.: в темную кровь, в черную кровь шагнуть), *нўхи* 'мясо'.

В основе номинации большинства животных лежит характерный признак животного, его внешний вид (окраска шерсти, строение тела). Кроме того, названия животных подчеркивают размеры тела животного, место его обитания, время активного действия, образ жизни и т. д. Имеются названия диких и домашних животных, характеризующие их по половозрастным особенностям, в первую очередь это касается названий домашних животных. Номинация домашних животных зависит также и от их хозяйственных функций.

Литература

1. Лельхова, Ф. М. Структурно-семантические типы словосочетаний в хантыйском языке (на материале шурышкарского диалекта) / Ф. М. Лельхова ; под редакцией В. Н. Соловар. – Ханты-Мансийск : Доминус, 2011. – 129 с. – ISBN 978-5-905751-04-2. – Текст : непосредственный.
2. Соловар, В. Н. Хантыйско-русский словарь : (казымский диалект) / В. Н. Соловар. – Тюмень : ФОРМАТ, 2014. – 386 с. – ISBN 978-5-9905543-4-4. – Текст : непосредственный.
3. Хаузенберг, А. А. Названия животных в коми-языке (сравнительно-исторический анализ) / А. А. Хаузенберг ; ред. В. Халлап. – Таллин, 1972 – 238 с. – Текст : непосредственный.

РОЛЬ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЧАСТИЦ В ВЫРАЖЕНИИ ПРОХИБИТИВНЫХ ЭКСПРЕССИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ ОТТЕНКОВ ПОБУЖДЕНИЯ

В хантыйском языке существуют специализированные прохибитивные формы, являющиеся отрицательными коррелятами императивных форм. Необходимо заметить, что здесь отрицание не сводится к комбинации: «форма императива + обычное для данного языка отрицание». Предметом анализа в статье являются аналитические прохибитивные глагольные формы (шур. *mǎn-a* – *ał mǎn-a*, каз. *mǎn-a!* – *ал mǎn-a*, сург. *mǎn-a!* – *ал mǎn-a!* ‘езжай’ – ‘не езжай’), полноправно являющиеся отрицательными коррелятами императивных форм.

Ключевые слова: хантыйский язык, прохибитив, отрицательная частица, императив, побуждение.

THE ROLE OF NEGATIVE PARTICLES IN THE EXPRESSION OF PROHIBITIVE EXPRESSIVE-STYLISTIC SHADES OF MOTIVATION

The subject of analysis is specialized as analytical prohibitive verb forms (Shur. *mǎn-a* - *ał mǎn-a*, Kaz. *mǎn-a!* - *ал mǎn-a*, Surg. *mǎn-a!* - *ал mǎn-a!* ‘go’ – ‘don’t go’), rightfully being negative correlates of imperative forms in Khanty language. Note that in this case the negation is not presented as a combination: “form of imperative + negation, usual for given language.”

Key words: Khanty language, motivation, imperative, prohibitive, negative particle.

Онина Софья Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник Гуманитарного института североведения
Югорского государственного университета
E-mail: OninaS@ya.ru

Отрицательные частицы шур. *ał*, каз., сург. *ал*, вах. *ǎł* ‘не’, шур. *ǎt*, каз. *ǎn* / *ant*, сург. *antǎ*, вах. *ǎntǎ* ‘не’ активно употребляются в побудительных высказываниях. Отрицательные частицы демонстрируют свою значимость при выражении побуждения в прохибитиве (запретительных или отрицательно-императивных высказываний). Как правило, отрицательная частица шур. *ał* / каз. / сург. *ал* / вах. *ǎł* ‘не’ располагается перед глаголом повелительного наклонения с лично-числовыми формами субъектного / объектного спряжения 2 л. ед., дв., мн. ч.:

- (1) шур.: *Ał jasta!*
ał jast-a
 Ptcl.Proh говорить-
 Imp2Sg
 ‘Не говори!’.
- (2) шур.: *ǎt at werłǎi!*
ǎt at wer-t-ǎi
 Ptcl.Neg Ptcl делать-Praes-3Sg.Obj
 ‘Пусть не делает!’.
- (3) каз.: *Ал рǎла!* [2, с. 78–79].
ал рǎл-а
 Ptcl.Proh бояться-
 Imp2Sg
 ‘Не бойся!’.
- (4) каз.: *Ant ал putǎrtǎл!* [2, с. 78–79].
ant ал putǎrt-ǎл
 Ptcl.Ne Ptcl.Proh говорить-Praes-3Sg
 g
 ‘Пусть не разговаривает!’.

- (5) сург.: (Фольклорный текст: леший – человеку) *Би лѳвэт йэм вара, энэл кўр пиңэм ал сәхрә* [4, с. 21, с. 75].

ђи лѳвэт йэм вәр-а энэл кўр пиң-эм
такой размер хоро- делать-Imр.2Sg большой нога палец-1Sg
шо

ал сәхр-э
Ptcl.Proh рубить-
Imр.2Sg.Obj

‘Пожалуйста, не руби ты мне большой палец на ноге!’.

- (6) вах.: (Бытовая речевая ситуация: отец – сыну): *Ал јисә, қат валаң тәуы, мәтәли мәңә јѳвәл!*.

әл јис-ә қат вәл-аң тәуы
Ptcl.Proh плач-Imр.2Sg дом место(=где_что-то_когда-то_было)-Adj место

мәтәли мәң-ә јѳ-вәл
что-нибудь мы-Dat прийти-Praes.3Sg

‘Не плачь, здесь место с признаками старого жилья, кто-нибудь к нам еще может прийти’.

В прохибитиве экспрессивно-стилистические оттенки создаются при помощи представленных выше волеизъявительных частиц *sa / sar / sari* в значении ‘же’, ‘-ка’ (ср. вах. *säri* ‘подожди, дай срок’ [3, с. 186]) и вводно-междометной частицы *ja* ‘ну’, которые отделяют отрицательную частицу *ät* ‘не’ от глагола в побудительных конструкциях [1, с. 92]. Другие побудительные частицы помещаются между отрицательной частицей и глагольной словоформой, например:

- (7) шур.: *Sij, at sari üwati!*
sij at sari üw-ati
шум Ptcl.Proh Ptcl кричать-Imр.2Pl
‘Тихо, не шумите же!’.

- (8) каз.: *Ñawrem at sar ketmi!*
ñawrem at sar ketm-i
ребен- Ptcl.Proh Ptcl трогать-
нок Imр.2Sg
‘Не трогай же ребенка!’.

Отрицательная частица шур. *ät* / каз. *än* / ант / сург. *әнтә* / вах. *әнтә* располагается перед глаголом изъявительного наклонения с лично-числовыми формами субъектного /объектного спряжения 2, 3 л. ед., дв., мн. ч. настоящего времени:

- (9) шур.: *Ät at werläli!*
ät at wer-ä-äli
Ptcl.Neg Ptcl делать-Praes-3Sg.Obj
‘Пусть не делает!’.

- (10) каз. *Wotasa ki ijә al mänл!*
Wotas-a ki ij-л ал män-л
Пурга- Ptcl стать-Praes.3Sg Ptcl.Proh идти-Praes.3Sg
Lat
‘Если будет пурга, пусть не едет!’

- (11) сург.: *Ма вәлэ нүңаты йастәм, қѳта тохәтнә әнтә йәңүлән, – имил һәвмиләл. Аңкәнөшлиңки, тѳхә йәләх урәт ал вәрәнма!* [4, с. 23, с. 77].
ма вәлэ нүң-аты йаст-әм қѳта тохә-т-нә әнтә
Я разве ты-Dat говорить-Praet.1Sg где место-Pl-Loc Ptcl.Ne
g

йǎнǔ-л-эн   ими-л   ыǎвмил-эл   аҗкэнөш-
лиҗки
ходить-Praes-2Sg   тетя-3Sg   говорить-Praes.3Sg   негодник-Dim

тǎх   йǎлǎх   ур-эт   ал   вǎрэнт-а
э

туда   такой   глупость-Pl   Ptcl.Proh   творить-Imp.2Sg

‘Разве я не говорила тебе, чтобы ты не ходил в ту сторону? – говорит ему тетка. – Негодник ты этакий, не твори глупостей!’.

(12) вах.: *ǎл јисǎ, җат валау тǎуы, мǎтǎли мǎнǎ јǎвǎл!* [3, с. 100].

ǎл   јис-ǎ   җат   вǎл-аҗ   тǎуы
Ptcl.Proh   плач-Imp.2Sg   дом   место(=где_что-то_когда-то_было)-Adj   место

мǎтǎли   мǎн-ǎ   јǎ-вǎл
что-нибудь   мы-Dat   прийти-Praes.3Sg

‘Не плачь, здесь место с признаками старого жилья, кто-нибудь к нам еще может прийти’.

В прохибитиве экспрессивно-стилистические оттенки создаются при помощи представленных выше волеизъявительных частиц *sa / sap/sari* в значении ‘же’, ‘-ка’ (ср. вах. *sǎри* ‘подожди, дай срок’ [3, с. 186]) и вводно-междометной частицы *ja* ‘ну’, которые отделяют отрицательную частицу *ǎт* ‘не’ от глагола в побудительных конструкциях [1, с. 92]. Другие побудительные частицы помещаются между отрицательной частицей и глагольной словоформой, например:

(13) шур.: *Sij, al sari йwati!*

sij   al   sari   йw-ati
шум   Ptcl.Proh   Ptcl   кричать-Imp.2Pl

‘Тихо, не шумите же!’.

(14) каз.: *ǎwrem al sar ketmi!*

ǎwrem   al   sar   ketm-i
ребен-   Ptcl.Proh   Ptcl   трогать-
нок   Imp.2Sg

‘Не трогай же ребенка!’.

Выражая отрицание в «самопобуждении» в конструкции с глагольной формой настоящего будущего времени 1 л. ед. ч. частица *sa* ‘-ка’ обычно располагается в постпозиции (однако допускается и препозитивное употребление). Отрицательная частица *ǎт* ‘не’ располагается между вводно-междометной частицей *ja* ‘ну’ и частицей *sa* ‘-ка’.

(15) шур.: *Ja, ǎt sa arǎlǎm!* [К. В. Г.].

ja   ǎт   sa   arǎ-л-ǎм
Ptcl   Ptcl.Neg   Ptcl   петь-Praes-
1Sg

‘Ну, не спою-ка я!’.

(16) каз.: *Ja, ǎnt sar arǎlǎm!*

ja   ǎnt   sar   arǎ-л-ǎм
Ptcl   Ptcl.Neg   Ptcl   петь-Praes-
1Sg

‘Ну, не спою-ка я!’.

В сургутском диалекте в подобном случае «самопобуждения» весьма употребительны частицы *йа / тǎйҗа* ‘ну’:

(17) сург.: *T’ǎq ma ǎntǎ arǎлǎм!*

t’ǎq   ma   ǎntǎ   arǎл-л-ǎм
а
Ptcl   я   Ptcl.Neg   петь-Praes-
1Sg

‘Ну, не спою я!’.

Таким образом, отрицательные частицы и в северных, и восточных диалектах располагаются в препозиции при прохибитиве шур. *al* / каз. / сург. *al* / вах. *äl* 'не', в конструкциях с императивом запретительного глагола., а также с частицей шур. *ät* / каз. *än* / *ant* / сург. *äntä* / вах. *äntä* 'не'; при форме индикатива и в препозиции выражают категорический *запрет* независимо от того, есть ли глагольные суффиксы, присоединяющиеся к глагольным основам, относящиеся либо к акциональности, либо к валентности глагола, подчеркивая тем самым семантическую самостоятельность прохибитива.

Литература

1. Каксин, А. Д. Казымский диалект хантыйского языка / А. Д. Каксин. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2007. – 134 с. – ISBN 978-5-9611-0041-9. – Текст : непосредственный.
2. Соловар, В. Н. Хантыйско-русский словарь : (казымский диалект) / В. Н. Соловар. – Тюмень : Формат, 2014. – 386 с. – ISBN 978-5-9905543-4-4. – Текст : непосредственный.
3. Терешкин, Н. И. Очерки диалектов хантыйского языка : Ч. 1. Ваховский диалект / Н. И. Терешкин. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1961. – 204 с. – Текст : непосредственный.
4. Чепреги, М. Сургутский диалект хантыйского языка / М. Чепреги ; перевод с венгерского Т. А. Ефремовой ; ответственный редактор А. С. Песикова. – Ханты-Мансийск : Печатный мир, 2017. – 276 с. – ISBN 978-5-6040448-0-3. – Текст : непосредственный.

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПО СОХРАНЕНИЮ ИСКОННОЙ СРЕДЫ
ОБИТАНИЯ И ТРАДИЦИОННОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ.
СОХРАНЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЫ**

В статье рассматриваются нормативные правовые акты ХМАО-Югры, которые приняты и реализуются как на законодательном, так и на подзаконном уровнях автономного округа. Данные документы устанавливают государственные гарантии реализации прав коренных малочисленных народов, а также меры государственной поддержки, направленные на обеспечение защиты их исконной среды обитания и традиционного образа жизни.

Ключевые слова: закон, коренные народы, языки, языковая среда.

**LEGISLATIVE SUPPORT FOR THE PRESERVATION OF THE NATIVE HABITAT
AND TRADITIONAL WAY OF LIFE.
PRESERVATION OF THE LANGUAGE ENVIRONMENT**

The article discusses the regulatory legal acts of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra, which are adopted and implemented both at the legislative and sub-legislative levels of the Autonomous Okrug. These documents establish state guarantees for the realization of the rights of indigenous peoples, as well as measures of state support aimed at ensuring the protection of their original habitat and traditional way of life.

Keywords: law, indigenous peoples, languages, language environment.

---

*Пурьшев Александр Михайлович,
советник заместителя председателя Думы – председателя
Ассамблеи представителей коренных малочисленных народов Севера
Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
Email: puram@mail.ru*

Ассамблея представителей коренных малочисленных народов Севера Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в структуре Думы Югры существует свыше 20 лет. Это один из органов Думы Югры, который формируется из числа депутатов Думы в каждом созыве регионального парламента. Соответствующие нормы об Ассамблее закреплены в Уставе (Основном законе) Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

В состав ассамблеи входят в основном представители коренных малочисленных народов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. В Ассамблею Думы Югры входила Гоголева Татьяна Степановна, ныне депутат Госдумы, член Комитета по делам национальностей. Состав Ассамблеи, как правило, меняется после каждых выборов. За 20 лет работы Ассамблеи в Ханты-Мансийском автономном округе накоплен большой опыт в сфере защиты прав коренных малочисленных народов, разработана солидная нормативно-правовая база в указанной области общественных отношений.

В Ханты-Мансийском автономном округе – Югре как на законодательном, так и на подзаконном уровнях приняты и реализуются нормативные правовые акты автономного округа, устанавливающие государственные гарантии реализации прав коренных малочисленных народов и меры государственной поддержки, направленные на обеспечение защиты их исконной среды обитания и традиционного образа жизни.

В Уставе (Основном законе) Ханты-Мансийского автономного округа данные положения содержатся в ст. 1, 2, 27, 49, 62, 63, 64, 69. Для примера остановимся подробнее на статье 63: «Гарантии защиты прав коренных малочисленных народов».

Органы государственной власти Ханты-Мансийского автономного округа – Югры осуществляют меры по возрождению, сохранению самобытности и свободному развитию коренных малочисленных народов, проживающих на территории автономного округа, в том числе:

- 1) разрабатывают и реализуют программы автономного округа по социально-экономическому и культурному развитию, а также использованию и охране земель традиционного природопользования коренных малочисленных народов и других природных ресурсов;
- 2) способствуют развитию самоуправления в соответствии с национальными традициями и обычаями коренных малочисленных народов;
- 3) решают вопросы, затрагивающие интересы коренных малочисленных народов, с их участием и с учетом их мнения;
- 4) способствуют развитию традиционных отраслей хозяйства в соответствии с законом автономного округа;
- 5) устанавливают льготы по землепользованию, природопользованию;
- 6) создают условия и оказывают содействие в сохранении самобытной культуры и традиционного образа жизни, в развитии национальных искусств, творчества и языков коренных малочисленных народов;
- 7) способствуют организации подготовки национальных кадров, оказывают содействие в их трудоустройстве;
- 8) образуют территории традиционного (приоритетного) природопользования регионального значения и при необходимости резервные территории;
- 9) осуществляют меры по охране наследия и исконной среды обитания коренных малочисленных народов;
- 10) устанавливают и предоставляют коренным малочисленным народам меры социальной поддержки;
- 11) решают иные вопросы в соответствии с федеральным законодательством и законодательством автономного округа.

В настоящее время действует 47 законов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, в которых содержатся нормы, направленные на защиту прав коренных малочисленных народов Севера, из них 11 законов специально посвящены регулированию вопросов коренных малочисленных народов Севера.

Среди них законы:

- «О языках коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Ханты-Мансийского автономного округа»;
- «О поддержке средств массовой информации, издаваемых (выпускаемых) на языках коренных малочисленных народов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре»;
- «О фольклоре коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры»;
- «О святынях коренных малочисленных народов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре»;
- «Об общинах коренных малочисленных народов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре»;
- «О традиционных видах деятельности коренных малочисленных народов Севера в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре»;
- «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера регионального значения в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре»;
- «О факториях в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре».

Для сохранения народом культурной идентичности, для сохранения самобытной культуры родной язык имеет огромное значение для всех народов России. В особой защите нуждаются находящиеся под угрозой исчезновения языки коренных малочисленных народов.

Касаясь проблемы языковой ситуации и языковых контактов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, прежде всего необходимо отметить, что в Конституции Российской Федерации (ч. 3 ст. 68) написано, что Российская Федерация гарантирует всем её народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития.

Для аборигенов, проживающих на северных территориях Российской Федерации, в том числе и обско-угорских народов, проживающих в Ханты-Мансийском автономном округе, в

целях сохранения языковой среды важное значение имеет то занятие, которое способствует сохранению традиционного образа жизни и традиционных форм хозяйствования, в том числе оленеводства. Отсутствие языковой среды, востребованности языков коренных народов для общения в поселках и городах, формулирование мыслей на русском языке и их перевод на языки коренных народов формируют иной подход для их сохранения и изучения, во многом аналогичный изучению иностранных языков.

Необходимо отметить, что в современной действительности на территории Ханты-Мансийского автономного округа аборигены постепенно утрачивают родной материнский язык. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 года, численность коренных малочисленных народов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре составляла 31 483 человека:

- ханты – 19 068 чел., из них владеют родным языком 3515 человек;
- манси – 10 977, чел., из них владеют мансийским языком 756 человек;
- ненцы – 1 438 чел., из них в 2010 году владеют ненецким языком 575 человек.

Таким образом, представленные выше цифры указывают на то, что владение родным языком среди коренного населения Югры характеризуется тенденцией к сокращению числа носителей родных языков. С учетом данной тревожной тенденции в 2001 году был принят закон Ханты-Мансийского автономного округа «О языках коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Ханты-Мансийского автономного округа». Этот закон стал одним из первых специальных законодательных актов по вопросам коренных малочисленных народов Севера, разработанных Ассамблеей представителей коренных малочисленных народов Севера и принятых Думой автономного округа.

Закон «О языках коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Ханты-Мансийского автономного округа» направлен на сохранение и развитие культуры коренных этносов, устанавливает меры поддержки родных языков коренных малочисленных народов. Кроме этого в региональном законе «Об образовании» (ч. 2 ст. 2) была закреплена норма, которая регламентирует условия для изучения родных языков народов ханты, манси и ненцев в государственных образовательных организациях автономного округа, в том числе и образовательных организациях муниципальных образований автономного округа.

По сведениям, предоставленным Департаментом образования и молодежной политики Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, в текущем 2018–2019 учебном году получают общее образование 7 249 детей из числа коренных малочисленных народов Севера. Они обучаются в 276 образовательных организациях, их численность составляет 3,35 % от общей численности школьников Югры.

На территории Югры в Березовском, Белоярском, Нижневартовском, Октябрьском и Ханты-Мансийском районах к родному языку приобщаются 255 дошкольников. Хантыйский и мансийский языки изучаются в 7 детских садах и 8 общеобразовательных организациях с группами дошкольного образования.

Во всех районах Ханты-Мансийского автономного округа (за исключением Советского района) родной язык изучают 1680 школьников. В 24 образовательных организациях и 4 филиалах образовательных организаций изучаются мансийский, ненецкий языки, а также 3 диалекта хантыйского языка: казымский, сургутский и ваховский.

В 3-х муниципальных учреждениях дополнительного образования, расположенных в г. Ханты-Мансийске и в Березовском районе, изучают хантыйский и мансийский языки 99 детей.

В целом можно констатировать, что в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре уделяется внимание созданию условий для изучения и развития родных языков малочисленных этнических общностей. Тем не менее в этой сфере много требующих внимания вопросов.

Так, в целях обеспечения доступности образования для коренных малочисленных народов Севера требуется поддержка малокомплектных школ и детских садов, школ-интернатов.

В настоящее время в автономном округе в местах компактного проживания коренных малочисленных народов действует 16 школ-интернатов. Коренное население нередко обращается в Ассамблею представителей коренных малочисленных народов Севера Думы Югры с предложениями о восстановлении школ-интернатов. Особенно актуальна эта проблема для коренных жителей Сургутского района, которые проживают на стойбищах и ведут традиционный образ жизни. В ряде поселений Сургутского района они были закрыты.

На территории автономного округа особого внимания требуют вопросы подготовки и издания учебных программ, учебников, методических пособий и словарей.

В 2018 году Департаментом образования и молодежной политики автономного округа совместно с издательством «Просвещение» реализован проект по изданию учебно-методического комплекса «Мансийский язык» (1–4 классы). К началу текущего учебного года новые учебники, соответствующие современным образовательным стандартам, поступили в школы автономного округа. По сведениям Департамента, в настоящее время осуществляется работа с авторским коллективом по изданию учебно-методического комплекса «Мансийский язык» (5–9 классы).

К сожалению, работу по подготовке новых учебников по хантыйскому языку осложняют существенные различия между диалектами хантыйского языка. В настоящее время до сих пор не существует единого алфавита, соответственно отсутствует единая графическая система для письма на хантыйском языке. В настоящее время среди специалистов и пользователей обсуждается вопрос о целесообразности унификации графики казымского, сургутского и ватовского диалектов хантыйского языка.

Весьма актуальны вопросы в сфере проведения научных исследований по языкам коренных малочисленных народов. Важное место занимает вопрос подготовки педагогических кадров для преподавания языков коренных малочисленных народов и многие другие вопросы. Решение подобных проблем чрезвычайно важно в деле сохранения языков коренных народов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

На наш взгляд, прежде всего, для улучшения языковой ситуации необходимо формирование языковой среды. Необходимы усилия не только со стороны органов власти, но и со стороны самих граждан, относящихся к коренным малочисленным народам. Государство должно стимулировать граждан к изучению языков коренных народов, например, стимулируя дополнительными баллами к ЕГЭ. Залогом успеха могли бы служить стимулирующие выплаты для преподавателей и сотрудников образовательных учреждений, в том числе школ-интернатов, в которых обучаются дети-аборигены.

В заключение отметим, что коренные народы связывают с Международным годом языков коренных народов большие надежды. Надеемся, что по результатам проведения Международного года языков коренных народов в Российской Федерации, в том числе и в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, будут приняты конкретные и действенные меры по защите языков коренных малочисленных народов.

Литература

1. Андриченко, Л. В. Регулирование и защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации / Л. В. Андриченко. – Москва : Городец, 2005. – 384 с. – Текст : непосредственный.
2. Статус коренных малочисленных народов России. Международные правовые акты и российское законодательство : в 2 т. / составитель В. А. Кряжков. – Москва ; Салехард, 2013. – Т. 2. – Кн. 5. – 672 с. – Текст : непосредственный.

Работа выполнена при поддержке гранта
РФФИ №17-04-00607ОГН
«Этнолингвокультурологический
скрининг политтехнологий ИГИЛ в работе
с протестным поведением российской молодежи»

И. П. Савчук, И. С. Карабулатова

**РУССКИЕ ФОЛЬКЛОРНЫЕ ЛЕГЕНДЫ И ЛЕГЕНДЫ ЮГРЫ
КАК КОМПОНЕНТ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНЫХ ЭТНОСОВ
(В КОНТЕКСТЕ СБЕРЕЖЕНИЯ И ПЕРЕДАЧИ БАЗОВЫХ
СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ)**

В данной работе рассматриваются русские фольклорные легенды и легенды Югры как компонент культуры северных этносов. Описываются отличительные и общие черты русских фольклорных легенд и легенд Югры при сравнительном анализе. В центре исследования находится культура северных этносов, благодаря которой происходит накопление и трансляция человеческого опыта в истории страны. Статья характеризует взаимосвязь русских фольклорных легенд и легенд Югры в контексте сбережения и передачи основных социокультурных ценностей.

Ключевые слова: фольклорные легенды, Югра, северные этносы, устное народное творчество, социокультура.

**RUSSIAN FOLK LEGENDS AND LEGENDS OF YUGRA AS A COMPONENT
OF CULTURE OF NORTHERN ETHNOSES
(IN THE CONTEXT OF SAVING AND TRANSFER OF BASIC
SOCIO-CULTURAL VALUES)**

This paper considers Russian folklore legends and legends of Ugra as a component of the culture of northern ethnic groups. The distinctive and general features of Russian folklore legends and legends of Ugra are described in a comparative analysis. The study focuses on the culture of northern ethnic groups, thanks to which the accumulation and translation of human experience in the history of the country takes place. The article characterizes the interconnection of Russian folklore legends and legends of Ugra in the context of saving and transmitting basic sociocultural values.

Key words: folklore legends, Ugra, northern ethnic groups, oral folk art, social culture.

---

*Савчук Ирина Петровна,
младший научный сотрудник Гуманитарного института североведения
Югорского государственного университета
E-mail: uruna_cabchuk@mail.ru*

*Карабулатова Ирина Советовна,
д-р. филол. н., проф., профессор-исследователь кафедры
иностраных языков филологического факультета
Российского университета дружбы народов, г. Москва,
E-mail: radogost2000@mail.ru*

Фольклор как отдельный вид литературного жанра имеет свои отличительные черты. Прежде всего, речь идет о том, что он призван отразить народное творчество, его культурные особенности, территориальные аспекты проживания и т. п. Термин «фольклор» известен каждому человеку. Под данным термином понимается устное народное творчество [8]. Однако в широком смысле слова этот термин подразумевает как устное словесное, так и музыкальное народное творчество. В него включается также проявление духовной культуры

определенного народа, верования, быт, религия, традиции и обычаи [11]. Также стоит отметить, что «к характерной особенности некоторых видов фольклора следует отнести отсутствие автора. Произведение фольклора формируется за счет передачи конкретных знаний от одного поколения к другому и в итоге предстает как законченное творческое (устное, музыкальное) произведение. Особенность фольклора (его определяющая черта) – коллективность творчества» [10].

Каждая страна имеет свою собственную историю, в которой отражены ее политические, бытовые и иные вопросы. Традиции любой страны находят свое отражение в устном творчестве, которое иллюстрирует повседневные дела и мифологию о происхождении мира. Для самоопределения и понимания собственного «Я» ценно знать культурное наследие предков.

Устойчивая сторона культуры любой из существующих ныне или существовавших ранее культур – это культурная традиция, благодаря которой происходит накопление и трансляция человеческого опыта в истории и каждое новое поколение людей может актуализировать этот опыт, опираясь в своей деятельности на созданное предшествующими поколениями. В так называемых традиционных обществах люди, усваивая культуру, воспроизводят ее образцы, а если и вносят какие-либо изменения, то в рамках традиции. На ее основе происходит функционирование культуры [6].

С точки зрения изучения фольклора необходимо отметить, что в легендах традиции и обычаи в значительной мере преобладают над творческой стороной. В этом процессе творчество проявляется в том, что человек является субъектом культуры, а сама культура – набором стереотипных программ деятельности, в процессе реализации которой может быть применена различная атрибутика.

Россия – самая большая страна мира с многовековой историей, события которой нашли свое отражение в преданиях и обычаях. Считается, что русский эпос, как и преимущественная часть европейского, был сформирован на основе греко-римской культуры [12]. Однако сложно утверждать однозначно.

На формирование исконных фольклорных легенд оказали влияние природа, окружающий мир и т. п. Иными словами, представление о мире и обо всем, что происходит вокруг, формировалось на основе собственного опыта и ежедневных наблюдений. Для русского человека большое смысловое значение имели духи природы, огонь как хранитель очага и другие сакральные элементы.

Русские фольклорные легенды, как и легенды других стран, обладают различной природой фантастического вымысла. Наиболее распространенными, с нашей точки зрения, можно считать три направления:

- космогонические легенды – о сотворении мира;
- этнологические легенды – о сотворении человека;
- эсхатологические легенды – о конце света и смерти всего живого на земле.

Легенды русского фольклора довольно своеобразны, представляют собой многокомпонентный феномен [4]. Их главными функциями являются объяснение и нравоучение. Легенды связаны с христианскими представлениями, но в них ощущается и языческая основа. В легендах человек оказывается неизмеримо выше нечистой силы [1].

Легенды русского фольклора обладают неустойчивой структурой. Сюжеты, излагаемые в них, едва ли подчиняются строгим правилам, они не обладают строгими формулировками завязки и развязки в отличие от сказок. Они малоэпизодичны. Сюжетность жанра подчеркивается переломным событием, происходящим в конце истории.

Русские народные легенды можно разделить на следующие тематические группы:

- легенды о сотворении мира;
- легенды о животных;
- легенды о наказании злых;
- легенды о прощении грешников;
- легенды о народных страданиях;
- легенды, отражающие семейные мотивы.

Как можно понять из представленных направлений, легенды русского фольклора отражали самые животрепещущие и актуальные вопросы повседневности.

Для того чтобы понять и оценить взаимосвязь русских фольклорных легенд с легендами Югры в контексте сбережения и передачи основных социокультурных ценностей, необходимо понять, какое место культура Югры занимает в системе культурных ценностей России.

Территория Югры является субъектом Российской Федерации, который входит в состав Тюменской области [5] и находится в Уральском федеральном округе. Две основные группы народов, проживающих на территории Югры, – это ханты и манси. Их существование, как и существование любой другой народности, имеет высокую значимость для сбережения и передачи базовых социокультурных ценностей.

По своей сути жители Югры образуют довольно специфический пласт народности, представляющий историко-культурную общность, объединенную особенностями культуры и бытового уклада, сходством антропологических типов. Их фольклорные традиции чрезвычайно своеобразны и являются отражением культурного и бытового начал.

На особенности формирования культурного наследия каждой из народностей большое влияние оказывает целый ряд факторов. Одним из них является территориальный фактор. Именно поэтому необходимо отметить, что в антропологическом отношении манси неоднородны: представлены сибирско-уральским и собственно уральским типом уральской переходной расы. Ханты делятся на три этнографических группы:

- северную;
- южную;
- восточную.

Историческими предпосылками усиления различий между вышеобозначенными группами можно считать влияние соседних народов. Антропологически ханты относятся к уральской переходной расе.

С лингвистической точки зрения, а именно в отношении фонетики, морфологии и лексики, хантыйский и мансийский языки очень близки друг другу. Именно поэтому их объединяют в единую группу. При этом необходимо отметить, что языки распадаются на несколько диалектов, которые имеют значительные расхождения. Так, например, лексика хантыйского языка имеет связь с соседями. В ней присутствует много терминов, отражающих оленеводческую и скотоводческую деятельность, название отдельных элементов национальной одежды. В данном случае речь идет о связи с ненецким, татарским и коми-зырянским языками. Значительная часть новых терминов также заимствована из русского языка.

В целом языки Югры относятся к угорской языковой группе. Для них свойственно распадаться на множество территориальных диалектов. Сейчас менее половины хантов и манси говорят на родных языках; большая часть использует в обиходе русский язык. В этом проявляется тенденция, направленная на смешение культур. К сожалению, существует вероятность, что язык Югры, как и многие другие языки малых народностей, может со временем полностью исчезнуть [2].

На сегодняшний день исследователи, занимающиеся вопросом возрождения языков Севера, стараются уделить внимание каждому из языков, который имеет риск со временем исчезнуть. Каждый язык несет в себе огромную ценность, так как является уникальным компонентом целой системы. Для мировой культуры крайне значимо сохранить неизменными как можно больше языков. Одним из исследователей, отстаивающих подобную точку зрения, является А. С. Кожемяков. Согласно его точке зрения, языковое многообразие представляет собой нечто чрезвычайно важное для поддержания равновесного состояния и благополучного развития всего человеческого общества как в отдельно взятых странах, так и в мире в целом [3]. Согласно последним данным ОТРК «Югра», Тимофей Молданов, также известный в своих кругах как популяризатор культуры народов Севера, прикладывает много усилий, чтобы познакомить современное поколение с особенностями культуры и языка Югры. Распространение информации он осуществляет с помощью самого популярного на сегодняшний день способа – мессенджеров и социальных сетей. Более того, вопрос сохранения народных легенд и преданий как одно-

го из национальных компонентов ХМАО привлекает к себе все больше внимания со стороны общественности и правительства. Согласно информации на официальном сайте «Ugra-news.ru», опубликованной в марте 2019 г., национальные сказки, легенды, поверья постепенно становятся средством популяризации традиционной культуры ханты и манси. Губернатор области не раз отмечала необходимость проведения мероприятий, ориентированных на сохранение культурных традиций и языка малых народов Севера. Поддержка оказывается также различным печатным изданиям, поддерживающим коренной язык.

Однако сохранность первоначальной вариации языка крайне важна с культурной точки зрения. Из уст в уста из года в год народ передавал сказания и легенды, которые манерой своего повествования и содержанием отражали национальную специфику и менталитет обских угров. Подобное историческое повествование имеет высокую ценность и с исторической и социологической точки зрения. Сказания и легенды, как правило, могут отразить не только бытовой уклад, но и важные исторические события, происходившие с людьми много лет назад.

Так все же, что особенного в легендах Югры? Какие отличительные черты они несут в себе? В чем заключена их высокая ценность как одного из многочисленных компонентов мировой культуры?

Значительная часть легенд Югры посвящена тематике зарождения мира. Именно поэтому отдельные этнологи приписывают их культуре некоторую эзотеричность. На наш взгляд, данное утверждение вряд ли стоит считать верным, поскольку тематика возникновения мира и сознания свойственна каждому из существующих на сегодня фольклоров.

Стоит отметить, что основными действующими персонажами в легендах являются различные птицы и животные. Они объясняют существующие природные явления и происхождение всего живого на земле. Так, например, в одной хантыйской мифе о происхождении медведя говорится: «Не знаю, правда или нет, что медведь раньше был богом, у него были дети. Одного из них непослушного он выгнал и сказал: «Иди куда хочешь». Медвежонок упал на землю, но до земли не долетел, а застрял в развилке дерева и подумал: «Пропаду, наверное, теперь. Ни вверх, ни вниз. Съедят меня черви». Так и случилось. Подох медвежонок, а из него на землю стали выпадать черви и превращаться в медведей» [13].

Писатели Югры работают над литературными произведениями, основываясь на культурно-исторических ценностях своей страны, отражая особенности менталитета. Значимость вопроса исследования специфики легенд и его обоснованность позиционируются риском возникновения критичной ситуации, когда исконная природа культуры будет утеряна.

Основываясь на представленных материалах Всероссийской научной конференции «Мировоззрение обских угров в контексте языка и культуры», удалось сделать вывод, что русский язык и языки обских угров имеют сходство в словосочетаниях, свойственных для сказаний и легенд [8]. В качестве примера приводится следующее соотношение: в мифах-сказках, а также в легендах нередко встречается выражение «Мā тэлум ялпың мōйт» (Священная сказка о возникновении Земли). В публикации Б. Мункачи показали сходство словосочетания «хоса ман вāти» – «долго или коротко» с устойчивой формулой из русских народных сказок «долго ли, коротко ли». Мораль в сказках Югры не навязывается слушателю, он сам должен сделать соответствующие выводы, но сказитель интонацией или находящийся рядом взрослый какой-либо репликой может помочь ребёнку оценить поведение того или иного персонажа. В мансийских сказках, в том числе и детских, силы зла очень страшны, но в конечном итоге оно обязательно наказывается и побеждается человеком. В противном случае зло может размножиться и широко распространиться. Для русских народных сказок также характерна победа добра над злом.

Однако есть ряд исключений. Так, например, в русских сказаниях и легендах более значимая роль отводится людям, а в легендах Югры – животным и силам природы. В зависимости от ареала обитания мотивы и элементы легенд различных языковых групп переплетались. Данное утверждение довольно актуально в отношении таких архаичных черт дуальной социальной организации, которые лучше всего сохранились в Сибири, а именно у северных манси Зауралья, в бассейне рек Ляпина и Северная Сосьва. Так, например, в легендах Югры

говорится о том, что землю со дна океана при сотворении мира достала гагара по имени Лули. В других легендах рассматриваются иные возможные варианты. Примечательно отметить, что в сохранившихся до наших дней мифах народов ханты и манси большое место занимают такие животные, как медведь и лось. А среди птиц – гагара (Лули). Таким образом ханты и манси описывают свое представление о происхождении мира.

В русской народной мифологии медведю также отводится значительное место. В отличие от волка, он считался чистым животным. По представлениям русских, нечистая сила не может принимать его облик. Более того, в Олонецкой губернии говорили, что «медведь от Бога». В других легендах повествуется о том, что Бог в наказание за грехи обратил людей в медведей. В Архангельской губернии это обращение связывалось с карой за убийство сыном своих родителей. Согласно некоторым легендарным сюжетам, в медведей были превращены жители деревни, не пустившие переночевать странника, то есть нарушившие предписанные традицией нормы поведения. У восточных славян был распространен запрет есть медвежатину, что объясняется представлениями о человеческом происхождении медведя. На Русском Севере полагали, что и медведю не велено есть человека, и если он нападает на человека, то только по указанию Бога, в наказание за совершенный грех.

Фактически в легендах Югры «духи» являются персонификациями сил и явлений природы. В русской фольклорной мифологии наблюдается то же самое. Очень много фольклорных легенд и сказок посвящено объяснению явлений природы, особенностей вида живых существ. Так, например, в фольклоре Югры рассказывается о том, почему у глухаря красные глаза. Суть можно изложить следующим образом: «Когда-то жили все птицы вместе и не улетали в теплые края. Стало холодно, собрались птицы улетать на юг. Собрались все вместе и решили завтра лететь. Глухарь ночевал отдельно. Утром он прилетел туда, откуда должны были улетать птицы, но место было пустое, птицы уже улетели. Глухарь так долго плакал, что у него покраснели глаза. Весной птицы прилетели. Он рассказал, как провел зиму. Боровая птица решила больше не улетать на юг. Водоплавающая птица не поняла глухаря и стала на зиму улетать» [7]. В русском фольклоре есть легенда, в которой говорится о том, почему у зайца длинные уши. Суть заключается в том, что когда все животные только появились на земле, им предстояло поделить, кому что достанется. Лось с женой решали, кому достанутся огромные красивые ветвистые рога. Их разговор подслушал заяц и выпросил их себе, но носить не смог, так как путался ими в кустах. После этого ему было решено дать длинные уши, так как он подслушивать любит.

Подводя итоги, необходимо отметить, что фольклор как отдельный вид литературного жанра имеет свои отличительные черты. Прежде всего, речь идет о том, что он призван отразить народное творчество, его культурные особенности, территориальные аспекты проживания и т. п.

Несмотря на то, что в каждой стране существуют свои собственные легенды и поверья, все они имеют схожие черты, что говорит о специфике их построения, точнее о том, что легенды, в отличие от сказок или иных жанров, не подчиняются строгим правилам.

С точки зрения сохранения социокультурных ценностей большое значение имеет анализ языковых ситуаций, связанных с малочисленными народностями, поскольку велика вероятность, что они могут полностью исчезнуть.

Русский фольклор и фольклор писателей Югры имеют много схожего, поскольку последний является компонентом первого. Ценность сохранения исконных представлений об особенностях языка важна с точки зрения базовых социокультурных ценностей.

Литература

1. Зуева, Т. В. Русский фольклор / Т. В. Зуева, Б. П. Кирдан. – Москва : Флинта : Наука, 2002. – ISBN 5-89349-115-7. – Текст : непосредственный.
2. Исламова, Ю. В. Социальный портрет носителя языков обских угров (по результатам социологического исследования в Октябрьском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры) / Ю. В. Исламова. – Текст : непосредственный // Вестник угроведения. – 2017. – Т. 7. – № 2(29). – С. 145–157.

3. Кожемяков, А. С. Языки национальных меньшинств / А. С. Кожемяков. – Текст : непосредственный // Языковая ситуация в Европе начала XXI века : сборник обзоров / ответственный редактор Н. Н. Трошина. – Москва, 2015. – С. 32–45.
4. Карабулатова, И. С. Легенда как многомерный феномен: к вопросу категории временной модальности в жанре легенды / И. С. Карабулатова, И. П. Савчук. – Текст : непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 5 (72). – С. 557–558.
5. Конституция Российской Федерации : в 9 гл. Гл. 3 : Федеративное устройство. – Текст : непосредственный // Российская газета. – 1993. – 25 декабря (№237).
6. Мазина, Ю. И. Культурные традиции как ценностный ориентир существования и развития современной культуры / Ю. И. Мазина. – Текст : непосредственный // Известия Алтайского государственного университета. – 2011. – № 2-1 (70). – С. 176–178.
7. Мифы, предания, сказки хантов и манси : перевод с хантыйского, мансийского, ненецкого языков / составление, предисловие и примечания Н. В. Лукиной. – Москва : Наука, 1990 – 568 с. – ISBN 5-02016771-1. – Текст : непосредственный.
8. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е издание, дополненное. – Москва : Азбуковник, 2006. – 944 с. – ISBN 978-5-9900358-6-7. – Текст : непосредственный.
9. Мировоззрение обских угров в контексте языка и культуры : материалы Всероссийской научной конференции (19-22 мая 2008 г., Ханты-Мансийск) / Е. И. Ромбандеева, Т. Г. Харамзин, С. А. Попова, М. А. Лапина. – Ханты-Мансийск : ИИЦ ЮГУ, 2010. – 385 с. – Текст : непосредственный.
10. Савчук, И. П. Понятие и жанровый состав фольклора народов ханты и манси / И. П. Савчук. – Текст : непосредственный // Языки и культура народов Арктики как полиэтнического региона в условиях глобализации : сборник материалов I Международной научно-практической конференции (г. Ханты-Мансийск, 25–27 октября 2018 г.). – Ханты-Мансийск : Ред.-изд. отд. Научной библиотеки ЮГУ, 2018. – 274 с. – С. 172–175.
11. Фольклор. – Текст : непосредственный // Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. – Москва : Сов. энцикл., 1975. – С. 155.
12. Фольклор. Тайные знания русской деревни. Русские предания и легенды. – Текст : электронный // КОИТ. – URL: <https://cont.ws/@rusi-svn/1156049> (дата обращения: 25.04.2019).
13. Часникова, В. А. Легенды и мифы о животных / В. А. Часникова. – Москва : Центрполиграф, 2014. – 372 с. – ISBN 978-5-227-05350-3. – Текст : непосредственный.

А. Н. Сигарева

СЕМАНТИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОЙКОНИМОВ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО РАЙОНА

Настоящая статья дополняет новыми данными уже имеющиеся сведения о классификации ойконимов. Проведя сравнительный анализ ойконимических классификаций, представленных ведущими русскими ономастами, автор предпринимает попытку составить свой вариант семантико-этимологической классификации ойконимов Ханты-Мансийского района ХМАО-Югры.

Ключевые слова: топонимика, ойконимия, ойконим, лексико-семантический анализ ойконима, семантико-этимологический анализ, русский язык.

SEMANTIC-ETHYMOLOGICAL ANALYSIS OF OYKONYMS KHANTY-MANSIY DISTRICT

The present article complements the new data that already available on the classification of oikonyms. Through a comparative review of the oikonymic classifications presented by the leading Russian onomastast, the author makes an attempt to compile his own version of the semantic-etymological classification of the oikonyms in Khanty-Mansiysk district of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug.

Keywords: toponymy, oikonymy, oikonym, lexico-semantic analysis of oikonym, semantic-etymological analysis, Russian language.

---

*Сигарева Анжелика Николаевна,
магистрант кафедры русского языка и литературы
Гуманитарного института североведения
Югорского государственного университета
E-mail: an.sigareva@yandex.ru*

Имена собственные представляют собой сложное лингвистическое явление. Как справедливо подчёркивает В. Д. Бондалетов, «ономастический материал составляет значительную часть лексики любого высоко развитого языка и заслуживает того, чтобы его изучали» [3, с. 14].

Основной массив собственных имён – *онимов* – составляют топонимы, содержащие наиболее ценную и богатую этнолингвистическую и историческую информацию. Поэтому не случайно с 60-х годов нашего столетия особенно широко развернулась работа по топонимике, которая включает в свой состав географические названия разных типов: *гидронимы, ойконимы, оронимы, дремонимы* и т. д.

Ойконимия понимается как совокупность названий населённых пунктов определённой территории. В ней отражаются важнейшие этапы истории материальной и духовной культуры создавшего её народа и проявляются языковые закономерности, в связи с чем ойконимия представляет собой интерес как лингвистический источник.

В настоящий момент осуществляются различные формы и направления лингвистического изучения топонимии разных регионов страны. Значительная часть топонимических исследований рассматривает происхождение географических названий, их структуру, семантику. Отметим, что различные аспекты местной ойконимии исследовались в работах Александра Константиновича Матвеева, Николая Коняева, Алексея Николаевича Заева, Зои Петровны Соколовой и других авторов.

Однако не было специального исследования, посвящённого детальному изучению семантико-этимологической системы Ханты-Мансийского района Тюменской области и ойконимии в частности. В работах ряда авторов, по разным причинам обращавшихся к топонимии

мии Ханты-Мансийского района, можно найти лишь отдельные замечания о некоторых ойконимах исследуемой территории. В связи с этим актуальность настоящего исследования определяется тем, что изучение топонимических единиц остаётся одной из важнейших задач отечественного языкознания.

Ойконимы относятся к категории имён и подвержены наиболее частым изменениям. Это связано с ростом городов, поглощающих близлежащие сёла и деревни, а также с вымиранием малых деревень. Вместе с ними умирают и их названия, исчезают из справочников различного назначения и географических карт. В данной работе мы анализируем названия заброшенных населённых пунктов. Материал исследования включает 20 лексических единиц.

Основы научной классификации ойконимов в лексико-семантическом отношении были заложены в отечественном языкознании советским лингвистом А. М. Селищевым [12, с. 38]. Ученый фактически одним из первых посвящал свои работы анализу названий одного региона. При выделении лексико-семантических групп ойконимов учитывались прежде всего «главнейшие черты топонимии русской». А. М. Селищев сделал вывод о том, что в огромном большинстве случаев населённые пункты названы по имени лица. «Чаще всего это имя принадлежало владельцу деревни, или села, или пункта, на месте которого находилась деревня (пустошь, починок, овраг)» [12, с. 16]. В самостоятельную группу А. М. Селищев выделяет названия этнического происхождения, подчёркивая, что в редких случаях деревня называлась по имени этнической группы. Следующую группу составляют названия по социально-имущественному и сословному признаку.

На второе место в количественном отношении А. М. Селищев ставит названия, отражающие особенности ландшафта. Они образованы на основе географических терминов (гора, поляна, растительность, животные и др.). Для наименования населённых мест в качестве собственного имени часто используются термины со значением пункта поселения (острог; город, стан, слобода, сельцо, вид посёлка и др.), а также местоположение населённого пункта (Верхний – Нижний – Средний, Ближний – Дальний и т. д.).

Небольшую группу названий составляют ойконимы, образованные на основе общественно-политической, бытовой и производственной терминологии. А. М. Селищев одним из первых отметил особенности в номинации населённых пунктов после Октябрьской революции 1917 г. и указал на те основные лексические и словообразовательные средства, которые стали использоваться в отечественной топонимии в советское время.

Интересна и классификация топонимиста В. А. Жучкевича в книге «Общая топонимика», который, выделяя группы топонимов по семантическому принципу, учитывает смысловое значение образующих основ, особенности признаков, фиксированных в апеллятивах, из которых образовались топонимы. Основываясь на данных критериях, исследователь выделяет шесть основных типов географических названий:

- 1) названия, данные по каким-то признакам рельефа;
- 2) фитотопонимы, т. е. имена, данные по видам растений;
- 3) зоотопонимы, т. е. имена, данные по видам животных;
- 4) названия, данные по признакам водных объектов;
- 5) патронимические топонимы, восходящие к именам, фамилиям, прозвищам людей;
- 6) ойконимы, характеризующие особенности самого объекта (размер, возраст, положение, отличительные признаки и т. д.).

За основу семантико-этимологического анализа ойконимов Ханты-Мансийского района мы взяли классификации В. А. Жучкевича и традиционную классификацию А. М. Селищева, внося в них некоторые изменения и дополнения, обусловленные особенностями материала.

В ходе исследования мы выяснили, что среди ойконимов Ханты-Мансийского района Тюменской области преобладают названия, образованные от антропонимов (от имён, фамилий людей, основателей или владельцев поселений). Без архивных материалов бывает сложно определить принадлежность отантропонимического ойконима к конкретному разряду антропонимов – имени, фамилии или прозвищу (например, название *с. Андреевка* могло про-

изойти от личного имени *Андрей* или от фамилии *Андреев*), поэтому в данном исследовании некоторые этимологии отантропонимических ойконимов могут быть дискуссионными.

В данной тематической группе из 20 единиц мы выявили 8 ойконимов:

1. *Алекино, д. < Алекин*

Алекин – фамилия одного из первых ссыльных, который жил в деревне долгое время.

2. *Аленева (Оленево, Оленевская, Манойло, Мануйловская, Мануйлово), д. < Аленевы (Оленевы)*

Аленевы – жители деревни, которые были ее основателями. Второе название населенного пункта, с которым и ушла деревня в небытие, по всей вероятности связано с именем Мануйла, также принадлежащим представителю рода Аленевых (Оленевых) [5, с. 24].

3. *Конево, с. < Коневы*

Коневы – фамилия семьи, которая впервые заселилась в селе. Очевидно, именно поэтому село носило такое название.

4. *Матка, д. < Маткин*

Легенда гласит: «Охотник Илья Маткин с женой Татьяной приехали в Сибирь с Урала в 1900 году. Поселились они у реки Ендырской, а неподалеку от них стали жить семьи Кетпеликовых и Каюковых. В итоге все подружились, построили деревню. Назвали ее Матка» [5].

5. *Новая Тренька, д. < Тренька < Тренькины*

Тренькины – фамилия семьи, которая впервые заселилась в селе. Очевидно, именно поэтому село носило такое название.

6. *Спирина, д. < Спирин < Спиридонов*

В 1700 году остяки Темлячиевой волости были вынуждены «заложить» за 30 рублей охотникам Самаровского яма Андрею Спиридонову и Алексею Худякову свои земли на протоке Неулевой. В начале 1730-х гг. ямские ямщики начинают осваивать полученные в собственность остяцкие земли. Так было положено начало сибирской деревушке – Спирина. Вероятно, в основу названия легла фамилия ямщика – Спиридонов.

7. *Сумкино, д. < Сумкин*

В фондах Ханты-Мансийского окружного музея Природы и Человека хранится закладная XVIII в., повествующая о том, как 3 февраля 1728 г. ясашные остяки Шапшинских юрт в голодное время заняли 10 рублей на хлеб и царский ясак у охотника Самаровского яма Андрея Афанасьевича Сумкина и его сотоварищей. За это заложили им на три месяца часть своих земель с рыбными угодиями, сенокосами по протоке Неулевой. В случае невыкупа по истечению срока земля та переходила в собственность Андрея Сумкина. Так и получилось – земли перешли в руки ямских охотников. С той поры и стали селиться на этих землях потомки Андрея Сумкина.

8. *Тугонос, д. < Тугонос*

По воспоминаниям старожилов, деревня получила своё название в честь одного из первых ссыльных. Точная фамилия неизвестна. Возможно, Тугонос – это его прозвище.

Вторую тематическую группу названий составляют ойконимы, в основе которых лежит географическая лексика апеллятивного происхождения. Ещё в древнерусском языке общеславянский процесс формирования топонимической лексики на базе апеллятивов географического характера получил большую продуктивность. Известный географ В. П. Семёнов-Тян-Шанский в 1924 г. обратил внимание на связь между географическим ландшафтом и местными названиями: «эта категория [названия, отражающие те или иные черты местного географического пейзажа] показательна сама по себе, так как выясняет нам, какие предметы пейзажа невольно наиболее привлекали к себе внимание народа, заселившего данную территорию» [13, с. 15].

Группа географической лексики Ханты-Мансийского района отличается лексемами, которые точно и тонко отражают особенности исследуемого региона.

Приводимые ниже значения местных географических терминов взяты из указанной работы Л. М. Завьяловой, С. В. Тюлиной, М. В. Качаненко «Памяти ушедших деревень». Всего выявлено 3 ойконима, которые отражают особенности ландшафта:

1. *Остров, д.*

«Деревня Остров, или как раньше ее называли Островные Юрты, стояла в трех километрах вниз по течению р. Иртыш от Федорова Увала», вспоминает А. П. Сивков. В том месте старое русло Иртыша и небольшой ручей, ставший впоследствии новым руслом главной Западно-Сибирской артерии, образовали остров.

2. *Борки, д.*

Населенный пункт находился на «бугре», на высоком красивом месте, на левом берегу реки Конды. По местной легенде, именно поэтому деревня получила такое название.

3. *Дальний Массив, д.*

«В 1950-х гг. был открыт поселок лесозаготовителей Дальний Массив. Он находился в 40 км от п. Бобровка, вверх по речке Бобровка. Поселок расположился в таежном лесу. Место было очень красивое» [5, с. 36]. Вероятно, поэтому деревня получила такое название.

Третья группа – ойконимы с фитонимической основой. Они связаны с названиями отдельных видов растений и древесных пород, встречающихся на территории Ханты-Мансийского района. Ойконимы фитонимического происхождения Ханты-Мансийского района представлены следующими названиями:

1. *Черемхово, п.*

«Место для поселка было отведено красивое: высокое, поросшее цветущей черемухой и стройными соснами», вспоминают старожилы.

2. *Сосновка, д.*

«Деревенька с красивым названием Сосновка располагалась рядом с речушками Кам, Андыега и Саньега. Вернее, это был лесной поселок, бывший лесопункт. А назван он был так, потому что «остроконечные сосен вершины» упирались в небо» [5, с. 60].

Четвертая группа – ойконимы, связанные с общественно-историческими условиями и фактами:

1. *Большой Вар, д.*

Национальная рыболовецкая артель «Большой Вар» организовалась в 1936 г. путем объединения кочующих и полукочующих национальных хозяйств. В 1939 г. началась работа по оседанию кочевых и полукочевых колхозных хозяйств, решено было построить новую деревню Большой Вар. Населённый пункт выбран на левом берегу реки Назым в урочище «Уны-Вар» вблизи расположения основного рыболовного угодья «Вара» (запор) в 20 км зимнего пути от центра сельского совета, и в 137 км от села Самарово [5, с. 6].

2. *Сотник, д.*

«В одной из сельских библиотек Ханты-Мансийского района на вопрос краеведческой викторины, проводимой библиотекарем, какие деревни района носили военные названия, дети дружно ответили: «Сотник и Деньщики!» [5, с. 18]. И действительно на территории Ханты-Мансийского района существовала д. Сотник, пополнившая в 1978 г. список исчезнувших населенных пунктов района.

3. *Вершина, д. (Юрты Вершинские).*

Существует параллельное хантыйское название этого населенного пункта – *Сортанг*, что в переводе «щучье». В курье (залив, глубоко вдающийся в берег озера или реки), находящейся вблизи, ловились очень большие щуки [5, с. 12].

В картотеке выявлен всего один ойконим, отражающий название реки – *Ахтино, д.* «Известный исследователь Тобольского Севера А. А. Дунин-Горкавич в своих путевых описаниях упоминает юрты Ахтинские, находившиеся при реке Вахтинской» [5, с. 14]. В 1912 г. зафиксировано существование юрт Ахтинских в Котской инородческой волости Березовского округа Тобольской губернии.

В отдельную группу мы отнесли ойконимы с двойной мотивацией. Это те ойконимы, которые связаны одновременно с несколькими фактами.

1. *Горные Деньщики, д.*

«Обосновались «Горные Деньщики» на горе среди векового хвойного леса, с красивым видом на широкий простор реки Иртыш. Частые наводнения в этих краях вынуждали людей

селиться на высоких местах». И слово «Деньщики» в названии деревни не случайно. «Неизвестно, насколько это правда, но старики рассказывали, что еще в петровские времена за какую-то провинность выслали сюда военных денщиков, поселили здесь, а сотников увезли дальше. Вроде как поэтому и назвали в честь их деревни – Сотник и Деньщик», – вспоминает Екатерина Николаевна Вторушина.

2. Горная Суббота, д.

«Горная» деревню назвали потому что она стояла у места впадения реки Горной в Иртыш, на горе» [5, с. 20]. «Суббота», по местной легенде, потому что именно в этот день недели постоянно проводили деревенские гуляния и праздники.

3. Луговая Суббота, д.

Пётр Карякин в своём романе «Филипповы дети» писал: «Село наше стоит на берегу Иртыша с незапамятных времен. Все мои деды и прадеды родились и жили здесь. Никто не знает, когда и кто срубил тут, на крутом яру, первый дом. Но, наверное, в душе он был поэтом, потому что назвал село Луговая Суббота. Луговая – понятно, а вот почему Суббота? Возможно, первые поселенцы пришли с Ермаком и высадились на этот угрюмый неприветливый берег в субботу?...».

Многовековое и разновременное заселение Ханты-Мансийского края привело к обилию топонимов различной языковой принадлежности. Богатство названий населённых пунктов Ханты-Мансийского района и их семантическое многообразие позволили составить семантико-этимологическую классификацию ойконимии исследуемого региона, которая позволила систематизировать набор названий населённых пунктов исследуемого региона. В результате этого выяснилось, что в сфере ойконимии Ханты-Мансийского района одни типы названий встречаются чаще, другие – реже.

По частотности употребления доминируют отантропонимические названия населённых пунктов, которые донесли до современности имена, фамилии или прозвища крестьян-первопоселенцев, землевладельцев и членов их семей, что представляет собой особую историко-культурную ценность. В них же отражена и деятельность человека.

Существуют ойконимы, образованные от географической апеллятивной лексики, которые отражают традиции и обычаи предков современных жителей Ханты-Мансийского района. В свою очередь, выявлен только один ойконим, отражающий название реки. Кроме этого, существуют ойконимы с двойной мотивацией.

В целом наблюдения над местной ойконимией показали, что в ней отражаются исторические и социальные факты развития нашего края. Названия населённых пунктов, преломляясь через сознание людей, получают в ойконимии не только новую номинативную функцию, но и характерологический или оценочный признак.

Литература

1. Алфавитный указатель населённых мест Ханты-Мансийского района. – Текст : электронный // Департамент внутренней политики ХМАО-Югры. – URL: <https://deppolitiki.admhmao.ru/deyatelnost/deyatelnost-departamenta/deyatelnost-upravleniya-regionalnogo-razvitiya-i-mestnogo-samoupravleniya/perechen-naselennykh-punktov-khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-yugry/1011311/perechen-naselennykh-punktov-khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-yugry-v-razreze-munitsipalnykh-ob> (дата обращения: 25.04.2019).

2. Агеева, Р. А. Топонимия как источник изучения истории заселения края : учебное пособие / Р. А. Агеева. – Москва : Просвещение, 1979. – 77 с. – Текст : непосредственный.

3. Бондалетов, В. Д. Русская ономастика : учебное пособие / В. Д. Бондалетов. – Москва : Просвещение, 1983. – 312 с. – Текст : непосредственный.

4. Гордеев, Ю. И. Материалы по истории городов, сел, деревень, юрт Ханты-Мансийского округа до 1926 г. : рукопись / Ю. И. Гордеев. – Ханты-Мансийск, 1965. – Текст : непосредственный.

5. Память ушедших деревень (Ханты-Мансийский район) / составители: Л. М. Завьялова, С. В. Тюлина, М. В. Качаненко [и др.]. – Ханты-Мансийск : Печатный мир, 2017. – 358 с. – ISBN 978-5-9500406-7-2. – Текст : непосредственный.
6. Картавенко, В. С. Становление региональной топонимической системы : Западный регион России : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / В.С. Картавенко. – Смоленск, 2012. – 46 с. – Текст : непосредственный.
7. КУ «Государственный архив Югры». Ф. 1. Оп. 1. Д. 824, 918.
8. Маракуев, А. М. Краткий очерк топонимики как географической дисциплины / А. М. Маракуев. – Текст : непосредственный // Ученые записки Казахского университета: Сер. «Геология и география». – 1954. – Т. 18, Вып. 2. – С. 29–72.
9. Матвеев, А. К. Некоторые вопросы освоения диалектных заимствований / А. К. Матвеев. – Текст : непосредственный // Studia Slavica. – Budapest, 1959. – Т. 5, f.3-4. – P. 429–437.
10. Пospelов, Е. М. Историко-топонимический словарь России : досоветский период / Е. М. Пospelов. – Москва : Профиздат, 2000. – 224 с. – ISBN 5-255-01343-9. – Текст : непосредственный.
11. Селищев, А. М. Из старой и новой топонимии / А. М. Селищев. Текст : непосредственный // Труды по русскому языку. Т. 1: Социоллингвистика. – Москва : Языки русской культуры, 2003. – С. 436–493.
12. Семенов-Тян-Шанский, П. П. Географическо-статистический словарь Российской империи : словарь / П. П. Семенов-Тян-Шанский. – Текст : электронный // Руниверс. – URL: <https://runivers.ru/lib/book3063/> (дата обращения: 25.04.2019).
13. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : Азбуковник, 1999. – 944 с. – ISBN 5-200-01088-8. – Текст : непосредственный.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 18-412-860002 «Север Западной Сибири: образы в разных типах дискурса»

Т. А. Сироткина

ОБРАЗЫ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЮГРЫ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

В статье на материале художественных произведений региональных авторов рассматриваются образы коренных народов Югры в югорской литературе. Делается вывод о том, что в художественных текстах отражены такие концептуальные области концептов «ханты» и «манси», как «внешний вид», «семья», «материальная культура», «вера» и другие, позволяющие отразить специфику традиций данных народов, а также видение их другими сибирскими этносами, как коренными, так и пришедшими сюда позднее.

Ключевые слова: коренные народы, Югра, региональные художественные тексты, ханты, манси.

IMAGES OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF UGRA IN REGIONAL ARTISTIC TEXTS

In the article, on the material of regional authors' artistic works, the images of the indigenous peoples of Ugra in Ugra literature are considered. It is concluded that such conceptual areas of the «Khanty» and «Mansi» concepts, such as «appearance», «family», «material culture», «faith! and others, are reflected in artistic texts that reflect the specificity of the traditions of these peoples, as well as their vision by other Siberian ethnic groups, both indigenous and those who came here later.

Key words: indigenous peoples, Ugra, regional artistic texts, Khanty, Mansi.

В художественных произведениях региональных авторов, особенно это касается исторической прозы, отражаются образы народов, населяющих данную территорию, особенности их быта, традиций, взаимоотношений с другими этносами. На примере нескольких произведений сибирских авторов рассмотрим, каким образом представлены в югорской литературе образы коренных этносов – ханты и манси.

Рассказы жившего в первой половине XX века писателя Михаила Плотникова (1892–1953) «Суд», «Манси», «Шунгур» посвящены жизни одного их сибирских этносов – манси. В рассказе «Манси» писатель постоянно обращается к сопоставлению русской и мансийской (вогульской) картины мира. «Для вогула, – пишет он, – широкая, многоводная Обь – почти единственная кормилица – сянь (мать); и он с такой же лаской величает ее в своих песнях и сказаниях, какой любит награждать русский народ любимую Волгу» [2, с. 394].

Описывая характер манси, М. Плотников использует эпитеты «неуклюжий», «ленивый», «робкий», но обращает внимание на то, что в определенных ситуациях вогул может проявить смелость и ловкость: «Страшно смотреть, когда неуклюжий и ленивый вогул смело бросается и ныряет в мутных обских волнах. Откуда вдруг явились ловкость и смелость у неповоротливого манси? Красавица Ас-я переродила робкого манси, принесшего ей из далеких стран свою любовь и надежду» [2, с. 395].

Концепт «манси» в произведениях М. Плотникова состоит из нескольких основных концептуальных областей, и одной из них является концептуальная область «внешний вид», являющаяся ведущей, например, при описании вогульских женщин, как старых, так и молодых: «Старая сморщенная вогулка, похожая на заржавленный, согнутый гвоздь, мигая слезливыми глазами, жалобно и виновато смотрела на меня, сложив на животе свои длинные костлявые руки»; «В каждом ее движении сказывалась какая-то особая простая прелесть, свойственная только таежной, неиспорченной вогульской девушке. Я часто любовался ею. И мне становилось грустно – грустно от того, что пройдет еще год-два-три, и Лагарь превратится в забитую грязную вогулку, а красота и смеющийся взгляд темно-карих глаз исчезнут» [2, с. 400].

Немаловажной для репрезентации вышеназванного концепта в произведениях М. Плотникова является концептуальная область «семья». Она отражает и традиции воспита-

ния детей, и отношения между мужчинами и женщинами. Так, положение женщины в вогульской семье М. Плотников сравнивает с положением собаки: «У вогулов собаки живут много лучше: ими все-таки дорожит хозяин и изредка милостиво кормит из своих рук, но женщина не играет никакой роли в жизни семьи и занимает самое последнее место у семейного очага. В женщине вогул не видит не только человека, но даже и животного; она для него – нечистое, поганое существо, прикосновение которого мгновенно оскверняет каждый предмет в чуме» [2, с. 396]. Что касается семейного воспитания, то «вогул не имеет понятия, что значит быть отцом, и слово «отец» для него незнакомо. В данном случае «вогул» оправдывает свое название (вогул – по-зырянски значит «жестокий») [2, с. 397].

Неотъемлемой составляющей концепта «манси» является концептуальная область «вера», хотя вопросы веры для представителей данного этноса являются достаточно сложными: «Вогулы считаются православными, они имеют иконы, ходят, если случается, в церковь и восхищаются там, как дети, золотыми и серебряными одеждами священников, блеском свечей и размерами храма. Это восхищение они несут к себе в тайгу. Там, под молчаливыми навесами перевившихся ветвей кедра, елей и сосен повторяют увиденное: зажигают смоленую лучину вместо свечей, одеваются в фантастические одежды, поют, падают на колени, бьют в барабан и жгут бобровую струю. Есть среди вогулов и истинные христиане, которые ясно поняли кроткий закон Христа, его заповеди, но их очень мало» [2, с. 399].

Писатель пытается выяснить происхождение некоторых явлений традиционной культуры манси, проследить влияние других этносов на формирование отдельных черт семейного уклада и быта: «Обычай покупки жен – не вогульского происхождения, и здесь, без сомнения, сказывается влияние татар. Между прочим, нередко практикуется обычай покупки жены «в рассрочку», т.е. жених в продолжение нескольких лет, смотря по размерам калыма, вносит его по частям, причем будущая его жена все время продолжает оставаться у родителей, но это несколько не мешает жениху проводить с нею ночи. Вообще вогулы, как и другие инородцы нашего Севера, не отличаются большой нравственностью» [2, с. 398].

Таким образом, манси в произведениях М. Плотникова – это не искусственно созданный образец представителей данного народа, похожий на икону, а очень противоречивый и сложный образ одного из коренных этносов Югры.

Исторические повести жившего во второй половине XX века югорского писателя Олега Рихтера отражают процесс взаимодействия русских с коренными населением Сибири – ханты (остяками). Не случайно остяки – самый частотный этноним в его исторических романах и повестях: «Протрубил горнист головного судна, отойдя от берега, стали выстраиваться в одну линию, вокруг стругов засновали юркие, остроносые ладьи остяков» [3, с. 83]. Наряду с данным этнонимом используется в текстах и название другого коренного этноса Югры – манси (вогулы): «Бунтовали вогулы на реке Конде, но Игичей усмирил их весною» [3, с. 31].

В произведениях О. Рихтера, как и в рассказах М. Плотникова, находят отражение особенности вероисповедания и религиозных ритуалов: «Ритуал по закреплению договора проходил в торжественной обстановке. Остяцкий шаман бил в бубен, приплясывал, простирали к небу руки, призывал духов быть свидетелями» [3, с. 38].

Описанию образа ханты посвящено и творчество национального писателя второй половины XX века Еремея Даниловича Айпина. Конфликт природы и цивилизации, сложившихся устоев жизни ханты и пришедших на территорию Югры новых законов добытчиков нефти и газа не может не волновать автора. Герой его романа «Ханты, или Звезда Утренней Зари» Демьян, прислушиваясь к звукам тайги, замечает: «На нижнем севере – так ханты называют запад – пока тишина. И там есть люди, которые делают железную дорогу. Тихо и на востоке, где восходит Звезда Утренней Зари. Там живут люди, делающие черную трубу, по которой побежит горючий жир таежной земли – нефть» [1, с. 13]. Чувства героя противоречивы: «Сколько лет тут жил, жил и был уверен, что, кроме зверя и птицы, ничего нет на этой земле. А теперь, как сказывают знающие люди, большое и очень нужное богатство открыли – нефть и газ. И все это на его земле... И, что ни говори, приятно слышать такое о своей земле. Приятно, но одновременно и... Тревожно» [1, с. 24]. Опасения Демьяна понятны: «Сказывают,

будто сами же искатели и добытчики нефти бахвалятся, что на десятки километров от своих путей-дорог ничего живого не оставляют» [1, с. 42].

А тревожиться ханты есть о чем. Веками сложились на этой земле быт и традиционные занятия данного этноса. Яркую репрезентацию в тексте романа получают промыслы жителей Сибири, например ловля песка: «Демьян в последний раз начал перебирать свою добычу за первую половину зимы. Не спеша, любуясь высоким чистым мехом, встряхивал песцовые шкурки. И невольно, перебирая пушнину, он вспоминал, какого зверя где и как взял» [1, с. 14].

Описания внешнего вида персонажей романа логично включают в себя описания национальной одежды и обуви: «Тебе уже новую малицу надо делать (малица – глухая мужская одежда мехом внутрь). И девочкам нашим надо саки хотя бы обновить (сак – женская меховая шуба мехом внутрь)» [1, с. 17]. По ходу повествования читатель узнает, что у ханты так же, как и у русских, существовала повседневная одежда и одежда «на выход»: «Выпив чай, Демьян надел расшитые узорами выходные кисы и большую малицу. Подпоясался кожаным ремнем с ножнами на левом и меховым кисетом-подсумком на правом боку» [1, с. 21].

Национальные черты характера обусловлены не только условиями жизни в суровых условиях севера, но и спецификой занятий, например, охотой: «В тайге у охотника ни карт, ни записных книжек. Все должно быть в голове» [1, с. 30]. Однако для настоящего охотника важно не только самому уметь выжить в тайге, но и научить этому своих детей: «Дед Петр еще в молодости начал плести такие арканы, а вот сына не научил этому делу» [1, с. 67].

Бытовые детали, например описание национальной утвари, делают повествование реалистичным и жизненным: «Вздохнув, она взяла с полки куженьку – небольшую коробку из бересты – и начала собирать гостинцы сыновьям» [1, с. 17].

Особенно интересным компонентом национальной идентичности, отраженным в тексте романа, как и в произведениях вышеназванных авторов, являются верования народа ханты. Многочисленные приметы, которым следуют герои произведения, свидетельствуют о сохранении сферы сакрального, уважении к традициям предков: «А когда уезжать станешь, сыновей наших Юванко малого да Микуля старшенького не целуй, – наставляла жена. – На уме у них плохо станет, после плакать будут» [1, с. 18]. Приметы определяют поступки героев, с ними связаны прогнозы на будущее, планирование тех или иных хозяйственных дел: «Демьян вспомнил приметку: если ордан подарит человеку рыбу – тому будет удача» [1, с. 50]; «А под Звездой – ломкая рябиново-красная полоска зари. Тихий морозный день будет, отметил Демьян» [1, с. 19].

Одним из важных этнических мотивов произведения является репрезентация отношения ханты к оленям. Жители тайги не только знают любимые лакомства этих прирученных ими животных, но и узнают их настроение даже по следам копыт на снегу: «Поджаренные чебаки и сухие рыбы кости – это первое лакомство. Хозяйка высыпала несколько горстей на снег, а своей любимице Пеструхе, ветвисторогой важенке с белыми пятнами по бокам, разрешила есть прямо из мешочка» [1, с. 19]; «Копыта раздвоенные – это при быстрой езде. Когда олень спокойно идет, то его копыта почти не расходятся» [1, с. 57].

Главная черта хантыйского мировосприятия – очеловечивание природы, единство человека с ней – отражена автором романа посредством описания мыслей главного героя: «Песня все ехала вместе с ним. Это была песня и снега, и деревьев, и неба, и земли. То она замедлялась, и он едва улавливал ее затихающую мелодию. То она набирала темп, набирала силу и звучала как бесконечная симфония Вселенной. И эта симфония пронизывала и связывала в одно целое все, что было на земле и за пределами земли. А он становился частью этой симфонии, неприметной скрипкой – наркасьухом, что вела свою партию» [1, с. 23].

Отражены в романе особенности родственных связей хантыйского этноса. Сам являясь человеком из рода Медведя, писатель, сделавший прототипом главного героя своего романа родного отца, говорит о нем: «Помимо кровной родни из своего рода, ему, как и всякому ханты, приходились родственниками, братьями и сестрами, дядьями и тетушками все люди рода Медведя, будь то ханты, манси, ненцы или русские» [1, с. 29]. Для человека важно ощущать связь не только с ныне живущими, но и со своими предками, которым он обязан

своим существованием на этой земле, со своими потомками, которым он передаст собственный опыт и знания: «У человека много кровных родственников в прошлом и будущем, размышлял Демьян» [1, с. 35]. И это ощущение родства с другими людьми помогает герою, как и автору романа, идти по жизни, думая о том, как быть полезным и нужным окружающим: «Поэтому и жить надо по-родственному, понимать надо друг друга» [1, с. 32]. С гордостью говоря о своей принадлежности к хантыйскому этносу, герой произведения знает его историю и связи с другими этносами и культурами.

Таким образом, образы коренных этносов Югры в произведениях региональных авторов очень объемны и многоплановы. В художественных текстах отражены такие концептуальные области концептов «ханты» и «манси», как «внешний вид», «семья», «материальная культура», «вера» и другие, позволяющие отразить специфику традиций данных народов, а также видение их другими сибирскими этносами, как коренными, так и пришедшими сюда позднее.

Литература

1. Айпин, Е. Д. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 2: Ханты, или Звезда Утренней Зари / Е. Айпин. – Санкт-Петербург : Амфора, 2014. – 383 с. – ISBN 978-5-367-03355-7. – Текст : непосредственный.
2. Плотников, М. Манси / М. Плотников. – Текст : непосредственный // Эринтур (Поющее озеро) : альманах писателей Югры. – Ханты-Мансийск, 2006. – Вып. 11. – С. 394–400.
3. Рихтер, О. Повесть о Сургуте / О. Рихтер. – Тюмень : Мандр и Ка, 2006. – 224 с. – ISBN 5-93020-369-5. – Текст : непосредственный.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ,
проект № 19-012-00388 «Специфика звукового строя
сургутского диалекта хантыйского языка»

Т. В. Тимкин

НЕКОТОРЫЕ СЛУЧАИ ВАРИАТИВНОСТИ ПРОИЗНОШЕНИЯ СУРГУТСКИХ ХАНТЫ И ПРОБЛЕМЫ ГРАФИЧЕСКОЙ ФИКСАЦИИ

В статье рассмотрено явление фонетической вариативности в сургутском диалекте хантыйского языка. На материале фонетического корпуса объемом более 2500 уникальных произнесений, записанного от семи информантов, показана вариативность фонем /ɔ/, /ʌ/, /e/. Отмечены различия между пимским и тром-аганским вариантами, а также вариативность тром-аганского произношения.

Ключевые слова: хантыйский язык, сургутский диалект, фонетика, графика.

SOME CASES OF THE PRONOUNCINATION VARIABILITY OF SURGUT KHANTY AND PROBLEMS OF THE GRAPHIC FIXATION

The article deals with the phenomenon of the fonetic variability in Surgut dialect of the Khanty language. On the material of phonetic corpus including more than 2500 utterances recored from seven speakers the variability of the phonemes /ɔ/, /ʌ/, /e/ is described. The variability between Pim and Trom-Agan idioms and within Trom-Agan idiom is considered.

Keywords: Khanty language, Surgut dialect, phonetics, graphics.

---

*Тимкин Тимофей Владимирович,
младший научный сотрудник
Института филологии СО РАН, г. Новосибирск
E-mail: ttimkin@yandex.ru*

Статья посвящена некоторым случаям вариативности произношения, выявленным в ходе исследования вокализма сургутского диалекта хантыйского языка.

Состав сургутских говоров и их фонетические различия получали различное описание. Так, Н. И. Терешкин выделял в составе сургутского наречия группы салымских и агано-юганских говоров [2, с. 37]. В словаре восточнохантыйских диалектов [3] исследователь различал следующие сургутские говоры: салымский, юганский, аганский, тром-юганский, тром-аганский. В монографии М. Чепреги салымский говор не рассматривается в составе сургутского диалекта, выделяются пимский, аганский, тром-аганский, юганский говоры [4, с. 11].

В данной статье мы затронем проблемы, связанные с вариативностью гласных в пимском и тром-аганском говорах.

Материал и методы

Наша работа основана на корпусном экспериментально-акустическом исследовании сургутской фонетики. Материалом работы послужили аудиозаписи речи информантов – носителей исследуемого диалекта. Материал собирался в течение полевых экспедиций 2014–2018 гг. и включает словарные списки, трижды прочитанные информантами. Записи были размечены в программе Praat с использованием знаков Международного фонетического алфавита (IPA) и загружены в фонетическую корпусную систему EMU-SDMS [5]. Для анализа тембров гласных звуков использовалась методика измерения формантных частот F1 и F2.

На данный момент обработаны и включены в корпус данные, полученные от семи информантов старшего поколения. Информант № 1 – уроженка с. Песиково Сургутского района (территория распространения пимского говора). Информанты № 2–7 – носители тром-аганского говора.

Текущий объем корпуса составляет более 2500 уникальных произнесений.

Система гласных исследуемого диалекта

На начальном этапе работы мы сравнили качественные и количественные характеристики сургутских фонем и пришли к выводу, что система гласных фонем получает наиболее точное описание, если ввести противопоставление четырем подъемам, трем рядам и долготе. Гласные заднего ряда являются огубленными, гласные среднего ряда слабо огубленными, гласные переднего ряда неогубленными. Система гласных первого слога показана в таблице. Гласные записаны с использованием знаков международного фонетического алфавита. В скобках через запятую указана орфографическая запись по словарю [1] и запись в финно-угорской транскрипции в соответствии с источниками [6] и [3] (при их расхождении указывается через косую черту).

Система гласных первого слога

	Передний ряд	Средний ряд	Задний ряд
Верхний подъем	i: (и, i)	i: (ы, i) ɨ (ý, ö / ŷ)	o: (у, u)
Средне-верхний подъем	e: (э, e) e (ə, ě / ə)		o: (ө, o) o (ö, ő)
Средне-нижний подъем	ɛ (ä, ä)		ɔ: (о, â) ɔ (ö, ő / ő)
Нижний подъем		a: (а, a) a (ä, ä)	

Вариативность фонемы /ɔ/

Фонема /ɔ/ характеризуется как краткая заднерядная огубленная гласная средне-нижнего подъема, встречается в таких словах, как *kõt* 'рука', *kõnax* 'легкий'. Орфографическая запись ö. В записях Л. Хонти обозначается как ŷ, у Н. И. Терешкина – ő.

В словарных материалах, подготовленных по записям 50-х гг., Н. И. Терешкин обозначал эту фонему для всех сургутских диалектов. Л. Хонти указывал на отсутствие этой фонемы в пимском, юганском, малоюганском говорах. М. Чепреги не исключает эту фонему из юганской системы, но пишет, что в юганском она произносится со слабой огубленностью.

По нашим данным, для информантов 2, 3, 7 выделение такой фонемы бесспорно. Данная фонема противопоставляется /o/ как более открытая и /ɛ/ как более задняя. У информанта 1 в тех же лексемах реализуется неогубленный звук, варьирующий в тех же диапазонах значений, что и /ɛ/. Мы можем сказать, что в идиоме данного информанта фонема /ɔ/ нейтрализовалась с фонемой /ɛ/ и отсутствует. Данные по информантам 4, 5, 6 не так однозначны. Мы наблюдаем крайне закрытое произношение соответствующих звуков, совпадающее с реализациями /o/, однако природа этой нейтрализации еще не вполне ясна.

Эти данные подтверждают необходимость особой графемы ö для открытого гласного. В то же время на месте ö при фиксации пимского и, вероятно, юганского материала следует писать ä.

Лексема со значением 'зять' Н. И. Терешкиным транскрибировалась как wõŋ, однако в орфографической практике употребляются варианты *wõu* / *wäu*. По нашим данным, информант № 1 произносит в этом слове фонему /ɛ/, но другие информанты употребляют здесь /o/. Таким образом, пимский, юганский вариант действительно должен записываться как *wäu*, но тром-аганскому произношению должна соответствовать запись *wõu*. Такая междиалектная вариативность /ɛ/ ~ /o/ не является регулярной в отличие от вариативности /ɛ/ ~ /ɔ/.

Вариативность фонемы /ɨ/

Фонема /ɨ/ характеризуется как краткая среднерядная огубленная гласная верхнего подъема, встречается в таких словах, как *rũũuta* 'брести', *kũm* 'склад'. Орфографическая запись ŷ. В записях Л. Хонти эта фонема обозначается как /ö/, у Н. И. Терешкина как /ü/.

У информантов № 2, 3 фонема имеет в качестве основного оттенка верхний среднерядный тембр. Более заднее произношение, имеющее u-образный тембр, наблюдается рядом с губными согласными. У информантов 1, 7 фонема реализуется неогубленной в словах *лүүй*

‘гной, слизь’, *сүй* ‘звук’ и имеет тембр очень закрытого [э]. При этом, насколько можно судить, нейтрализации с переднерядной краткой /e/ не происходит.

У информантов 4, 5, 6 фонема произносится в целом более отодвинуто, как заднерядная [u].

Таким образом, фонема выделяется для всех исследованных идиолектов, но наблюдается три различных варианта реализации: заднерядная, среднерядная и среднерядная с делабиализацией некоторых оттенков. Применение для нее особой графемы *у* оправданно.

Вариативность фонемы /e/

Фонема /e/ является краткой переднерядной неогубленной фонемой средне-верхнего подъема, встречается, например, в слове *сам* ‘сердце’. В описании Л. Хонти для обозначения этого звука использовался знак *ě*, однако Н. И. Терешкин характеризовал эту фонему как редуцированную и обозначал знаком *э*, который используется и в орфографической практике. Однако наши данные показывают, что в сильной позиции фонема реализуется как краткая и имеет редуцированный аллофон в позиции непервого слога.

Мы обнаруживаем вариативность в произнесении лексемы со значением ‘черпак’. Н. И. Терешкин транскрибировал ее как *ǰэ*, однако в современной орфографии используется запись *лүй*. Наши данные показывают, что в этой лексеме большинство информантов произносит краткий гласный, как это фиксирует словарь, что должно соответствовать написанию *лэй*. Однако у информанта № 7 мы действительно наблюдаем долгое произношение гласного в этом слове. Таким образом, вариативность *лэй* ~ *лүй* также может быть диалектно обусловленной.

Литература

1. Волкова, А. Н. Краткий русско-хантыйский словарь : (сургутский диалект) / А. Н. Волкова, В. Н. Соловар. – Ханты-Мансийск : Югорский формат, 2016. – ISBN 978-5-9907703-2-4. – Текст : непосредственный.
2. Терешкин, Н. И. Ваховский диалект хантыйского языка : (фонетика и морфология) автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Н. И. Терешкин. – Ленинград, 1967. – 19 с.
3. Терешкин, Н. И. Словарь восточнохантыйских диалектов / Н. И. Терешкин. – Ленинград : Наука, 1981. – 544 с. – Текст : непосредственный.
4. Чепреги, М. Сургутский диалект хантыйского языка / М. Чепреги ; под редакцией Н. Б. Кошкаревой ; редактор хантыйского текста А. С. Песикова ; перевод на русский язык Т. А. Ефремова. – Ханты-Мансийск : Печатный мир, 2017. – 275 с. – ISBN 978-5-6040448-0-3. – Текст : непосредственный.
5. Harrington, J. *Phonetic Analysis of Speech Corpora* / J. Harrington. – Wiley-Blackwell, 2010. – 292 p. – Text : direct.
6. Honti, L. *Zur Frage nach der Herausbildung der ostostjakischen Mundarten im Lichte der Lautgeschichte* / L. Honti. – Text : direct // *Acta Linnistica Academiae scientiarum Hungaricae*. – Budapest : Akadémiai Kiadó, 1981. – Т. XXXI. – P. 87–106.

**СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКА В ОПИСАНИИ ПРИРОДЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА М. К. АНИСИМКОВОЙ «НАЛЕДЬ»)**

В статье рассматривается роль стилистических приемов языка в описании природы исторического романа «Наледь» югорской писательницы Маргариты Кузьминичны Анисимковой.

Анализируется частота употреблений, роль, функции и значение эпитетов, метафор, олицетворений, сравнений, а также перечислений в романе. Каждый из приемов выражается по-разному, но все они имеют единую цель – привлечь внимание читателя к определенным пейзажам в тексте и обогатить его подробным описанием места действия.

Роль стилистических средств языка при изображении пейзажа в романе весьма велика: они помогают созданию яркого, образного текста и используются для выражения персонального отношения автора к изображаемым объектам, подробно описывают окружающую главных героев среду и картину в целом, что дает читателю возможность полностью погрузиться в атмосферу исторического романа.

Именно использование разнообразных стилистических приемов оживляет описываемый пейзаж, делает его красочным и запоминающимся, а также изображает подробную картину места действия, которая погружает читателя в реалистическую атмосферу романа.

Ключевые слова: языковые средства, стилистические средства, эпитет, сравнение, олицетворение, метафора, перечисление.

**STYLISTIC MEANS OF LANGUAGE IN THE DESCRIPTION OF NATURE
(ON THE MATERIAL OF THE HISTORICAL NOVEL BY M. K. ANISIMOVAS «FROST»)**

The article considers the role of stylistic methods of language in the description of the nature of the historical novel «Frost» by the Yugra writer Margarita Kuzminichna Anisimkovas.

The author analyzes the frequency of usage, role, functions and meaning of epithets, metaphors, personifications, comparisons, and enumerations in the novel. Each of the techniques is expressed in different ways, but they all have a single purpose-to draw the reader's attention to certain landscapes in the text and enrich it with a detailed description of the scene.

The role of stylistic means of language in creating a landscape in the novel is very great: they help to create a bright, imaginative text and are used to Express the personal attitude of the author to the depicted objects, describe in detail the environment surrounding the main characters and the described picture as a whole, which gives the reader the opportunity to fully immerse themselves in the atmosphere of the historical novel.

It is the use of a variety of stylistic techniques that animates the described landscape, makes it colorful and memorable, and depicts a detailed picture of the scene, which immerses the reader in the realistic atmosphere of the novel.

Key words: language means, stylistic means, epithet, comparison, personification, metaphor, enumeration.

---

*Федорова Мария Сергеевна,
магистрант кафедры русского языка и литературы
Гуманитарного института североведения
Югорского государственного университета
E-mail: manunichka.hm@yandex.ru*

Стилистика является разделом языкознания, посвященным изучению выразительных средств языка, занимая тем самым важнейшее место среди других дисциплин языкознания. В отличие от других предметов, анализирующих наличный состав единиц и категорий конкретного языка, систему их взаимосвязей и соотношений, то есть изучающих «что есть» в

языке, стилистика отвечает прежде всего на вопрос «как?»: как и при помощи каких средств используются единицы и категории данного языка для более точного выражения мысли.

Стилистика исследует проблематику «языкового употребления», это и есть предмет ее особого внимания. В этом ее смысл и сущность как самостоятельной науки среди других отраслей лингвистики.

Стилистические средства как важнейшие способы повышения выразительности речи известны в языкознании с античных времен, а к их анализу и классификации обращались многочисленные исследователи на протяжении многих столетий: Аристотель, Цицерон, Квинтилиан, Сократ, М. В. Ломоносов, Д. Э. Розенталь, И. И. Ковтунова и др.

Известно, что многие писатели целенаправленно вводят в свой текст те или иные конструкции, руководствуясь именно своими методами, разобравшись в которых читатель способен лучше понимать творчество великих мастеров словесности.

Стилистические средства в любом художественном произведении используются для красочного и подробного описания, а также для выражения персонального отношения автора к изображаемым в романе объектам и реалиям. Для того чтобы показать роль стилистических приемов языка в художественном тексте, мы взяли в качестве примера исторический роман югорской писательницы XXI века Маргариты Кузьминичны Анисимковой «Наледь».

Для описания пейзажа в романе «Наледь» автор использует такие стилистические средства, как эпитет, олицетворение, сравнение, метафора и перечисление.

Все стилистические приемы имеют единую цель – привлечь внимание читателя и выразить его персональное отношение к данному явлению, предмету и создать загадочную, но в то же время реалистическую атмосферу в романе.

Наиболее часто встречаемый стилистический прием – эпитет. Эпитеты направлены на яркое детальное описание места действия, они несут субъективно авторский характер. Также с помощью эпитетов можно описать не только место происходивших событий, но и внешние данные, составить психологический портрет персонажа, описать его уклад жизни, привычки, отношение к окружающему миру и т. д. [22, с. 11].

Так, А. А. Потебня и ряд его последователей, таких как Д. Н. Овсянко-Куликовский и А. А. Зеленецкий, в своих трудах противопоставляли «поэтическую» и «прозаическую» речь и, соответственно, речь образную и необразную: «Символизм языка, по-видимому, может быть назван его поэтичностью; наоборот, забвение внутренней формы кажется нам прозаичностью слова» [19, с. 174].

Поэтому А. А. Зеленецкий различал слова «прозаические», «звуковая форма которых служит только знаком, символом известного понятия или представления и не вызывает в нас никакого образа», и «поэтические», «произношение которых вызывает в нас образ, конкретное представление, отличное от того, которое составляет лексическое значение слова» [14, с. 153].

Таким образом, под эпитетами здесь подразумеваются прежде всего «украшения», определения, избыточные с точки зрения сообщения новой информации, однако помогающие восприятию уже сообщенного. С другой стороны, А. А. Потебня, равно как и его последователи, выражали уверенность в том, что именно поэтическая, образная речь является первичной, а прозаическая речь – вторичной. Благодаря работам данных исследователей проблема эпитета была также осмыслена как проблема историческая, требующая анализа не только с точки зрения абстрактной выразительности того или иного художественного текста, но и с точки зрения того, как данное выразительное средство использовалось в различные эпохи и в различных культурах, какое место оно занимало в системе выразительных средств.

По мнению А. А. Зеленецкого, эпитеты принадлежат именно к поэтической группе слов, автор подтверждает свою мысль тем, что «не внося, по большей части, ничего нового в наше сознание, они только выдвигают одно из качеств, присущих предмету, и этим сразу дают определенное направление работе нашего сознания при воспроизведении представлений, значительно облегчая тем понимание чужой речи» [14, с. 170].

А. Н. Веселовский в своей работе «Из истории эпитета» дает следующее определение эпитету: «Эпитет – это одностороннее определение слова, либо подновляющее его нарица-

тельное значение, либо усиливающее, подчеркивающее какое-нибудь характерное, выдающееся качество предмета» [8, с. 201].

Б. В. Томашевский различает *логическое* и *поэтическое* определение и считает, что эпитетом можно считать только второе из названных двух. С его точки зрения, логическое определение используется только с той целью, чтобы «наглядно выделить определяемое явление из всей группы ему подобных, чтобы целенаправленно указать на признаки, которыми оно отличается» [23, с. 220]. Поэтическое же определение, или эпитет, лишь отчасти повторяет уже имеющий «признак, заключающийся в самом определяемом слове, и имеет цель обратить внимание на данный признак или выразить эмоциональное отношение говорящего к предмету» [23, с. 223].

Надо отметить, что эпитет является одним из наиболее часто употребляемых стилистических приемов, его можно встретить практически в каждом художественном тексте, и анализируемый нами роман не является исключением.

В любом художественном произведении роль эпитета заключается в субъективном описании автором окружающего мира. Так, например: *...К вечеру пошел снежок. Маленькие пушистые снежинки неслышно касались земли, засыпали на дороге каждый узкий оледеневший след. Снег будто специально принарядил землю к Рождеству Христову...*

... Легкий ветерок пробежался по крыше, проищурил в промороженных сухих листьях березовых веников, дружками связанных под потолком...

...Зимние сумерки подкрались незаметно, окутали окна бусой дымкой...

Все эпитеты в совокупности с существительными, которые они определяют, помогают читателю погрузиться в атмосферу описываемой реалии. В приведенных выше примерах можно заметить частотное употребление слов «*снег*», «*лед*», «*мороз*», «*зима*» (*снежинки, снежок, оледеневший след, зимние сумерки, промороженные листья*), что больше похоже на описание предметов в сказке: все маленькое, миниатюрное, и это создает впечатление нереальности, но в то же время и какого-то уюта. «*Маленькие снежинки*», «*маленький снежок*», «*узкий след*», «*легкий ветерок*» – все вместе иллюстрирует личное отношение автора к описываемым предметам и явлениям.

Таким образом, эпитет как стилистический прием, представляет собой такое определение, которое передает более детальную информацию о какой-либо характеристике определяемого предмета или явления, дополнительную к его предметно-логической характеристике, т. е. стилистическую информацию.

Другой стилистический прием, присущий стилю М. К. Анисимковой, это сравнение – троп, в котором происходит уподобление одного предмета или явления другому по какому-либо общему для них признаку.

Сравнение, по мнению Н. П. Потоцкой, – это самый распространенный в публицистике и художественной литературе стилистический прием. Оно часто бывает приемом композиционным или служит основой для раскрытия образа с целью выявления контраста [21, с. 351].

Н. П. Потоцкая указывает, что существует некий признанный общий признак, который объединяет эти самые понятия, явления, предметы и лица. При этом она отмечает, что признаки, объединяющие схожие предметы и явления, не переносятся на сравниваемый предмет, как это происходит при создании метафор, а четко выделяются как самостоятельные единицы [21, с. 353].

Н. П. Потоцкая дает следующее определение сравнению: «Слово, обозначающее предмет или лицо, которое сравнивается, называется объектом сравнения; второй компонент сравнения определяется как термин сравнения» [21, с. 350].

И. Б. Голуб отмечает, что «сравнение – это важнейшее изобразительно-выразительное средство языка при помощи сопоставления одного предмета с другим с целью художественного описания первого» [9, с. 141].

Сравнение описывает разнообразные ассоциации, возникающие у писателя, они нередко создают целый ассоциативный ряд, необходимый для возникновения полного образа. Например, *...Река простиралась как шелковый ковер, до темной стены гор...*

...За поворотами показалось село, прижатое рекой к горе и спрятавшееся под ее боком от ветров и метелей. Придавленные снегом избы казались будто черными гнездами, выдолбленными в снежных заносах...

...Еле приметная тропа вела к проруби. Чтобы ее не заносили снежные бураны, была она обставлена пихтовым молодняком, словно мохнатый сосновый бор по весне ...

Сравнение помогает выявить схожие черты у сравниваемых предметов, добавляя образу наглядности, выразительности и живости. В приведенных выше примерах река сравнивается с шелковым ковром, то есть чем-то приятным, нежным и ласковым, умиротворяя спокойность человеческой души. Сельские же избы обретают образ черного гнезда, неухоженного, не защищенного от морозных бурь и ветров. Благодаря авторскому сравнению передается ощущение отсутствия надежности, заботы. Лишь суровость снежных заносов может на какое-то время окутать ветхое жилище простого рабочего люда. Тропа в описываемом примере не имеет особой значимости, автор подчеркивает ее безликость, но в то же самое время указывает на тот факт, что тропа ведет к проруби, к тому месту, где есть возможность напиться оледеневшей воды, набрать доверху в потертые от долгого использования и времени ведра льда. Тропу, обставленную мохматым молодняком, сравнивают с весенним сосновым бором. Суровость сибирского края очень одолевала простых крестьян, и в самые лютые морозы им чудилась весна, что ее приход уже не за горами, еще немного и продолжительность светового дня с каждым часом будет возрастать. А это значит, что холода на какое-то время покинут эти края, и на смену им придет новая жизнь, наступит цветение и обновление всего живого на земле.

Пейзаж обычно символизирует целостное и всеобъемлющее настроение романа, так, например, чистое небо, яркое солнце символизируют спокойствие, а гроза, буря, шторм всегда несут коннотацию тревоги и волнения.

В романе М. К. Анисимковой можно ярко отметить тот факт, что даже несмотря на внутреннее беспокойство главных героев, обстановка вполне спокойная и миролюбивая. Безоблачность неба, спокойствие реки, легкий ветерок иногда противоречат действительной атмосфере романа, что и создает таинственность и мистичность. Слишком идиллическая обстановка и вызывает беспокойство у главных героев и, как следствие, у читателя.

Другим стилистическим приемом, используемый автором романа, можно назвать олицетворение – это художественный прием, при котором неодушевленным предметам, явлениям и понятиям присуждаются свойства души и человеческих эмоций, чувств и качеств.

Современные исследователи, определяя олицетворение как «частный случай метафоры, т. е. перенос свойств предметов или явлений одушевленного мира на предметы или явления мира неодушевленного, подразумевают не условный характер олицетворения, а семантическое ограничение олицетворения в рамках метафоры.

Н. О. Гучинская относит олицетворение к метафорической группе, называя его то «самым примитивным метафорическим образованием», то «одушевленным вариантом аллегорией» [14, с. 33].

В. П. Ковалев, опираясь на семантическую классификацию метафор, обозначает олицетворение как «основной вид метафоризации» и отмечает существование «широко мыслимой персонификации», в которой выделяются две разновидности: «оживление» предметов неживой природы, зооморфизм, и их «очеловечивание», «своеобразный художественный антропоморфизм» [16, с. 102].

Еще А. А. Потемня отмечал, что олицетворение можно рассматривать на двух уровнях: олицетворение в мифологии и олицетворение как художественный прием. «В мифе существуют неразрывно образ и значение. С появлением разнородности в сознании человека образа и значения исчезает миф – возникает метафора». Термин «метафора» употреблялся А. А. Потемней для обозначения условного художественного приема, при котором «замена понятия не происходит, а только приписывается по традиции» [20, с. 111].

Е. А. Некрасова определяет олицетворение как «самостоятельное, «сознательное» функционирование какого-либо предмета (в широком значении этого слова)», однако она разграничивает антропоморфную метафору, в основе которой лежит перенос признаков по сход-

ству, и собственно олицетворение, то есть приписывание предметам и явлениям природы человеческих чувств и свойств без прямой связи со свойствами этих явлений. «При метафоре денотат пересказывается, а при олицетворении домысливается» [18, с. 44].

Я. И. Гин предлагает рассматривать олицетворение как комплексное понятие, имеющее отношение к психологии, эстетике, искусствознанию и филологии. В историко-генетическом аспекте Я. И. Гин определяет олицетворение как «присущее мифологическому сознанию свойств перенесения на неодушевленные вещи и явления черт живых существ или животных, а также наделение животных качествами человека» [11, с. 95].

В литературоведческом аспекте олицетворение рассматривается им как разновидность метафоры («метафоры» в понимании А. А. Потебни): «Важно подчеркнуть условность риторического олицетворения в противоположность безусловности олицетворения мифологического» [19, с. 174].

Олицетворение в лингвистике представлено, по мнению Я. И. Гина, грамматическим олицетворением. «Вид языкового олицетворения, при котором образный импульс как бы исходит от категории рода (только от рода либо от рода и лексической семантики) имени существительного, мы условно назовем грамматическим» [12, с. 176].

Олицетворение может использоваться как узко, в нескольких предложениях, так и в небольших фрагментах романа, но в то же самое время может быть приемом, на котором основывается буквально все произведение.

Основная задача олицетворения – соотнести изображаемый предмет с одушевленным предметом, сделать его ближе к читателю, понять внутреннюю сущность самого предмета. Разумеется, что действительно неодушевленные предметы при олицетворении оживают. Олицетворяя неодушевленные предметы природы, автор подчеркивает их значимость и весомую роль в произведении. Например, *...Луна давно поднялась над высоким берегом, ползла над черной стеной леса, освещала еле приметную дорогу по широкому руслу могучей Оби...*

... Стояла глубокая ночь. Яркая луна глядела в окно. На оконном стекле крепкий мороз написал хитрые узоры...

... Легкий ветерок пробежался по крыше, проиуршал в промороженных сухих листьях березовых веников, дружками связанных под потолком...

... Зимние сумерки подкрались незаметно, окутали окна бусой дымкой. В управе полумрак. Настенные часы щелкнули, и послышался ровный мелодичный бой...

... Сизый дым самосада перемещался в воздухе, тонкой струйкой тянулся к печи с открытой вьюшкой...

В приведенных примерах ярко иллюстрируется такое лексическое средство, как олицетворение. Самым ярким образом олицетворения является луна. М. К. Анисимкова вытесняет из общего потока именно луну, поскольку видит в ней некую путеводную звезду, луч, который может осветить темный и далекий путь в жизни человека. «Легкий ветерок пробежался», «зимние сумерки подкрались», «сизый дым перемещался в воздухе» – в данных примерах автор намеренно одушевляет изображаемые явления, тем самым доказывая, что в природе все подчиняется чувству единства. В мире природы человеку дышится легко и вольно, общение с природой способно «очистить» его от мирской суеты и тягот жизни.

Роль стилистических средств при создании пейзажа в историческом романе М. К. Анисимовой «Наледь» велика: они помогают созданию яркого, образного текста и используются для выражения персонального отношения автора к изображаемым объектам, подробно описывают окружающую главных героев среду, что дает читателю возможность полностью окунуться в атмосферу романа.

Именно поэтому использование разнообразных стилистических приемов оживляет описываемый пейзаж, делает его красочным и запоминающимся, а также рисует подробную картину места действия, которая погружает читателя в атмосферу таежного края Сибири.

Другой стилистический прием, который можно часто встретить в описании пейзажа, – метафора. Метафора содержит скрытое сравнение, образное уподобление явлений, это перенос значения слова, и то, с чем сравнивается предмет, лишь подразумевается автором. В ме-

тафоре определенные слова принимают новое, или, как его иногда называют, «расширенное» значение. Метафора заставляет увидеть один объект как бы в свете другого.

В основе языковой метафоры, как считает Н. Д. Арутюнова, заложены объективировано-ассоциативные связи, которые отражаются в коннотативных признаках, несущих данные либо об обиходно-практическом исследовании данного языкового коллектива, либо о его культурно-историческом видении. Например, слово «море» – безмерное водное пространство, поэтому и «безмерное количество» может быть названо морем. Мотивом для метафорического переноса могут служить отработанные в языке логико-синтаксические схемы структурирования групп событий или соположение в структуре мира вещных объектов – их предметно-логические связи, отражающие языковой опыт говорящих [3, с. 88].

Метафора, по мнению Е. С. Кубряковой, это утверждение о свойствах объекта на основе некоторого подобия с уже обозначенным в переосмысленном значении словом [17, с. 64].

В метафоре определенные слова принимают новое, или, как его иногда называют, «расширенное» значение. Например, *...Горы покрылись снегом, и великоленные белоснежные плечи еловой Тайги простирались до самого запада и на Север, по ту сторону реки...*

Здесь ели сравниваются с могучими плечами, что делает образ более величественным, а метафора придает тревожность общему описанию. В данном примере мы можем отметить необычное противостояние гор и могущественного елового бора, что создает атмосферу стихийной опасности и тревоги.

Стоит отметить, что перечисление играет важнейшую роль в описании окружающего мира. Перечисление – это стилистическое средство, которое представляет собой однородные члены: дополнения (обычно существительные), распространенные и нераспространенные.

Выразительность стилистической фигуры перечисления состоит в создании сильной экспрессии. Например, *...В Сибири тьма и свет так прекрасны, так вездесущи, так интенсивны, так дики по своей первозданной природе...* Как и в любом другом примере, здесь перечисление насыщает картину, придает красоту и яркость описанию.

Лексический уровень также является самым продуктивным и эффективным при лингвистическом анализе текста. Прежде всего лексика передает содержание произведения и представляет автору реальные возможности для выбора средств, выражающих его эмоциональное состояние. Этот уровень отражает индивидуальные особенности стиля автора, своеобразие художественного метода, философские и эстетические взгляды писателя. Например, *...Проскрипел плетеными коробами рыбный обоз, и скоро в мгlistых сумерках расплылись очертания лошадей, подвод, мужиков. С высоты взгорья казалось, что на тверди, скованной морозами реки, образовалась темная трещина и разделила ее на две половины...*

В приведенном выше примере мы видим, что автор, используя слова-историзмы «коробами», «обоз», тем самым помогает воссоздать колорит ушедших эпох.

Благодаря внедрению подобных историзмов в романе ярко проявляются черты национального облика народов манси. Например, *...Скрип нарт, перемерзшей упряжки, тяжелое дыхание оленей, хруст снега под их ногами наполняли округу...*

Использование архаизмов, историзмов, книжных слов позволяет приблизить нас к тому историческому времени, о котором ведется речь в романе. Например, *...Первые версты лошади шли медленно, будто примерялись к поклаже, к дороге, к окрику ямщиков...*

Употребляя устаревшие слова, автор помогает сохранить культуру нации, ее историю, самобытность и неповторимость.

Из проанализированных нами примеров были выбраны стилистические средства, используемые автором при описании пейзажа, и получились следующие результаты: эпитет – 112 случаев, перечисление – 60, метафора – 53, сравнение – 60, олицетворение – 44, перечисление – 32.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что роль стилистических средств в создании любого пейзажного описания огромна и ярко проиллюстрирована. Именно они оживляют описываемый пейзаж, делают его более реалистичным, красочным и запоминающимся, а также отображают подробную картину места действия, которая погружает читателя в реалистическую атмосферу романа.

Литература

1. Анисимкова, М. К. Наледь : исторический роман / М. К. Анисимкова. – Екатеринбург : Новое время, 2000. – 430 с. – ISBN 5-93714-001-X. – Текст : непосредственный.
2. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл : логико-самантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Наука, 1976. – Текст : непосредственный.
3. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Наука, 1988. – 339 с. – ISBN 5-02-010870-7. – Текст : непосредственный.
4. Арутюнова, Н. Д. Функциональные типы языковой метафоры / Н. Д. Арутюнова. – Текст : непосредственный // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – 1978. – Т. 37, № 4. – С. 333–343.
5. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 895 с. – ISBN 5-7859-0027-0. – Текст : непосредственный.
6. Бессарабова, Н. Д. Метафора как языковое явление. Значение и смысл слова: художественная речь, публицистика / Н. Д. Бессарабова ; под ред. Д. Э. Розенталя. – Москва : Изд-во МГУ, 1987. – 200 с. – Текст : непосредственный.
7. Бэн, А. Стилистика и теория устной и письменной речи / А. Бэн. – Москва, 1886. – 344 с. – Текст : непосредственный.
8. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – Москва : Высшая школа, 1989. – 342 с. – ISBN 5-06-000256-X. – Текст : непосредственный.
9. Голуб, И. Б. Русский язык и культура речи : учебное пособие / И. Б. Голуб. – Москва : Логос, 2003. – 247 с. – ISBN 5-94010-023-6. – Текст : непосредственный.
10. Гин, Я. И. Категория одушевленности/неодушевленности и проблема олицетворения / Я. К. Гин. – Текст : непосредственный // Тезисы 24-й научной конференции студентов. –Таллин, 1980. – С. 53–54.
11. Гин Я. И. Грамматические особенности олицетворения существительного «горе» / Я. И. Гин. – Текст : непосредственный // Язык русского фольклора : межвузовский сборник. – Петрозаводск, 1985. – С. 105–114.
12. Гин, Я. И. О корреляции рода и пола при олицетворении / Я. И. Гин. – Текст : непосредственный // Проблемы структурной лингвистики 1985–1987 / ответственный редактор В. П. Григорьев. – Москва, 1989. – С. 176–184.
13. Гин, Я. И. Поэтика грамматического рода / Я. И. Гин. – Петрозаводск : КГПИ, 1992. – 168 с. – ISBN 5-900225-01-1. – Текст : непосредственный.
14. Гучинская, Н. О. О происхождении и сущности метафоры в поэзии / Н. О. Гучинская. – Текст : непосредственный // Стилистика художественной речи. – Ленинград, 1980. – С. 30–46.
15. Зеленский, А. А. Эпитеты литературной русской речи / А. А. Зеленский. – Москва, 1913. – 200 с. – Текст : непосредственный.
16. Ковалев, В. П. Выразительные средства художественной речи / В. П. Ковалев. – Киев : Рад. школа, 1985. – 136 с. – Текст : непосредственный.
17. Кубрякова, Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е. С. Кубрякова. – Текст : непосредственный // Роль человеческого фактора в языке : язык и картина мира. – Москва : Наука, 1988. – С. 141–173.

18. Некрасова, Е. А. Олицетворение как элемент художественного идиостиля (фрагменты сопоставительного анализа) / Е. А. Некрасова. – Текст : непосредственный // Стилистика художественной литературы. – Москва, 1982. – С. 34–45.
19. Потебня, А. А. Из записок по теории словесности / А. А. Потебня. – Харьков, 1905. – 652 с. – Текст : непосредственный.
20. Потебня, А. А. Эстетика и поэтика / А. А. Потебня. – Москва : Искусство, 1976, – 614 с. – Текст : непосредственный.
21. Потоцкая, Н. П. Стилистика современного французского языка / Н. П. Потоцкая. – Москва : Высшая школа, 1974. – 247 с. – Текст : непосредственный.
22. Савчук, И. П. Функционирование частей речи в текстах легенд / И. П. Савчук. – Текст : непосредственный // Вестник Югорского государственного университета. – 2016. – № 1 (40) – С. 9–14.
23. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика / Б. В. Томашевский. – Москва, 1925. – 233 с. – Текст : непосредственный.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ
БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА С УЧЕТОМ УСЛОВИЙ БИЛИНГВИЗМА
(ОПЫТ И ПРАКТИКА)**

В статье представлены и описаны регламентные требования к поддержанию лингвистической аутентичности, к сохранению и развитию национальных языков на территории Российской Федерации. На основе практики решения заявленной проблемы и личного опыта авторов описан вариант включения в программный материал профессиональной подготовки будущих учителей-лингвистов, описаны процессуальные компоненты осуществления педагогического процесса в бикультурном пространстве.

Ключевые слова: педагогические технологии, процессуальные компоненты, педагогический процесс, билингвизм, инофоны.

**CURRENT PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES IN SYSTEM OF PREPARATION
OF FUTURE TEACHERS WITH REGARD TO THE CONDITIONS
OF BILINGUALISM (EXPERIENCE AND PRACTICE)**

The article presents and describes the regulatory requirements for the maintenance of linguistic authenticity, the preservation and development of national languages in the Russian Federation. On the basis of the practice of solving the stated problem and personal experience of the authors described the option of inclusion in the program material of professional training of future teachers of linguists, describes the procedural components of the pedagogical process in the bicultural space.

Key words: pedagogical technologies, procedural components, pedagogical process, bilingualism, foreign language.

---

*Копытов Анатолий Дмитриевич,
член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук,
профессор, главный научный сотрудник
Томского государственного педагогического университета*

*Черепанова Тамара Борисовна,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры теории и методики обучения русскому языку
историко-филологического факультета
Томского государственного педагогического университета
E-mail: Tb100@yandex.ru*

В качестве эпиграфа к данному материалу позволим себе привести фразу известного отечественного философа С. Н. Булгакова: «Самое могучее древо культуры, в котором отражается душа национальности, есть язык, поэтому, будучи отражением национальной культуры народа, язык должен изучаться в неразрывной связи с культурой этноса». Действительно, язык – это душа общества, и сохранение его – это сохранение народа, сохранение уникального культурного капитала. Активность и культураносность каждого из зафиксированных в настоящее время языков (а разные ученые насчитывают от двух с половиной до шести тысяч), несомненно, различна, как и ареал их использования.

И все-таки зачем необходимо учитывать в образовательном пространстве условия билингвизма (а в некоторых случаях и полилингвизма)? Несомненно, язык – это хранилище культурных традиций народа, прекращение функционирования языка – первый шаг к прекращению существования и уникальности народа. Наблюдения социологов позволяют утверждать, что при наличии в бикультурном пространстве ограничений на родной язык наблюдается ситуация, когда ни один язык человек не знает в полной мере: в образователь-

ном учреждении обучающимся изучается и на теоретическом, и на практическом уровнях один язык (государственный), а в быту – другой, родной, на котором говорят, но которого не знают нормативно. Этот диссонанс приводит к языковым утратам и государственного, и родного языков. Может поэтому в ряде государств приходят к потребности расширить языковые границы, в том числе на уровне регионов? Например, в Венеции (Италия) наряду с государственным итальянским с 2016 года в учреждениях образования, в государственных учреждениях и на уличных знаках введен венецианский язык (регламентное начало этому процессу положено принятием в 2007 году регионального закона о венецианском языковом и культурном наследии), а в Канаде, где два официальных языка – английский и французский, уже в этом году (2019 г.) в парламент представлен закон о языках коренных народов [1].

Актуальность учета в процессе подготовки будущих педагогов-лингвистов (и не только) условий билингвизма является ненадуманной для отечественного образования в силу ряда реальных обстоятельств нашего общества. Российская Федерация – государство многонациональное, при этом не «паспортно» многонациональное, а реально многонациональное: на территории нашей страны нормативно не только разрешено, но и поддерживается развитие национальной культуры (и языка, соответственно, тоже). Так, в Конституции РФ отмечается, что «каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества» (ст. 26.2) и «Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития» (ст. 68.3) [2]. В законе «Об образовании в Российской Федерации» зафиксировано право человека на сохранение своей национальной идентичности.

Конституционный постулат поддержан законами Российской Федерации, среди которых особое место занимают законы «О языках народов Российской Федерации» (1991) [3] и «Об образовании в Российской Федерации» (2012) [4]; в первом из названных закреплено равноправие языков народов Российской Федерации как совокупность прав народов и личности на сохранение и всестороннее развитие родного языка, свободу выбора и использования языка общения и гарантируется право свободного выбора языка образования, а во втором – гарантии государства на возможность получения образования на родных языках из числа языков народов Российской Федерации, изучения государственных языков республик Российской Федерации, родных языков из числа языков народов Российской Федерации, в том числе русского языка как родного языка (см. ст. 11.5.1 и др.).

Таким образом, важность включения профессионально ориентированной информации для будущих педагогов в области билингвизма, в области бикультурности, оснащение обучающихся педагогических вузов (и прежде всего будущих филологов) техниками и технологиями, позволяющими работать в формате одинаково уважительного отношения к носителям различных культур, не вызывает вопросов в своей актуальности.

В этой связи закономерно фокусное внимание при разработке современного содержания общего образования к культурологической компоненте развития личности обучающегося, на учет значимости культуры (и языка, лингвистического образования в том числе) в развитии личности, на формировании гражданского самосознания и формирования ее внутреннего мира с учетом национального менталитета. Эта позиция коррелируется социальным заказом на цели, задачи, содержание образования, определяя содержательные компоненты педагогической деятельности. Логическим продолжением решения данной задачи выступает отбор методов, средств, форм, приемов, технологий и других процессуальных компонентов осуществления педагогического процесса в бикультурном пространстве.

В логике данного исследования акцентируем внимание на ряде научных публикаций по данной проблематике. Так, интересна позиция Л. П. Хабаровой, что «хотя многие языковые программы заявляют о направленности только на язык, на самом деле, очень часто содержат билингвальные способы использования языка – в учебном материале, в употреблении языка учителем и, безусловно, в употреблении языка учащимися. Более того, с попытками учителей использовать только изучаемый язык в обучении иногда в двуязычных образовательных програм-

мах можно проследить языковую идеологию, очень близкую к идеологии языковых программ, а именно – отсутствие перевода и запрет использования двух языков на одном уроке» [5, с. 848].

Другой исследователь – Л. В. Вахрушева – в логике собственного исследования акцентирует внимание на лингвокультурологический контекст, отмечая «значимость культурологического аспекта в изучении языка, которая заключается в сопоставительном рассмотрении языковых явлений с обращением к особенностям соотношения формы и смысла в изучаемых языках. Использование материала названного характера ... не только внесет в учебный процесс, в уроки языкового цикла дополнительную познавательную информацию, способную заинтересовать учащихся, но и повысит эффективность и результативность методической работы по формированию и развитию и продуктивных, и рецептивных видов речевой деятельности» [6, с. 4–5].

Имея в собственной практике опыт реализации образования в условиях билингвизма и понимая важность формирования потенциальных качеств будущих педагогов – лингвистов для осуществления подобной практической деятельности, были разработаны некоторые элементы, включенные в контекст курсов профессионального педагогического образования, в том числе в системе повышения квалификации.

Так, включение обучающихся в контекст практико-ориентированного поля по обеспечению обучения языку в условиях билингвизма начинается нами уже на первом курсе вуза, в рамках курса «Системно-структурного языкознания» посредством акцентного теоретического информирования о специфике и особенностях языковой личности, об особенностях проявления билингвизма и полилингвизма в мировой практике. Так, в качестве иллюстратива представляется опыт государств с зафиксированным на официальном уровне многоязычием (например, Австрия – хорватский, венгерский, словенский, Швейцария – немецкий, французский, итальянский, ретороманский, Белоруссия, Казахстан, Киргизия – наряду с белорусским, казахским и киргизским соответственно наравне принят русский язык и др.), особо описывается языковая ситуация в Российской Федерации (Татарстан, Башкортостан, Республика Саха и др. регионы). Данный элемент курса позволяет обучающемуся акцентно принять билингвизм как явление современного общества и свою профессиональную востребованность как лингвиста в этой формации, а также востребованность в сформированности данной педагогической компетентности на территории региона (в Томской области).

Логическое продолжение заявленное проблемное поле получает в курсе методики обучения русскому языку, где также уделяется внимание проблеме обучения детей-билингвов. Специфика включения учебного материала ориентируется совокупностью задач практического представления языка как функционирующей системы, методическое оснащение изучения языковых фактов двух языков в сравнении и по отдельности и во взаимовлиянии языков. Значимыми в данном контексте являются труды не только лингвистов, но и педагогов, среди которых считаем важными отметить труды В. П. Борисенкова, Б. Л. Вульфсона, М. В. Кларина, З. А. Мальковой и др., позволяющих контекстно рассмотреть совокупность возможных аспектов поликультурного образования в современном мире, которое позволяет разработать корректные формы и методы реализации обучения на основе учета билингвизма обучающихся.

В системе повышения квалификации и переподготовке рассматриваемая нами проблема является актуальной в том числе и в силу ряда политических процессов, приведших к активной миграции и появлению детей-инофонов и билингвов. В данной связи педагог сталкивается с рядом новых для себя задач, что востребует в том числе проработки особых процессуальных компонентов осуществления психолого-педагогического процесса. Так, в рамках курсов повышения квалификации «Теория и практика основ языковой адаптации детей-инофонов и их психолого-педагогическое сопровождение» (ноябрь 2018 г., Региональный центр развития образования, г. Томск) нами была подготовлена и проведена серия теоретических и практических занятий по научно-методическому обеспечению языковой подготовки обучающихся. Вектором нашего видения решения проблемы мы избрали принципы витагенной педагогики, позволяющие определить запоминание информации с определенным сроком «хранения» в зависимости от ее значимости, жизненной и практической направленности для обучающегося. В данной логике были представлены и проанализированы известные учебные пособия, реко-

мендованные к использованию в общеобразовательной практике, обоснованы и представлены общие методические рекомендации, в том числе форматные варианты для составления учебных заданий (варианты лексической работы, упражнений, направленные на развитие артикуляционной базы, варианты вопросно-ответной работы, специфические диалоговые задания и пр.).

Литература

1. Tasker, J. P. Ottawa tables legislation to protect and promote Indigenous languages, Inuit call it 'colonial' / J. P. Tasker. – Text : electronic // CBC. – 2019. – URL: <https://www.cbc.ca/news/politics/ottawa-indigenous-languages-legislation-1.5006504> (Date of circulation 11.06.2018).

2. Российская Федерация. Законы. Конституция Российской Федерации. – Текст : электронный // КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (Дата обращения: 25.04.2019).

3. Российская Федерация. Законы. О языках народов Российской Федерации : Федеральный закон Российской Федерации от 25.10.1991 № 1807-1. – Текст : электронный // КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/ (Дата обращения: 25.04.2019).

4. Российская Федерация. Законы. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ. – Текст : электронный // КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (Дата обращения: 25.04.2019).

5. Хабарова, Л. П. Билингвальное образование в высшей школе: зарубежный и отечественный опыт /Л. П. Хабарова. – Текст : непосредственный // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. – 2011. – № 24. – С. 846–852.

6. Вахрушева, Л. В. Билингвизм и современное языковое образование / Л. В. Вахрушева. – Текст : непосредственный // Вестник Удмуртского университета. Филологические науки. – 2007. – № 5 (1). – С. 3–9.

Статья выполнена в рамках научного подпроекта «Подготовка будущих учителей начальных классов к работе с детьми-билингвами» комплексной программы и плана научно-исследовательской, проектной и научно-организационной деятельности Научного центра Российской академии образования на базе Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета на 2018–2020 годы.

Г. А. Шиганова, О. А. Бахтина

ПОДГОТОВКА БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ К ОБУЧЕНИЮ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЕТЕЙ МИГРАНТОВ

В статье представлен материал по проблеме обучения в начальной школе детей-билингвов и проанализированы основы подготовки студентов – будущих учителей к названному процессу. Освещены основные трудности обучения и воспитания детей, которые находятся в неродной среде (а именно о них идет речь в статье), что важно не только для родителей, воспитателей и учителей, но и в первую очередь для тех, кто готовится к работе с такими детьми, чтобы организовать учебно-воспитательный процесс в соответствии с требованиями ФГОС НОО и новыми тенденциями в современном обществе.

Ключевые слова: мигрант, билингвизм, языковая картина мира, менталитет, коммуникативная компетенция, социокультурное пространство.

TRAINING OF PRIMARY SCHOOL TEACHERS-TO-BE TO TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE TO THE CHILDREN OF MIGRANTS

In the article the problems of teaching bilingual children in primary school and the basis of teachers-to-be training are represented and analyzed. The main difficulties of teaching and raising children in non-native environment are highlighted, which is important not only for parents, nursery teachers and primary school teachers, but primarily for those who are preparing to work with such children to organize teaching and educational process in accordance with the requirements of Federal Educational Standards of Primary General Education and in line with new trends in modern society.

Key words: migrant, bilingualism, linguistic view of the world, mentality, communicative competence, social and cultural space.

---

*Шиганова Галина Александровна,
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой русского языка,
литературы и методики обучения русскому языку и литературе
Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета
E-mail: shiganovaga@cspu.ru*

*Бахтина Ольга Александровна,
заместитель директора по учебно-воспитательной работе
муниципального автономного общеобразовательного учреждения
«Средняя общеобразовательная школа № 6 города Челябинска
имени Зои Космодемьянской»
E-mail: shkol6@mail.ru*

Интеграция государств в современном мире – явление, уже ставшее закономерным, и одной из актуальных проблем становится поиск механизма использования многообразия социокультур и языков. Данный механизм может и должен служить фактором взаимного обо-

гащения, инструментом творческого развития и социальной активности личности. Главная цель нашего государства – развивать продуктивный диалог между представителями разных лингвосоциумов. К такому механизму можно отнести филологическое образование в начальной школе, базирующееся на межкультурной парадигме. В нашей стране миграционные процессы приняли такой размах, что современные школы нуждаются в специальных программах обучения детей мигрантов, которые, приезжая из других стран, чаще всего из Средней Азии, не владеют или плохо владеют русским языком и, попадая в русскоязычную среду, испытывают немало трудностей как в бытовом общении, так и во время образовательного процесса. Поэтому одной из задач высшего учебного заведения педагогической направленности является подготовка будущих учителей, направленная на формирование у студента прежде всего межкультурной коммуникативной компетенции, в структуру которой входят функциональные умения преодолевать конфликты в процессе коммуникации, корректировать свое речевое поведение в зависимости от ситуации и местонахождения, понимать взгляды и мнения представителей другой культуры, признавать право на существование различных ценностей и норм поведения. Такая направленность подготовки создает основу для профессиональной мобильности будущего специалиста, формирует у него способность к адаптации в быстро меняющихся условиях жизни, увеличивает возможность профессиональной самореализации на основе коммуникативности и толерантности.

В 2018 году Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет приступил к реализации проекта «Развитие глобальной компетентности будущего учителя начальных классов 21 века» в рамках комплексной программы и плана научно-исследовательской, проектной и научно-организационной деятельности Южно-Уральского научного центра Российской академии образования на 2018–2020 годы «Педагогическое образование на Южном Урале: научные основы развития и инноваций». Кафедра русского языка, литературы и методики обучения русскому языку и литературе реализует подпроект «Подготовка будущих учителей начальных классов к работе с детьми-билингвами», базой исследования является образовательная организация «Муниципальное автономное общеобразовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа № 6 города Челябинска имени Зои Космодемьянской». Эта школа была выбрана неслучайно, так как в ней обучается большое количество детей мигрантов, нуждающихся в специальной психолого-педагогической помощи и специальной языковой подготовке. В данном образовательном учреждении реализуется специальная авторская корректирующая программа «Русский язык без границ», ориентированная на учеников-мигрантов, недостаточно владеющих русским языком. Она обеспечивает необходимую базу для их успешной коммуникации в условиях русской языковой среды. Студенты, обучающиеся на факультете подготовки учителей начальных классов, в этой школе проходят педагогическую практику, готовясь к работе с детьми, недостаточно владеющими русским языком.

Основной целью языковой подготовки детей-билингвов является формирование коммуникативной компетенции. Учитель должен научить ребенка сложным коммуникативным навыкам и умениям, сформировать у него адекватное поведение в социуме, дать основы знаний культурных норм и ограничений в общении, а самое главное – показать различие в обычаях, традициях и этикете у разных народов. Ученик должен знать и соблюдать правила приличий, проявлять воспитанность, ориентироваться в коммуникативных средствах, присущих национальному менталитету.

Будущий учитель начальных классов должен уметь решать комплекс важных практических задач, чтобы научиться различным методикам формирования коммуникативной компетенции у детей, плохо владеющих русским языком. Во время обучения в вузе студент должен овладеть не только знаниями, умениями и навыками по предметному курсу, но прежде всего должен стремиться к познанию «культурного кода» русского народа и других социокультур. Только тогда он станет образцом для учеников области владения коммуникативными навыками, в частности, умением отбирать средства языка в соответствии с речевой ситуацией. Будущий учитель должен стремиться овладеть знаниями структуры и содержания

курса «Русский язык», но уметь методически грамотно подходить к планированию уроков по русскому языку в начальных классах, где есть дети, для которых русский язык не является родным, это дети мигрантов, вынужденных переселенцев, дети из смешанных семей. В базовой школе № 6 г. Челябинска в 2018/2019 учебном году учились дети 12 различных национальностей, имеющие разный уровень владения русским языком.

Учителю начальных классов при обучении таких детей важно обратить внимание на формирование следующих коммуникативных навыков:

- умение выбирать средства языка в соответствии с ситуацией; то есть развивать устную и письменную речь;
- освоение первоначальных знаний о структуре и содержании русского языка;
- овладение обучающимися умениями вести диалог как с представителями своей культуры, так и с людьми другой лингвокультуры; развитие монологической речи;
- воспитание у обучающихся положительного отношения к русскому языку, формирование творческого интереса к русскому языку, стремления совершенствовать свои лингвистические способности.

На факультете подготовки учителей начальных классов ЮУрГГПУ студентам важно овладеть не только специальными знаниями по предметам для обучения детей-билинггов, но и необходимо знать особенности менталитета детей разных национальностей, их культурной среды, выходцами из которой они являются. Нужно научиться умело соединять знания методики преподавания русского языка как родного и русского как неродного. Начинаящий учитель должен знать и применять разные методы, приемы, виды упражнений и заданий, прислушиваться к рекомендациям школьного психолога и учителей-наставников, имеющих опыт обучения детей-билинггов.

В начальной школе обучающийся должен овладеть такими коммуникативными умениями и навыками, которые помогут ему удовлетворять жизненные притязания. Кроме лингвистической компетенции, ребенок-билингв должен сформировать навыки поведения в русской социокультурной среде, знать национально-культурную специфику русского речевого поведения в различных ситуациях, уметь вступать в активный речевой контакт на русском языке. По мнению Т. Б. Радбиля, «область речевого этикета из всех речеповеденческих единиц обладает, пожалуй, максимальной степенью семиотичности как следствие национально-культурной обусловленности» [3, с. 296]. Учитель должен показать и объяснить ребенку «культурный код» русской нации по сравнению с его родным «культурным кодом» для осознания стереотипов русского языкового сознания и для ориентированности в культурном пространстве России. Как указывает профессор Н. Ф. Алефиренко, «коды культуры как феномен универсальны по природе своей «...», однако удельный вес каждого из них в определенной культуре, а также метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обуславливаются конкретной культурой» [1, с. 159].

При отборе материала для учебных занятий необходимо учитывать следующие принципы: принцип коммуникативной направленности обучения, принцип учёта родного языка, принцип учёта трудностей русского языка, принцип учёта культурных различий, а также принцип интенсивности, обеспечивающий быстрое вхождение школьника в систему обучения. Важным для ребенка-инофона является «двуязычие, естественно возникающее в условиях повседневных контактов с носителями двух языков» [2, с. 276–277].

Учебное занятие должно представлять собой интеграцию теоретической и практической части: правила, необходимые для оформления речи, должны быть подчинены практическим упражнениям и речевой практике, реализующим принцип коммуникативной направленности обучения русскому языку учащихся-билинггов. С точки зрения Г. А. Шигановой, «немаловажным для усвоения трудной системы русского языка является использование информационно-коммуникационных технологий на уроках и внеурочной деятельности. Это позволяет расширить возможность демонстрации наглядности и применять её как основу для практической деятельности учащихся» [4, с. 207–208].

Независимо от этапа обучения русскому языку постоянно должна проводиться работа по обогащению словарного запаса учащихся, грамматическому согласованию и управлению словами, формированием устойчивых произносительных и интонационных навыков.

Представляется целесообразным проводить с указанной категорией обучающихся дополнительные индивидуальные занятия, направленные на снятие трудностей в области произношения, понимания смысла слов, чтения, на предупреждение различных типов ошибок – орфоэпических, лексических, орфографических, пунктуационных, грамматических. Все это, безусловно, поможет более быстрой ассимиляции детей мигрантов в русском социокультурном пространстве.

Литература

1. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология : ценностно-смысловое пространство языка : учебное пособие / Н. Ф. Алефиренко. – Москва : Флинта : Наука, 2010. – 288 с. – ISBN 978-5-9765-0813-2. – Текст : непосредственный.

2. Пищальникова, В. А. Общее языкознание : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур»/ В. А. Пищальникова, А. Г. Сонин. – Москва : Академия, 2009. – 448 с. – ISBN 978-5-7695-6221-1. – Текст : непосредственный.

3. Радбиль, Т. Б. Основы изучения языкового менталитета : учебное пособие / Т. Б. Радбиль. – 3-е издание. – Москва : Флинта : Наука, 2013. – 328 с. – ISBN 978-5-9765-0700-5. – Текст : непосредственный.

4. Шиганова, Г. А. Социально-педагогические условия освоения системы русского языка ребенком из семьи мигрантов в начальной школе / Г. А. Шиганова. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2018. – № 6. – С. 203–213.

LOCATIVE SENTENCES IN KAZYM KHANTY*

The following investigation aims to describe the locative sentences of Kazym Khanty (Uralic, Ob-Ugric), distinguishing them from existential sentences. Furthermore, it contributes to the research on the conditions of copula-dropping in Khanty. The corpus consists of sentences collected from various written sources of non-folkloric texts, published in the last 50-60 years. As the investigations are based on written sources, the results are to be considered preliminary.

Keywords: North Khanty, locative, copula, copula dropping.

---

*Sipos, Mária
PhD*

*Research Institute for Linguistics, Hungarian Academy of Sciences
E-mail: sipos.maria@nytud.mta.hu*

---

1 Introduction

In the present paper I will examine the Kazym Khanty locative sentences. The earlier language descriptions, e.g. [28], [18] concentrated primarily on phonology and morphology, and hardly discussed syntax. Later, in the monographs having chapters on syntax, clauses with non-verbal predication are briefly introduced [8], [13, p. 157–160,] [9, p. 142–143]. In these chapters, it is mainly the predicative sentences that are described, locative or existential clauses are rarely presented. In Solovar's monograph [26], locative sentences are analyzed but they are discussed together with existential sentences [26, p. 44–49]. The aim of the present paper is to contribute to the description of the characteristic features of Kazym Khanty locative sentences focusing on structure and the conditions of copula dropping.

1.1 Locative sentences

In locative sentences, the stay or being of a person or object, already mentioned or belonging to the common knowledge, at a place is expressed. The basic elements of locative sentences are the theme element (the subject of the sentence), the location element, and a copula. These three elements are also characteristic of existential sentences, however, the locative element is not obligatory. Although in the literature, the semantic and syntactic similarities between locative and existential sentences are often emphasized, establishing the distinction is not impossible. According to Creissels' research [4], existential clauses can be understood as inverse locative clauses. "(...) What distinguishes existential clauses from plain locational clauses is a different perspectivization of figure-ground relationships whose most obvious manifestation is that, contrary to plain locational clauses, existential clauses are not adequate answers to questions about the location of an entity, but can be used to identify an entity present at a certain location." [4, p. 1–2]. From the point of view of the sentences to discuss, presentational sentences should also be mentioned. "Presentative utterances are speech events in which the speaker »call[s] the attention of an addressee to the hitherto unnoticed presence of some person or thing in the speech setting« – [11, p. 39, p. 177], cited by Creissels [4, p. 15].

1.2 Copulas and semi-copulas

On the basis of Pustet [17] the definition of copulas can be given as follows: "A copula is a linguistic element which co-occurs with certain lexemes in certain languages when they function as predicate nucleus. A copula does not add any semantic content to the predicate phrase it is contained in." [17, p. 2]. There can also be semi- or quasi-copulas in the Kazym Khanty locative sentences. Semantically,

---

*Work on this paper was supported by the project *Nominal Structures in Uralic Languages*, No. 125206 (National Research, Development and Innovation Office, Hungary).

their position is “(...) intermediate position between copulas and full verbs in that they show similarities with both lexeme types”. Considering syntactic function, quasi-copulas are similar to copulas (see above), i.e. they can never function as predicates on their own. However, they do have semantic content, i.e. “they add meaning to the predicate they are contained in.” [17, p. 6].

1.3 Copula dropping

As summarized in [17], regarding predicative sentences, copula-dropping can be conditioned by numerous factors. In some languages, it can be freely omitted, i.e. copula-dropping may occur in any context. In other languages, it is triggered by various grammatical categories, e.g. tense, person, certain word classes the subject belongs to, negation etc. [17, p. 34–36].

With respect to Hungarian locative sentences, it has been observed that copula-dropping is not limited to sentences with predicates containing a noun in nominative case but may also occur in locative sentences, e.g. [6, p. 29]. According to Dömötör’s results, when the locative element is expressed with the adverbials *itt* ‘here’, *ott* ‘there’, *hol* ‘where?’, and, at the same time the subject is definite (in 93% of the sentences) the copula is often dropped [6, p. 29–36]. Communicative meaning may differ from the literal interpretation, as it involves, among other things, extra contents deriving from the place and time of the actual communication [2, p. 4]. These observations direct the attention to the possible significance of certain factors of the communication.

Solovar classified locative elements on the basis of extralinguistic factors, i.e. size and form of the locative element, but did not mention any correlations of these subgroups with syntax [26, p. 44–49].

The results of the above mentioned investigations may be in connection with the distinction between *stage level vs individual level* or *temporary vs permanent*. According to the results of numerous investigations, languages have various means to differentiate events, attributes etc. that can be considered permanent from those that should be treated as temporary [4, p. 5]. Both the spatial properties of the locative element and the communicational environment of the utterance may be related to the above mentioned distinction.

1.4. Research questions

The paper aims to give answers to the following questions: (a) What is the typical word order of locative sentences? (b) What is used to express the basic elements of locative sentences? (c) Do the subject and the copula of the sentence agree? (d) Is it possible to describe the conditions of copula dropping on the basis of written sources?

The paper is organized as follows: in Chapter 2, the Kazym Khanty language is briefly introduced and the sources of sentences are described. Chapter 3 discusses the structure of locative sentences. In chapter 4, the possible conditions of copula dropping are surveyed. The results of the paper are summarized in Chapter 5.

2 The Khanty language and the sources of the present research

The Khanty language belongs to the Ugric branch of the Uralic language family. It is spoken in Western Siberia along the Ob River and its tributaries. Its dialects are divided into northern, southern, and eastern groups, however, the southern dialects disappeared at the beginning of the 20th century.

The Russian expansion reached Siberia in the 16th century, i.e. the Russian language appeared in this area centuries ago, and played the role of the official language of the region well before the Soviet times [3, p. 19–21]. After 1917, on the one hand, the dominant Russian influenced the vocabulary, syntax etc. of the minority languages to a great extent. On the other hand, many of the speakers of minority languages have shifted to Russian.

According to the 2010 census [16], 30,943 people identified themselves Khanty, however, the number of speakers are estimated cca 10,000. Khanty is an endangered language: in our days there are no monolingual Khanty speakers, and young people typically either understand and speak a little Khanty or they are monolingual speakers of Russian.

The Kazym dialect belongs to the northern group. It is spoken along the Kazym River, which is an eastern tributary of Ob. It has several characteristic features, i.e. in the vowel and consonant sys-

tem which are difficult to acquire and produce to the neighboring dialects [22, p. 31]. Nevertheless, its prestige is high, partly due to the amount of printed material published in this dialect.

The majority of the examples are from printed material. As locative sentences are quite rare in folklore texts, the following genres have been surveyed: school books [23], language descriptions for didactic purposes [21] [26], course book [10], short stories [29], texts on the Khanty culture [18], compilations of various texts [5] [19], conversation book [14], newspaper articles (Xanty Jasang)¹. With this method, more than 60 sentences² were collected. Questions were excluded, and, on the basis of the above mentioned sources, the investigation of negation is impossible because of the low number of locative sentences.

3 The structure of locative sentences

The distinction of locative and existential sentences is in close connection with the informational structure of Khanty sentences, i.e. with the scheme in which topic is at the beginning of the sentence, while the new or emphasized element of the sentence occupies the position preceding the verb [15, p. 58–61]. In accordance with it, the word order of the locative sentences is quite uniform: Theme – Locative element – Copula (1). If, of the three elements, the locative element is sentence-initial, while the theme element immediately precedes the copula the meaning will be existential (2) (3):

- (1) *amp-em jǎan wɔa-maa.*
dog-1SG³ at.home be-EVID.PST.3SG
'It seems that my dog was at home.' [26, p. 49]
- (2) *tũkjakəŋ kɔrt-ən pũłńitsa kũləp pa tũt*
T. village-LOC hospital club and fire
χũrət-ti χɔt wɔa.
put.out-PTCP.PRS house be.PRS.3SG
'In the village of Tugijani, there is a hospital, a club, and a fire station.' (Xanty Jasang 3461)
- (3) *tǎta kǎrs̄ rep-ət, pasti ǫw-ti jǫχan-ət.*
here high hill-PL fast stream-PTCP.PRS river-PL
'There are high hills and swift rivers here.' [23, p. 151]

It may be the influence of Russian that is shown in the sentences in which the new element of the sentence follows the copula element of the locative construction. It must be emphasized that the order of theme element and locative element is the same as described above. This word order is represented by one example in the corpus (4):

- (4) *śi pǫrməs-ət intam wɔa-ɹ-ət muśej-ət-ən.*
that.ADJ thing-PL these.days be.PRS-PRS-3PL museum-PL-LOC
'Today these things are in museums.' [18, p. 32]

3.1 Theme

As in the Khanty language there are neither definite nor indefinite articles, the definiteness of the theme element (subject) can be marked with a pronominal element (5), or a possessive pronoun (6), furthermore, the subject can be expressed with a proper noun or a personal pronoun, as well as the definiteness / indefiniteness can be clear from the context.

- (5) *śit śi χɔt pũŋələn.*
that.N that.ADJ house by
'It is near that house.' [14, p. 64]

¹ <http://www.khanty-yasang.ru/khanty-yasang/no-133409>

² See footnote No. 5.

³ Abbreviations: ADJ: adjective – COMP: comparative – DU: dual – EVID: evidential – LOC: locative – N: noun – PL: plural – PRS: present – PST: past – PTCP: participle – SG: singular – 1: first person – 2: second person – 3: third person.

- (6) *aj püt-en rat χōnəη-ən.*
 small pot-2SG fireplace edge-LOC
 ‘The / your small pot is near the fireplace.’ [26, p. 45]
- (7) *χǎnti-mansijskoj avtonomnoj okrug mǔη mǔw-ew kǔtəp-n*
 hanti-manyisi autonóm körzet mi ország-1pl közép-loc
wɔA, (...)
 van.prs.3sg
 ‘The Khanty-Mansi Autonomous Okrug is in the heart of our country, (...).’ [10, p. 241]
- (8) *ǎw tǔt’-jǔχ-i paj sajən.*
 He/she fire-wood-ADJ pile behind
 ‘He/she is behind the pile of firewood.’ [26, p. 48]

3.2 Location

The locative element can be a noun with a suffix (7) or postposition (5), a pronoun with a postposition, an adverbial (1) etc.

In Solovar’s monograph [26], the locative element is discussed from semantic as well as extralinguistic aspects. She differentiates accurate and proximate localization, well-defined and close vs open locations, container-like locations, as well as abstract locations following Russian patterns. She claims on the locations defined in relation to a person claiming that it marks temporary whereabouts. The above semantic grouping is not linked to any syntactic consequences.

3.3 Copula

In the Kazym Khanty locative sentences it is the be-verb that most often plays the role of copula. In present tense it is often dropped (the possible conditions of copula-dropping see below). In past tense (9), as well as in the case of further verbal information (e.g. evidential) it is obligatory (10):

- (9) *śi χǎr tǎm pǔš (...)* *katra sɔrχana nem-əp*
 that.ADJ happening this.ADJ time old S. name-ADJ
wɔš-n wɔs.
 town-LOC van.PST.3SG
 ‘This time the festival was (...) in Old Surgut.’ (Xanty Jasang 3409)

- (10) *pǔχ-εm χǔAna pǔłhítsaj-ən wɔA-taA.*
 son-1sg still hospital-LOC be-EVID.PRS.3SG
 ‘It seems that my son is still in the hospital.’ [26, p. 47]

As illustrated with the above examples – and the ones below – the subject and the copula of the sentence always agree in person and number.

As can be observed in the majority of languages, besides copulas there are also semi-copulas in the locative sentences [12], [1]. Posture verbs often serve as a source for semi-copulas [7].

In the sentences listed above, there were examples only of one quasi-copula, which can be traced back to the lexical verb *ɔməs-* ‘sit’. On the basis of the situation in a neighboring dialect, there may be further quasi-copulas⁴. This is generally used to localize objects with a large base, villages and towns (11), houses (12), as well as pieces of furniture⁵ (13):

- (11) *kɔrt-ew wɔn as χǔśa ɔməs-A.*
 village-1pl great Ob at sit-PRS.3SG
 ‘Our village is situated at the Great Ob River.’ [5, p. 39]

⁴ Synja dialect cf. [24] [25].

⁵ This quasi-copula has proved to be so frequent that it would not have made much sense to collect all the sentences of similar meaning applying the same quasi-copula. Now there are seven sentences of this type in the corpus.

(12) *škola wɔn kɔrt-ən ɔməs-λ.*
 school big village-LOC ül-PRS.3SG
 ‘The school is in a/the big village.’ [21, p. 42]

(13) *χōta pāsən ɔməs-λ?*⁶
 where table sit-PRS.3SG
 ‘Where is the table?’ [10, p. 180]

4. Copula dropping

As has been mentioned above, the copula can be dropped in present tense. In what follows, I will examine the possible conditions of copula-dropping from several aspects, i.e. the grammatical and semantic features of subject, the meaning of locative element, and the relation of the theme and locative elements.

4.1 Subject

4.1.1 Person and number

On the basis of the following examples, we can conclude that the copula can be dropped in first (14), second (15), and third⁷ person sentences, as well as in plural (16), in other words, it does not depend on the person or number of the subject:

(14) *ma λ'a λ' χār-n wɔλ-λ-εm.*
 I battle field-LOC be.PRS-PRS-1SG
 ‘I’m at the battlefield (now).’ [5, p. 23]

(15) *nāj jamal mūw sejaxa kɔrt-ən – nāwrem-ət lõp-λ-ət.*
 you J. land S. village-LOC child-PL say-PRS-3PL
 ‘You are in Sejaxa village of Yamal – the children said.’ [23, p. 112]

(16) *wūli-λan šāχər-n.*
 reindeer-PL<2DU pasture-LOC
 ‘Your reindeer are in the pasture.’ [26, p. 46]

4.1.2 Animate vs inanimate subject

Copula dropping does not correlate with the animate or inanimate character of the subject. Both types are documented with both sentence forms (17) (18) vs (19) (20):

(17) *λūw in war-jōχan kɔrt-ən wɔλ.*
 he/she now W-river village-LOC be.PRS.3SG
 ‘Now he/she is in Warjogan.’ [26, p. 48]

(18) *λiw λer-λλλ agan jōχan-ən wɔλ-λ-ət.*
 they root-PL<3PL A. river-LOC be.PRS-PRS-3PL
 ‘They are rooted in the Amnja region.’ [5, p. 36]

(19) *aše-n amñaj-ən.*
 father-2SG A.-LOC
 ‘Your father is in Amnja.’ [26, p. 46]

⁶ There is only one example in the corpus containing an object smaller than a house as a theme element, and it is a question. As it is to illustrate a semantic phenomenon, I decided to use it, although interrogatives are excluded from this investigation.

⁷ See the examples presented above.

- (20) *letōt-ət*   *λής* *ιπιjn.*
 food-PL   snow   under
 ‘(The) food is under the snow.’ [23, p. 108]

4.1.3 Word class

Subjects can be expressed with nouns or pronouns. As can be illustrated with the four examples above, the presence of the copula cannot be predicted neither in the case of pronouns (17) (18), nor in the case of nouns (19) (20). In other words, the word class of the subject does not seem to influence copula dropping.

4.2 Locational element

4.2.1 Spatial attributes of location

In the monograph written by Solovar, in the description of locational elements, smaller and bigger spaces are differentiated, as well as the various preciseness of localization is also emphasized. What concerns localization in relation to smaller objects or containers, it can be expressed in either way (21) (22):

- (21) *λῆw*   *χῶr-λλλ*   *tām*   *nepek-ən*   *wɔλ-λ-ət.*
 his/her   picture-PL<3SG   this.ADJ   book-LOC   be.PRS-PRS-3PL
 ‘His/her pictures are in this book.’ [20, p. 91]
- (22) *nōwi* *jernas-əl*   *λāras* *lipij-ən.*
 white dress-3SG   chest inner.part-LOC
 ‘Her white dress is in the chest.’ [26, p. 48]

However, when the locational element refers to a spaceous area, some tendencies seem to take form. Namely, on the one hand, several examples show that the copula is present in sentences giving geographical position (23) (24), see also (7). On the other hand, I could not find examples of sentences of similar content lacking the copula element.

- (23) *ši*   *wɔr-en*   *ōwəs* *peλλ-šek*   *wɔλ.*
 that.ADJ   lake-2SG   North toward-COMP   be.PRS.3SG
 ‘This lake is situated a bit North.’ [26, p. 48]
- (24) *λῆw* *zapadno-sibirskoj* *ravnina*   *kūtəp-n*   *wɔλ, (...)*
 it   western-Siberian   plain   middle-LOC   be.PRS.3SG
 ‘It (Khanty-Mansijsk) is in the middle of the West-Siberian Plain.’ [10, p. 241]

4.2.2 Participants of communication

In the next two examples, not only the subjects of the locative clauses but also the locational elements are linked to one of the conversing persons, and the contents are also similar. Nevertheless, (25) contains a copula while (26) does not:

- (25) *hāwrem-λλλ* *āŋke-n*   *χōśa* *wɔλ-λ-ət.*
 child-PL<2SG   mother-2SG   at   be.PRS-PRS-3PL
 ‘Your children are with your mother.’⁸ [26, p. 46]
- (26) *wūλi-λλλ*   *χῆwn*   *jaj-en*   *χōśa.*
 reindeer-PL<2SG   for.a.long.time   brother-2SG   at
 ‘Your reindeer have been with your brother for a long time.’ [26, p. 46]

⁸ On the basis of the Russian translation of the sentence, the verb *wɔλ-* is used as a copula, and not as a verb meaning ‘live’.

4.2.3 Place of communication

The next question is whether copula dropping is influenced by a further element of communication, namely, the place or scene of communication, that is, whether the copula use correlate with the visibility or invisibility of the theme and location.

There is only one single sentence having a theme that is supposedly present and visible for the communicating parties, and, at the same time, it contains a copula element (unfortunately, the context of the sentence is not known) (27). It is typical that in such cases there is no copula in the sentence (28):

(27) *in neŋ-en mil nɔmn wɔa.*
this woman-2SG cap above be.PRS.3SG
'This woman's cap is above.' [26, p. 44]

(28) *xɔt-em šăta wan-ən.*
house-1SG there near-LOC
'My house is hereabout.' [26, p. 44]

The localization of objects that are not present at the place of communication is typically expressed with a sentence containing a copula element (29). However, counterexamples can be found e.g. in Khanty course books (30)

(29) *χɔt-ew χetta λɔr χɔnəŋ-ən wɔa.*
house-1PL H. lake shore-LOC be.PRS.3SG
'Our house is at the shore of Lake Hetta.' [5, p. 46]

(30) (...) *ješa măn-λ-ən, pa wɔn kew χɔt tɔm pelək-ən,*
some.more go-PRS-2SG and big stone house that.ADJ side-LOC
pa wetmit χɔt-en šăta śi.
and fifth house-2SG there certainly
'(...) you go on and a stone building is at the other side, and the fifth house is certainly over there.' [10, p. 164]

4.2.4 Temporary vs permanent location

Finally, the presence or lack of copula will be examined from the aspect of temporary / permanent character of the situation. Above, there have been several examples expressing permanent location, e.g. Khanty-Mansijsk in Siberia (7) (24), house at a lake (29), reproduction of paintings in a book (21), someone's roots in the region of Amnja River (18), old objects of ethnographical importance in museums (4).

However, we can find sentences describing permanent localization that do lack a copula element. Of the above presented sentences the following three belong here: a house nearby (28), a house situated near another building (5), house number 5 in the neighborhood of a stone building (30). It applies to the following sentence, as well (31):

(31) *śit śi χɔt pŋŋələn.*
that.N that.ADJ house near
'It (the cinema) is near that house.' [14, p. 64]

Some of the locative sentences, e.g. (28), are classified as introductory in Solovar's monograph (*introduktivnyj tip vyskazyvanija*) [26, p. 44], however, its content or significance is not explicated. Nevertheless, they cannot be identified with the so-called presenting sentences because the examples given there undoubtedly belong to the locative type.

On the question of sentences expressing temporary location, the minority of them contain a copula element: e.g. the speaker at the battlefield, which sentence must have a temporal meaning (14), the cap of a woman somewhere high (27). The majority of them, on the contrary, exhibit copula dropping (32) (33). According to Solovar [26, p. 44], if the location is expressed as one in relation to a person, it must be temporary (32), but temporariness can also be associated to locative elements of other types (33):

(32) *wōχ-λan*   *ma*   *χōśama*.
 money-PL<2SG   I   at.me
 ‘Your money is with me.’ [26, p. 48]

(33) *kūr-ηαλ*   *kamn,*   *ōχ-αλ*   *jōλαν*.
 leg-DU<3SG   outside   head-3SG   inside
 ‘(...), his legs (are) outside, his head (is) inside.’ [29, p. 78]

The results of the above analyses can be summarized as follows. Copula dropping is only possible in present tense indicative. Some factors have been proved not to influence copula dropping, i.e. the word class to which the subject of the sentence belongs, the relation of the theme or locative elements of the sentence to the participants of communication. Permanent location tends to be described with sentences containing a copula element, while temporary situations are typically expressed without a copula. Considering the fact that, on the one hand, a geographical area as a background (locative element) normally implies a relatively big object as a figure (theme element), which latter are rarely mobile, and, on the other hand, objects of smaller size are transferable, consequently, their location can more often be provisional, these tendencies finally correspond to Solovar’s semantic grouping based on the size of the locative elements.

5 Summary

The questions listed in the introduction can be answered as follows: (a) the structure of Kazym Khanty locative sentences are quite uniform, i.e. of the three essential elements of a locative sentence it is always the theme that occupies the first position, and it is normally followed by the locative element, while the copula is in the sentence-final position. (b) The function of copula is performed by the be-verb. There is a semi-copula typically used in sentences describing the location of a town or village, a house, or a piece of furniture. (c) The theme element (subject) and the copula element always agree in person and number. (d) On the conditions of copula-dropping the following tendency can be outlined: sizeable, immobile objects (figures) and wide / geographical areas (backgrounds) seem to require a copula element, otherwise copula-dropping is typical. These results are based on written sources, they are to be considered preliminary.

References

1. Ameka, F. K. The typology and semantics of locative predicates: posturals, positionals and other beasts / F. K. Ameka, S. C. Levinson // *Linguistics* (Special Issue: The typology and semantics of predicates: posturals, positionals and other beasts). – 2007. 45/5-6. – P. 847–872.
2. Bara, B. G. A mentalist framework for linguistic and extralinguistic communication / B. G. Bara, M. Tirassa // *Proceedings of the 3rd European Conference on Cognitive Science*. – 1999. – URL: <http://cogprints.org/3560/1/1999-Meaning.pdf> (downloaded: 15.05.2019).
3. Comrie, B. *The languages of the Soviet Union* / B. Comrie. – London : Cambridge University Press, 1981. – 317 p. – ISBN 0-521-29877-6.
4. Creissels, D. Existential predication in Typological Perspective // Site personnel de Denis Creissels. – URL: <http://www.deniscreissels.fr/public/Creissels-Exist.Pred.pdf> (downloaded: 20.04.2019).
5. Danilo, U. A. *Soxranim jazyk v sem’e* / U. A. Danilo, R. G. Rešetnikova, N. I. Vax. – Xanty-Mansijsk : Print-Klass, 2011. – 80 p.

6. Dömötör, A. Hány VAN nincs? A létige – zéró váltakozás korpuszvezérelt vizsgálata / A. Dömötör // Doktoranduszok tanulmányai az alkalmazott nyelvészet köréből 2017 : XI Alkalmazott Nyelvészeti Doktoranduszkonferencia. – Budapest : MTA Nyelvtudományi Intézet, 2017. – P. 28–38.
7. Heine, B. The World Lexicon of Grammaticalization. / B. Heine, T. Kuteva. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – 387 p. – ISBN 0-521-00597-3.
8. Honti, L. Chrestomathia Ostiacica / L. Honti. – Budapest : Tankönyvkiadó, 1984. – 285 p.
9. Kaksin, A. D. Kazymskij dialekt xantyjskogo jazyka / A. D. Kaksin. – Xanty-Mansijsk : Obsko-ugorskij Institut, 2010. – 175 p. – ISBN 978-5-89846-611-4.
10. Koškarëva, N. B. Pogovorim po xantyjski / N. B. Koškarëva, V. N. Solovar. – Novosibirsk : Sibirskij xronograf, 2004. – 280 p.
11. Lambrecht, K. Information structure and sentence form / K. Lambrecht. – Cambridge : Cambridge University Press, 1994. – 295 p.
12. Newman, J. The Linguistics of Sitting, Standing and Lying / J. Newman. – Amsterdam : John Benjamins, 2002. – 409 p. – ISBN 90-272-2957-0.
13. Nëmysova, E. A. Xantyjskij jazyk / E. A. Nëmisova. – Leningrad : Prosveščenie, 1988. – 224 p.
14. Nëmysova, E. A. Russko-xantyjskij razgovornik / E. A. Nëmisova, S. P. Kononova, E. N. Vožakova. – Moskva : Ikar, 1996. – 147 p.
15. Nikolaeva, I. Ostyak / I. Nikolaeva. – München ; Newcastle : Lincom Europa, 1999. – 106 p. – ISBN 3-89586-562-1.
16. Численность и размещение населения. – Текст : электронный // Всероссийская перепись населения 2010 года. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis010/croc/perepis_itogi1612.htm (downloaded: 20.04.2019).
17. Pustet, R. Copulas – Universals in the Categorization of the Lexicon / R. Pustet. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – 278 p. – ISBN 0-19-925850-3.
18. Rédei, K. Nord-ostjakische Texte (Kazym-Dialekt) mit Skizze und Glossar / K. Rédei. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1968 – 139 p.
19. Rešetnikova, R. G. Na rodnoj zemle / R. G. Rešetnikova, N. I. Vax. – Xanty-Mansijsk : Novosti Jugry, 2016. – 207 p.
20. Rešetnikova, R. G., Rodnoj jazyk moguč i krepok / R. G. Rešetnikova, N. I. Vax. – Xanty-Mansijsk : Print-Klass, 2012. – 132 p. – ISBN 978-5-4289-0050-7.
21. Russkaja, Ju. N. Samoučitel' xantyjskogo jazyka / Ju. N. Russkaja. – Leningrad : Učpedgiz, 1961. – 256 p.
22. Schmidt, É. A nyelvfejlődés és nyelvújítás tükröződése a közép-obi és a kazimi osztják irodalmi nyelvben / É. Schmidt // Nyelv, nyelvjárás, írásbeliség, irodalom. Schmidt Éva Könyvtár 2. – Budapest : MTA Nyelvtudományi Intézet, 2006. – P. 182.
23. Sengepov, A. M. Xanty jasang / A. M. Sengepov, E. A. Nëmisova. – Leningrad : Prosveščenie, 1984. – 255 p.
24. Sipos, M. „A padok előtt tanári asztal ül.” A hanti 'ül' szóból létrejött kvázi-kopulárról / M. Sipos // Folia Uralica Debreceniensia. – 2018. – Debrecen 25. – P. 215–232.
25. Sipos, M. 2 in 1 – a színjai hanti lokatív mondatok egyik kvázikopulájáról / M. Sipos. – In print.
26. Solovar, V. N. Paradigma prostogo predloženiija v xantyjskom jazyke / V. N. Solovar. – Novosibirsk : Ljubava, 2009. – 263 p.
27. Stassen, L. Intransitive Predication / L. Stassen. – Oxford : Clarendon Press, 1997. – 771 p. – ISBN 0-19-925893-7.
28. Steinitz, W. Ostjakische Grammatik und Chrestomathie / W. Steinitz. – Leipzig : Otto Harrasowitz, 1950. – 167 p.
29. Xomljak, L. R. Arem-moňšem jel ki manl... Jesli moja skazka-pesnja dal'se pojdët... / L. R. Xomljak. – Xanty-Mansijsk : Grupp Poligrafist, 2002. – 205 p.

Научное издание

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ В ХМАО-ЮГРЕ

Сборник материалов круглого стола
(Ханты-Мансийск, 23–25 мая 2019)

Оригинал-макет подготовлен сектором редакционно-издательской работы
Научной библиотеки
Югорского государственного университета
Формат 60x84 1/8. Гарнитура Times New Roman.